

GISAP: PHILOLOGICAL SCIENCES

International Academy of Science and Higher Education
London, United Kingdom
Global International Scientific Analytical Project

№ 10 Liberal* | May 2016

Expert board:

Alexandra Zalevskaya, Elena Kosykh, Marina Zheltukhina, Maria Shemyakina (Russia),
Galina Kontsevaya (Belarus), Daniela Grava (Italy), Balasarian Mariana (Georgia), Mehmed Jemal (Turkey).

GISAP: Philological Sciences №10 Liberal* (May, 2016)

Chief Editor – J.D., Prof., Acad. V.V. Pavlov

Copyright © 2016 IASHE

ISSN 2053-1532

ISSN 2053-1540 (Online)

Design: Alexander Stadnichenko, Tatyana Gribova, Inna Shekina, Yury Skoblikov

Published and printed by the International Academy of Science and Higher Education (IASHE)

1 Kings Avenue, London, N21 3NA, United Kingdom

Phone: +442071939499, E-mail: office@gisap.eu, Web: <http://gisap.eu>

- ! No part of this magazine, including text, illustrations or any other elements may be used or reproduced in any way without
● the permission of the publisher or/and the author of the appropriate article.

Print journal circulation: 1000

“* – Liberal – the issue belongs to the initial stage of the journal foundation, based on scientifically reasonable but quite liberal editorial policy of selection of materials. The next stage of development of the journal (“Professional”) involves strict professional reviewing and admission of purely high-quality original scientific studies of authors from around the world”.

CONTENTS

O. Ikonnikova , <i>Southern Federal University, Russia</i> DESIGNATION OF THINGS AND OBJECTS IN THE SALISHAN LANGUAGE COUEUR D’ALENE	3
A. Panfilova , <i>Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia</i> DEVELOPMENT OF THE SPEECH CULTURE WITHIN THE SYSTEM OF TRAINING SPECIALISTS IN THE HIGHER EDUCATION INSTITUTION.	5
V. Panaiotov , <i>St. Kliment Ohridski University of Sofia, Bulgaria</i> LANGUAGE ASPECTS OF THE EUROPEAN INTEGRATION (ON MATERIALS FROM SLOVAK AND BULGARIAN LANGUAGES)	9
M. Vintoniv , <i>Donetsk National University, Ukraine</i> , O. Shatilova , <i>Kremenchug M. Ostrohradsky National University, Ukraine</i> FORMS OF LEXICAL RELATIONS BETWEEN THE PHRASAL PARTICLES OF UKRAINIAN AND POLISH LANGUAGES	12
D. Hamze , <i>Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria</i> COMMUNICATIVE AND COLLOQUIAL “ARSENAL” OF ART LANGUAGE IN THE GROTESQUE DOMINATED CREATIVITY OF WITOLD GOMBROVICH.	15
A. Zalevskaya , <i>Tver State University, Russia</i> ABOUT POSSIBLE APPROACHES TO STUDYING PECULIARITIES OF ORAL AND WRITTEN LANGUAGE DEVELOPMENT	29
S. Shvachko , A. Kobayakov , I. Kobayakova , <i>Sumy State University, Ukraine</i> THE CATEGORY OF “NOTHING” IN TRANSLATION HERITAGE OF JEAN-FRANÇOIS CHAMPOLION	33
M. Kostova-Panayotova , <i>South-West University, Bulgaria</i> INEXPLICABLE AND MYSTERIOUS – IN OUR WORLD (GEORGY IVANOV’S STORIES OF THE SECOND “NOVELISTIC PERIOD”)	37
Yu. Pykhtina , <i>Orenburg State University, Russia</i> TYPOLOGY OF VIRTUAL SPACE IN THE RUSSIAN LITERATURE	40
M. Balasarian , <i>Samtskhe-Javakheti State University, Georgia</i> ACTIVE PROCESSES OF THE MODERN RUSSIAN	44
V. Lee , <i>Al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan</i> NOMINALIZATION AS THE CATEGORY OF THE LITERARY AND WRITTEN LANGUAGE (TO THE QUESTION OF NATIONAL AND CULTURAL SPECIFICITY OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY IN RUSSIAN)	51
L. Taranenko , <i>National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Ukraine</i> PSYCHO-ENERGETIC MECHANISM OF SUBLIMINAL INFLUENCE OF A FAIRY TALE ON A CHILD	55

CONTENTS

Иконникова О. , <i>Southern Federal University, Russia</i> DESIGNATION OF THINGS AND OBJECTS IN THE SALISHAN LANGUAGE COUEUR D'ALENE	3
Панфилова А.П. , <i>Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Россия</i> РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ В ВУЗЕ	5
Панайотов В. , <i>Софийский университет им. святого Климента Охридского, Болгария</i> ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ СЛОВАЦКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)	9
Vintoniv M. , <i>Donetsk National University, Ukraine</i> , Shatilova O. , <i>Kremenchug M. Ostrohradsky National University, Ukraine</i> FORMS OF LEXICAL RELATIONS BETWEEN THE PHRASAL PARTICLES OF UKRAINIAN AND POLISH LANGUAGES	12
Хамзе Д.Г. , <i>Пловдивски университет Паусий Хилендарски, Болгария</i> КОММУНИКАТИВНО-РАЗГОВОРНЫЙ «АРСЕНАЛ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА В ГРОТЕСЧНО ДОМИНИРОВАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧА	15
Залевская А.А. , <i>Тверской государственный университет, Россия</i> О ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ	29
Швачко С.А., Кобяков А.Н., Кобякова И.К. , <i>Сумской государственный университет, Украина</i> КАТЕГОРИЯ НИЧТО В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЖАНА-ФРАНСУА ШАМПОЛЬОНА	33
Костова-Панайотова М. , <i>Юго-западный университет, Болгария</i> НЕОБЪЯСНИМОЕ И ТАИНСТВЕННОЕ – В НАШЕМ МИРЕ (РАССКАЗЫ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА ВТОРОГО “НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА”)	37
Пыхтина Ю.Г. , <i>Оренбургский государственный университет, Россия</i> ТИПОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ	40
Баласаниян М.А. , <i>Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия</i> АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА	44
Ли В.С. , <i>Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Казахстан</i> НОМИНАЛИЗАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ (К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ).	51
Taranenko L. , <i>National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Ukraine</i> PSYCHO-ENERGETIC MECHANISM OF SUBLIMINAL INFLUENCE OF A FAIRY TALE ON A CHILD	55

DESIGNATION OF THINGS AND OBJECTS IN THE SALISHAN LANGUAGE
COUEUR D'ALENEO.N. Ikonnikova, Candidate of Philology
Southern Federal University, Russia

In the present article the author presents the means of designation of things and objects in the Salishan language Coueur d'Alene. The author concludes that there is no need for Coueur d'Alene to have a word class of nouns to designate things and objects, one only needs a class of predicates to perform the function of reference. Such a designation of things and objects is determined by the fact that the Coueur d'Alene language belongs to the 'language of microcommunities' that does only with the rheme of the utterance.

Keywords: Coueur d'Alene language, verb, lexical suffix, predicate, nominal root, rheme of the utterance, language of microcommunities.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1273>

Coueur d'Alene is a Southern Interior Salishan language spoken in northern Idaho. It is severely endangered and has less than 10 fluent elderly speakers.

Coueur d'Alene provides us with valuable material for the diachronic reconstruction of the parts-of-speech system. The language is typologically unusual since it contains elaborate morphological and syntactical structures as far as the variation in the identification of objects and things in the discourse is concerned.

The material for the research was 12 texts in Coueur d'Alene – 'Tales with Historical Elements' – 12 stories identified by Reichard as having historical elements, narratives recounting 'actual historical encounters which were remembered by living people or which had happened not less than a hundred years ago' [Ivydoak.com/Coueur d'Alene/ReichardTexts.htm].

The aim of the report is to present the means of denoting the designations of things and objects in Coueur d'Alene. The instances were extracted from the above-mentioned texts in Coueur d'Alene.

Having analyzed the means of denoting things and objects in Coueur d'Alene we have singled out the following ways to express substantive meanings:

1) A number of designations for objects and things are denoted by lexical suffixes.

a. *hnq'et'pitkwe'*

hn – qet – p – itk^we?

loc – climb – nonvol. = water

'he climbed out of the water'

b. *'adalk'wi'qs*

?ec – delk^w = y'qs

cust / cover with cloth = nose

'It was pulled over his / her nose'

2) Terms for objects and things are often formed directly from morphological verbs with or without additional nominalizing morphology

a. *sgwelp*

s – g^wel – p

nom – burn – nonvol.

'fire'

b. *'utsqhatsqhatsuts*

?uc – xecut + CVC – s

remain/accompany + augmentative – 3sg

'his / her companions'

c. *'etswish*

cust / dwell

'house'

d. *sits'ms*

sic – m – s

cover – mdl – 3sg

'blanket'

e. *'eesidstm*

?ec – sidest – m

cust / overnight – mdl

'camp'

f. *'etsich'n*

?ec = icn

tie = back

'bow'

3) Terms for objects and things are often formed from morphological verbs with the additional morphology (lexical suffixes):

a. *tmikhu'lmkhws*

t – mix^w = ulmx^w – s

loc – hang = earth – 3 sg

'their land'

b. *qhatsnu'mis*

xec = num – n – s

clothe = body – instr. – 3 sg

'his/ her clothes'

c. *stqwilkup*

s – t – q^wil = k^wup

nz – loc – kindle = fire

'fireplace'

d. *t'apemis'lh*

tap = min – s – ls

shoot = instr – 3sg – 3pl

'their brothers and arrows'

4) There are instances where substantive meanings are expressed in a descriptive way.

The notion of 'west' *sq'wemp'n* is expressed in a descriptive way, i.e. where the sun sets:

sq'wemp'n

s – q^wemp – n

nz – sunset – loc

The notion of 'trade clothing' *'nadosa'lqsi'wes* is also expressed in a descriptive way by a verbal root 'exchange' with the attached lexical suffixes 'face', 'clothes', 'between':

'nadosa'lqsi'wes

nid = us = alqs = iwes

exchange = face = clothes = between

The notion of 'mate' is translated 'a fellow you dwell with':

snukwtswishs

s – nuk^w – c – wis – s

nz – fellow – loc – dwell – 3sg

The notion of 'sense' *tsikweman* is expressed by the root 'cranium' + instrumental suffix:

tsikweman

cik^w – min

cranium – instr.

5) There are some nominal roots with or without the additional nominalizing morphology. These are mostly the lexemes denoting animals, such as fish, snake, frog, black bear, woodpecker, horse, pine squirrel, rat, or such instances as the following:

a. *smi'yem*
s – miy'em
nz / woman
'woman'

b. *sqiltch*
s – qilte
nz – meat
'body'

So we can infer that designation of objects and things in Coueur d'Alene is expressed by lexical suffixes on the one hand, and by morphological verbs on the other hand. Nominal roots constitute a rather closed class. Thus in this case one can speculate upon a *flexible* part of speech (by D. Beck) [Beck] that conflates two or more major classes filling a variety of syntactic roles. One can also regard it as *recycling* (by J. Anward) [Anward, 2000, p. 33] of verbs as term expressions.

Since the function of reference in Coueur d'Alene is carried out by personal affixes or lexical suffixes occurring in the predicate or by the predicate itself, there is no need to have a word class of nouns, one only needs a class of predicates.

According to our findings such a designation of things and objects in Coueur d'Alene is determined by the fact that this language belongs to 'the archaic language type' (by O. Ikonnikova) [Ikonnikova, p. 35-37] and to 'the language of micro communities' (by G. Melnikov). According to G. Melnikov in the languages of micro communities the rheme is communicatively expressed while the theme is not, because its content is evident and known to the listener [Melnikov, p.34], which is confirmed by the material of the Salishan language Coueur d'Alene. That's why Coueur d'Alene does only with the rheme of the utterance.

References:

1. Anward J. A dynamic model of parts-of-speech differentiation., Approaches to the typology of word classes. – Berlin; New York., Mouton de Gruyter, 2000. - pp. 3-46.
2. Beck D. Unidirectional flexibility and the noun-verb distinction in

Lushootseed., Access mode: <http://www.ualberta.ca/~dbeck/FlexDist.pdf>

 <http://dx.doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199668441.003.0007>

3. Ikonnikova O.N. The Salishan Language Group as a Representative of the Archaic Language Type., Verbal Culture of the Humanity through the Prism of Ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II Stage of the Championship in Philological Sciences. - London., IASHE, 2013. - pp. 35-37.

4. Melnikov G.P. Sistemnaya tipologiya jazykov [System language typology]. – Moskow., Izd-vo Rossijskogo universiteta druzhby narodov, 2000. - 90 p.

5. Tales with Historical Elements., Access mode: Ivydoak.com/Coueurd'Alene/ReichardTexts.htm

Information about author:

Olga Ikonnikova – Candidate of Philology, Southern Federal University; address: Russia, Rostov-on-Don city; e-mail: iconolga@mail.ru

International multilingual social network for scientists and intellectuals.

International intellectual portal PlatoNick is a multilingual open resource aimed at facilitation of multifaceted communications between scientists and intellectuals together with promulgation of their authoritative expert conclusions and consultations. Platonick ensures familiarization of wide international public with works of representatives of the scientific and pedagogic communities. An innovation news line will also be presented on the Platonick portal.

Possibility of the informal communication with colleagues from various countries;

Demonstration and recognition of creative potential;

Promulgation and presentation of author's scientific works and artworks of various formats for everyone interested to review.

<http://platonick.com>

DEVELOPMENT OF THE SPEECH
CULTURE WITHIN THE SYSTEM OF
TRAINING SPECIALISTS IN THE HIGHER
EDUCATION INSTITUTION

A. Panfilova, Doctor of Education, Full Professor
Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia

In the article its author considers the need to develop the students' speech culture and to use interactive technologies for this purpose: trainings, situation analysis, situational role-playing games, discussions in combination with traditional technologies of training.

Keywords: speech culture, verbal means, nonverbal means, sensory channels, pantomimic, paraverbal signals, proxemics, interactive technologies, after-game reflection.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

РАЗВИТИЕ РЕЧЕВОЙ
КУЛЬТУРЫ В СИСТЕМЕ
ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ
В ВУЗЕ

Панфилова А.П., д-р пед. наук, проф.
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена, Россия

В статье речь идёт о необходимости развития речевой культуры студентов и использования для этих целей интерактивных технологий: тренингов, анализа ситуаций, ситуационно-ролевых игр, дискуссий в сочетании с традиционными технологиями обучения

Ключевые слова: речевая культура, вербальные средства, невербальные средства, сенсорные каналы пантомимические, паравербальные сигналы, проксемика, интерактивные технологии, послеигровая рефлексия.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1274>

Коммуникация в современных условиях является основой жизнеобеспечения каждой фирмы, организации, предприятия. Коммуникация, как известно, осуществляется с помощью речи и языка тела: мимики, жестов, поз. По речи специалиста судят об его интеллекте, имидже. Народная мудрость гласит:

«Умён ты или глуп,
велик ты или мал,
Не знаем мы,
пока ты слова не сказал».

Речь имеет большое значение для всех аспектов жизнедеятельности человека. В современных условиях достичь успеха, сделать карьеру без искусного владения письменной и устной речью практически невозможно. Именно от того, какие слова мы используем, и какие чувства хотим вызвать, мы оказываем на партнёра определённое влияние – внушающее, убеждающее или принуждающее.

Цель статьи: Овладеть культурой речи или вербализацией, то есть словесной одеждой мысли, не так-то просто. Это мастерство, которому нужно специально обучаться. Именно об этом пойдёт речь в данной статье, то есть о том, как *можно научить студента грамотно публично говорить*.

В профессиональном общении речь является главным источником вступления в контакт и коммуникации между деловыми партнёрами. Очевидно, что одну и ту же информацию можно сказать собеседнику по-

разному, меняя темп говорения, интонирование, по другому расставляя акценты, демонстрируя при этом разную мимику и пр., и, как показывает практика, это может оказать различное воздействие и может вызвать совершенно разные чувства у партнёра по общению. Всё зависит от того как мы говорим и какую информацию хотим донести. В зависимости от цели и владения риторикой наша речь может быть выразительной, чувственной и эмоциональной, она может вдохновлять, а может вызывать чувство унижения, может советовать, напутствовать, а может обесценивать партнёра. Сообщения, как известно, передаются людьми с помощью репрезентативных систем, то есть через сенсорные каналы. В процессе делового взаимодействия его участники могут контактировать друг с другом посредством любого из пяти сенсорных каналов. Иногда пристальный взгляд, аромат духов или излишне крепкое или слабое рукопожатие, тихий голос, избегание визуального контакта, могут быть столь же информативны, как и то, что конкретно говорится. Специалисты в сфере общения отмечают, что чем больше каналов использовано для передачи сообщения, тем больше вероятность того, что коммуникация будет успешной.

Однако практика деловых контактов свидетельствует, что при непосредственном взаимодействии между людьми все же используются, в основном, три сенсорных канала: слуховой

(аудиальный) – вербальные символы: слова, звуки, шумы; зрительный (визуальный) – невербальные сигналы: цвета, габариты, количество предметов и пр. и чувственный (кинестетический) – ощущения, чувства, эмоции. Информация от партнера к партнеру в процессе делового общения передается как словами (что говорит) так и их невербальным сопровождением (какие чувства передаёт и как ведет себя).

Коммуникация сотрудников организации осуществляется с помощью вербальных и невербальных средств. Вербальные коммуникации реализуются посредством устных и письменных сообщений. Устная передача информации осуществляется в процессе речевого диалога, деловой встречи, совещания, собрания, переговоров, дискуссий, споров, презентаций, телефонного разговора, когда наибольший объем информации передается посредством голосовой связи и речи. Письменные коммуникации реализуются через документы в форме приказов, распоряжений, инструкций, деловых писем, положений, отчетов, когда руководитель передает подчиненному письменные указания или обмениваются информацией деловые партнёры.

Вербальные (речевые, словесные) средства делового общения отражают сущностную логико-смысловую канву деловой коммуникации. Они включают в себя различные речевые конструкции, фразеологические обо-

роты, характерные для официального делового стиля языка. Кроме профессионального языка, который требует предельной точности речи, в деловой коммуникации может быть использована и разговорная лексика, разного рода речевые шаблоны, эмоционально-окрашенные неологизмы, метафоры, сравнения, остроты, ирония и пр. Они выполняют в основном целевую коммуникативную функцию в спонтанно возникающих диалогах, беседах деловых партнеров.

Невербальные коммуникации осуществляются посредством языка телодвижений и параметров речи. Язык телодвижений – главный компонент невербальных коммуникаций, до 55% всех коммуникаций, оказывающих воздействие на другого человека. К нему относятся пантомимические сигналы: поза, выражение лица, жесты, одежда, осанка, собственно телодвижения, фигура человека, контакт глазами, размер зрачков. До 35% всех коммуникаций составляют параметры речи – второй по значимости компонент невербальных коммуникаций. К параметрам речи относятся паравербальные, то есть околоречевые сигналы, а именно: интонация, тембр голоса, темп речи, частота дыхания, выбор слов, употребление жаргона, громкость голоса, манера произношения слов, назализации (слова-паразиты и негативные околоречевые звуки) и др. [1].

Невербальный поток коммуникации также подразделяется на проксемический, который включает расположение людей в пространстве, дистанцию между говорящими, которая зависит от цели коммуникации и может быть межличностной – до 1,2 м. (беседа, переговоры, консультация), социальной: от 1,2 до 3,5 м. (деловая встреча, совещание) и публичной – от 3,5 м. (лекция, митинг, конференция).

Невербальные средства, таким образом, влетают в канву межличностного общения деловых партнеров и фактически служат его естественным фоном и дополнением вербальной коммуникации. Через систему невербальных сигналов транслируется информация об эмоциях и чувствах деловых партнеров, их

эмоциональных реакциях и эмоциональных состояниях. Таким образом, говоря о развитии речевой культуры будущих специалистов, следует обучать вербальной и невербальной коммуникации.

Общение в организации – это информационные взаимодействия, в которые люди вступают при выполнении своих функциональных обязанностей или должностных инструкций. Исследователями обобщены и выделены четыре наиболее важные цели деловых коммуникаций:

- обмен информацией;
- координация заданий для достижения целей;
- решение проблем;
- анализ и разрешение конфликтных ситуаций.

Анализ практического опыта профессиональной подготовки студентов свидетельствует, что при поступлении в вуз многие студенты не владеют на достаточном уровне речевой культурой и, следовательно, необходимо за годы обучения эффективно заниматься её развитием. В обучении общению сегодня существует, как и во многих других направлениях, компетентный подход. Однако, у преподавателей в системе вузовской подготовки, в связи с этим, существует много неясностей и непонимания, когда речь идёт о конкретных коммуникативных компетентностях и их диагностики «на выходе». Эти трудности особенно характерны для тех, кто до сих пор не перестроился и продолжает обучать с помощью лекций, во время которых говорит преимущественно сам преподаватель [2].

Вместе с тем современный процесс обучения рассматривается инновационными специалистами как изменение поведения или деятельности студентов в результате приобретения новых компетентностей и опыта. Такой подход требует деятельностного, адаптивного обучения, включающего в себя действие, обратную связь и синтез, использующего постоянное экспериментирование, практическую деятельность, совершение ошибок и их развёрнутый анализ, выработку навыков через осуществление всех видов общения: монологового, диалогового и полилогового. Именно при

таком обучении студентов у них преобладает открытое общение, партнёрские отношения и активный информационный обмен, в основе которого лежит, прежде всего, речевая коммуникация.

Многообразие подходов и технологий в обучении и полезно, и неизбежно, а при обучении речевой культуре это обязательное требование. Сегодня важно использование в образовательном процессе, наряду с лекциями по общению и риторике, практическими по русскому языку, интерактивных технологий, включающих коммуникативные тренинги, ситуационно-ролевые и имитационные игры, а также всё многообразие технологий интенсифицирующих учебный процесс и создающих условия для вопросов и ответов, аргументаций и контраргументаций, дискуссий, полемики и презентационных высказываний студентов по разным поводам. Поэтому при обучении речевой культуре студентов для многих преподавателей, читающих разные курсы, целесообразен и возможен для широкого использования подход – *обучение методом дискуссии* (ОМД), применимый как самостоятельно (например, дискуссионный семинар), так и в игровом имитационном моделировании [3]. В то же время трудность использования дискуссионного метода заключается в необходимости преподавателю выполнять множество ролей: он планирует и руководит обсуждением; он одновременно и модератор, и «адвокат дьявола», и коллега – партнёр, и компетентный судья. При дискуссионном обучении вместо иерархии и неравноправия в отношении тех, кто учит и тех – кого обучают должны возникнуть партнёрские отношения, предполагающие общность цели, разделение власти, делегирование ответственности и совместное решение проблем.

В процессе дискуссии студенты исследуют новые интеллектуальные области, мыслят творчески, строят догадки, экспериментируют и преодолевают неопределённости, недостаток информации и всё это в условиях моделируемого делового взаимодействия. Участие в обсуждении, осознание своей ответственности за его результат, эмоциональная заинтере-

ресованность в результате обучения – всё это помогает будущим специалистам взять процесс образования в собственные руки. Если малая группа представляет собой команду, то она объединяет опыт различных по степени речевой культуры студентов и образует своего рода союз, помогающий как общему, так и индивидуальному их развитию, в том числе формированию речевой культуры, опирающейся на ценности и смыслы.

Как показывает анализ практического обучения, наибольшую эффективность в подготовке специалистов дают *коммуникативные игры и тренинги* по развитию навыков публичного говорения. Организация процесса общения в таких игровых технологиях, то есть обучение деятельностью, и есть главное средство осуществления коррекционных воздействий, оно рассматривается как синтез взаимодействий. Коммуникативный тренинг включает в себя иповеденческий тренинг, то есть обучение навыкам, лежащим в основе делового поведения, например общение по телефону или техника продаж, деловая коммуникация, позволяющая более эффективно вести деловые переговоры, встречи, участвовать в конференциях и презентациях с докладами и сообщениями.

Для позиционирования конструктивного поведения и расширения поведенческого репертуара общения участникам игрового обучения предлагается ориентировочная основа действий в виде коммуникативных правил, речевых норм, алгоритмов, видов вопросов и техник обратной связи, принципов поведения, за нарушение которых в процессе игры участники штрафуются. Именно на таких тактических приёмах построена коммуникативная игра «РАНАДО» (развитие навыков делового общения) и поисково-апробационная игра «ЗАПРОС» (защита проектов студентов) [4].

В практике обучения деловому взаимодействию коммуникативные умения соотносятся с коммуникативными техниками, которые также отрабатываются на играх, тренингах, анализе кейсов и микроситуаций. Так, например, к *техникам активного слушания* относятся: умение разгова-

ривать и умение услышать и понять. В свою очередь, *умение разговаривать* предполагает владение техниками формулирования ответов и постановки вопросов, прежде всего, открытых, закрытых, альтернативных, вопросов на уточнение и понимание, провокационных вопросов и *техники малого разговора* (короткие беседы, диалоги, консультации по деловым вопросам).

Обычно задачей такого обучения является показ типичных ошибок малого разговора и развитие у обучаемых умения *услышать и понять*, которое включает владение *техникой повторения* (то есть вербализации полученной информации, дословного воспроизведения, цитирования основных мыслей собеседника); *техникой перефразирования* (краткого повторения сути высказывания партнёра своими словами), *техникой интерпретации* (то есть высказывания предположений об истинном значении сказанного или о причинах и целях высказывания партнёра).

В образовательном процессе при развитии речевой культуры нами отдаётся предпочтение игровым занятиям. В зависимости от учебных целей, они состоят из ролевых игр, упражнений, имитаций, кейсов, тренингов, деловых игр, мозговых штурмов и других техник. Обучение на занятиях обычно строится на технике ведения беседы, переговоров или внутригрупповой дискуссии. По итогам обсуждения проблем проводятся презентации и делаются письменные отчёты, которые подвергаются оцениванию: взаимному, другими командами, экспертами.

Среди навыков, вырабатываемых с помощью перечисленных игр, ведущее место занимают коммуникативные (для взаимодействия), умения говорить и слушать, осуществлять аргументацию и контраргументацию, например: «Колобок», «Старик и золотая рыбка», «Контакт», «Иностранец и переводчик», «Слепое слушание», «Испорченный телефон» и мн. другие [5]. Комплекс тренинговых процедур повторяется многократно в разной последовательности, например, коммуникативный тренинг без обратной связи, затем коммуникативная игра коллективного характера на

закрепление навыков вербализации и затем коммуникативный тренинг с обратной связью; затем проводится серия тренингов на развитие невербальной компетентности («Князь», «Разведка», «Мафия», «Киллер», «Телепатия») и тренинги на сенсорные каналы («Передача информации», «Картина», «Кот в мешке» и пр.) [4]. Для закрепления речевых навыков широко используются практические ситуации коммуникативного характера для работы с ними традиционным анализом, методами кейсов, «инцидента», «разыгрывания» ситуаций в ролях, «отслеживания» ролевой игры с помощью видеотехники.

При таком обучении уделяется особое внимание *последигровой дискуссии или разносторонней рефлексии* по поводу того, что происходило в тех или иных «разыгрываемых» на игровом занятии ситуациях взаимодействия обучаемых. При этом анализу подвергаются не только речевые сигналы, поведение и действия участников, но и их невербальное и эмоциональное реагирование на ситуации взаимодействия.

Вывод.

Таким образом, адаптивное, деятельностное обучение студентов речевой культуре возможно осуществить более успешно на основе рационального сочетания традиционных методов обучения, саморазвития студентов, многократного применения интерактивных технологий, а также при организации комфортного «коммуникативного пространства» для творческого создания обучаемыми вербальной продукции и более продуктивного игрового речевого взаимодействия.

References:

1. Lesli Raj. Razvitie navykov jeffektivnogo obshhenija [Development of skills in effective communication]. Translated from English. – St. Petersburg., PITER, 2009.
2. Panfilova A.P. Kompetentnostnyj podhod v razvitii navykov kommunikacii [Competence-based approach in the development of communication skills]., Chelovek i obrazovanie [Person and education]. – 2011, No. 4 (29)., pp. 29-34.

3. Panfilova A.P. Igrovoe modelirovanie v dejatel'nosti pedagoga [Game modeling in activity of the teacher]. Antologija professional'no-pedagogicheskoj dejatel'nosti [Anthology of professional and pedagogical activity], Uch. pos. dlja studvyssh. uch. zaved. [Textbook for students of higher educational institutions], Edited by V.A. Slastenina, I.A. Kolesnikovoj., Vol. 3 - Moskva., Akademija [Academy], 2008. - 368 p.

4. Panfilova A.P. Igrotehnikeskij menedzhment [Game technical management], Interaktivnye tehnologii dlja obuchenija i organizacionnogo razvitija personala [Interactive technologies for training and organizational development of personnel]. Uchebnoe posobie [Manual]. - St. Petersburg., IVJeSJeP "Znanie"

["Knowledge"], 2003. - 536 p.

5. Panfilova A.P. Innovacionnye pedagogicheskie tehnologii [Innovative pedagogical technologies], Aktivnoe obuchenie [Active training], Issue 4. - Moskva., Akademija [Academy], 2013. - 192 p.

Литература:

1. Лесли Рай. Развитие навыков эффективного общения., Пер. с англ. - СПб., ПИТЕР, 2009.

2. Панфилова А.П. Компетентный подход в развитии навыков коммуникации. Человек и образование. - 2011, No. 4 (29), С. 29-34.

3. Панфилова А.П. Игровое моделирование в деятельности педагога. Антология профессионально-педагогической деятельности. Уч. пос. для

студ. высш. уч. завед., Под общ. ред. В.А. Слостенина, И.А. Колесниковой., издание - 3-е - Москва., «Академия», 2008. - 368 с.

4. Панфилова А.П. Игротехнический менеджмент. Интерактивные технологии для обучения и организационного развития персонала. Учебное пособие. - СПб., ИВЭСЭП "Знание", 2003. - 536 с.

5. Панфилова А.П. Инновационные педагогические технологии. Активное обучение., 4-е изд. - Москва., Академия, 2013. - 192 с.

Information about author:

Alvina Panfilova - Doctor of Education, Full Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia; address: Russia, Saint-Petersburg city; e-mail: appanfilova@mail.ru

INTERNATIONAL ACADEMY OF INTELLECT AND QUALITATIVE PROGRESS

CERTIFICATION «ICSQ-775»

- ◆ Standart certification
- ◆ Operative certification

PATENTING IOSCEAAD-775

- ◆ Standart patenting
- ◆ Operative patenting

ACCREDITATION

- ◆ Authoritative accreditation
- ◆ Procedural accreditation
- ◆ Status accreditation
- ◆ Membership accreditation
- ◆ Expert accreditation

<http://academy.iuci.eu>

LANGUAGE ASPECTS OF THE EUROPEAN
INTEGRATION (ON MATERIALS FROM
SLOVAK AND BULGARIAN LANGUAGES)V. Panaiotov, Doctor of Philology, Associate Professor
St. Kliment Ohridski University of Sofia, Bulgaria

In the present text the attention is concentrated on lexical language levels, as here the dynamics of language development is shown to the maximum degree. Actual tendencies in enrichment of lexical systems of the Slovak and Bulgarian languages in connection with processes of the European political, economic and cultural integration are allocated on language material from various sources. Along with it in the article the word-formation mechanisms frequently used during the creation of lexical neologisms, connected with this thematic circle, come to light, and changes of stylistic cost of some lexemes of this set are traced. In the analysis of the borrowed language units approaches of the modern language contactology are applied.

Keywords: European integration, word formation, language contactology, stylistics, Slovak, Bulgarian, comparative lexicology.

Conference participant

ЯЗЫКОВЫЕ АСПЕКТЫ ЕВРОПЕЙСКОЙ
ИНТЕГРАЦИИ (НА МАТЕРИАЛЕ ИЗ
СЛОВАЦКОГО И БОЛГАРСКОГО ЯЗЫКОВ)Панайотов В., д-р филол. наук, доцент
Софийский университет им. святого Климента Охридского,
Болгария

В настоящем тексте внимание сосредоточено на лексическом уровне языка, так как здесь в максимальной степени проявляется динамика языкового развития. На языковом материале из различных источников выделяются актуальные тенденции в обогащении лексических систем словацкого и болгарского языков в связи с процессами европейской политической, экономической и культурной интеграции. Наряду с этим в статье выявляются словообразовательные способы с высокой частотностью, использованные при создании лексических неологизмов, связанных с этим тематическим кругом и прослеживаются изменения стилистической стоимости некоторых лексем этого множества. При анализе занятых языковых единиц применяются подходы современной языковой контактологии.

Ключевые слова: европейская интеграция, словообразование, языковая контактология, стилистика, словацкий язык, болгарский язык, сопоставительная лексикология.

Участник конференции

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1275>

В предлагаемой вашему вниманию работе рассматриваются три языковые аспекта европейской интеграции: словообразовательный, стилистический и лингвоконтактологический, так как они являются наиболее важными при освящении динамики языковых изменений. Выбор тематической области для эксцерпции обусловлен фактом, что на лексику современных литературных языков стран ЕС основное влияние оказывает именно европейская интеграция. В результате гармонизации законодательства государств-членов создается новый языковой и юридический феномен – полная эквивалентность между правовыми терминами на официальных языках ЕС.

Среди многочисленных работ, посвященных терминологическим европеизмам, можно выделить например исследование И. Генева-Пухалевой (Генев-Пухалева 2012), которое описывает особенности терминологических европеизмов, исходя из трех критериев: 1) источник единицы; 2) внешняя форма; 3) внутренняя форма.

Понятие **евроинтеграция** можно воспринимать и узко, в контексте чисто институционального приобщения стран ЕС, и широко – как стремление к распространению европейских цивилизационных ценностей, поэтому есть

и узкий и широкий тематический круг неологизмов. К первому можно причислить ограниченное число слов из сферы административной, политической и финансовой лексики как *евро*, *еврокомисар*, *еврокомисия*, *евросъюз*, *европроект*, *бенефициент*, *грант*, *еврогрант*, *омбудсман*, *europarlament*, *euroval*, *negociácia*, *fiskalizovat'*, *komunitarizácia*, *kofinancovat'*, *spolufinancovat'*, *kofinancovanie*, *mikrofinancovanie*, *ombudsman*. Ко второй группе возможно включить названия, относящиеся более опосредованно к евроинтеграции в широком смысле как один из символов свободной рыночной экономики и открытого общества из разных областей жизни – политики, экономики, науки и культуры, новых технологий, быта и т.д. Такими являются например *менеджмент*, *реинвестирам*, *бизнесгруппа*, *бизнесделегация*, *тапаžér*, *рейтинг*, *санирам*, *спонсор*, *шенгенец*, аббревиатуры *АД*, *ООД*, *ЕООД*, *s.r.o.*, *a.s.*, *магистър*, *магистратура*, *бакалавър*, *докторант*, *докторантура*, *eurolát*, *коридор (транспортен)*.

Самостоятельную группу образуют существительные, обозначающие женские персоны, упражняющие некоторые новые профессии или занимающие новые должности (*омбудсманка*, *докторантка*, *офицерка*, *полицайка*, *europoslankuňa*, *euromisárka*). При

этих названиях проявляется прагматическая тенденция к разграничению по полу.

Словообразовательный аспект – лексические неологизмы

В результате словообразовательной активности в последних десятилетиях возникло множество словацких и болгарских европеизмов, т.е. лексических неологизмов связанных с европейской интеграцией. Здесь необходимо разграничить лексические неологизмы, которые превратились в единицы языковой системы, т.е. те, которые входят в словари и терминологические справочники, от окказиональных, случайных. Кроме лексических неологизмов можно выделить и семантические неологизмы, которые Д. Благоева называет неосемантизмами (Благоева 2005) и составные названия или развернутые номинации, но они заслуживают самостоятельного исследования и поэтому не будем их затрагивать.

При классификации рассматриваемых лексических неологизмов в словообразовательном аспекте основываемся на оппозиции *словообразовательная мотивированность / немотивированность*, а потом при мотивированных названиях в роли классификационного критерия пользуясь словообразовательным способом в дефиниции Ю. Фурдика (Фурдик 2004). При этом

разграничивают следующие способы: аффиксация (префиксация, суффиксация, префиксально-суффиксальный способ, посредством аффиксоидов), безаффиксальное словообразование (преимущественно десуффиксация), композиция, аббревиация, универбизация и конверсия. На основе описанных критериев разделяю неологизмы в сравниваемых языках, связанных с евроинтеграцией, на 7 групп: 1. непроизводные лексемы; 2. образованные посредством аффиксации; 3. образованные без аффиксов; 4. образованные посредством композиции; 5. образованные посредством аббревиации; 6. образованные посредством универбизации и 7. образованные посредством конверсии (парадигматически). Роль дополнительного критерия будет выполнять происхождение.

1. Непроизводные слова:

в болгарском,
– домашние: ---
– заимствованные *омбудсман, лейбъл, фикс,*
в словацком:
– домашние: ---
– заимствованные: *ombudsman, grant, doména,*

2. Производные слова

Как производные рассматриваются все морфематически делимые лексемы, вопреки тому, что в согласии со словообразовательным канонном заимствования типа *negociácia* рассматриваются как непроизводные. В этом случае должны согласиться с толкованием Й. Айдуковича (Айдукович 2004), что при адаптации подобных слов в принимающем языке протекает процесс ремотивации. В рамках производных слов установил наличие европеизмов следующих групп:

2.1. образованные посредством аффиксации

в болгарском
– домашними аффиксами *предпри-сьединителен, хармонизиране, съфинансиране, съуправление, шенгенец*
– заимствованными аффиксами *евробюрократия, еврокомисия, евро-съюз, еврожаргон, екоексперт, оферент, бенефициент, финализирам, фискализирам, топменеджър*
в словацком:
– домашними аффиксами: *predvstupový, zosúladenie, zosúladovanie, lobovať,*

– заимствованными аффиксами *beneficient, euroúradník, negociácia, lobista,*
2.2. образованные посредством композиции

в болгарском
– домашние,
– гибридные *кредитополучател, банкнотобряч, уебпространство,*
– заимствованные, *бизнесделегация, хайтекпарк, флашкарта, флашпапет*

в словацком:

– домашние
– гибридные *eurodlhopis*
– заимствованные

3. образованные посредством аббревиации

в болгарском:

АЕЧП (Асоциация за евроинтеграция и човешки права), БИОМЕД (BIOMED, Програма за изследване и развитие в областите биомедицина и здравеопазване (Европейски съюз)), ЕВС (Европейски валутен съюз), ЕК (Европейска комисия, Европейски конвент);

в словацком:

ЕÚ (Európska komisia);

4. образованные посредством универбизации

При этом способе наблюдается определенный паралелизм с производными лексемами, образованными посредством т.наз. аффиксоидов (слова-морфемы, которые существуют и как самостоятельные лексические основы, но постепенно начинают функционировать как аффиксы). Так форма *Еврокомисия* можно объяснить скорее из *Европейска комисия, евроинтеграция* из *европейска интеграция, Евро-съюз* из *Европейски съюз*, тогда как при *euroopisa* например как будто мотивирующей единицей является *opisa*, а *euro-* выполняет роль префиксального форманта. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что не всегда возможно категорически определить словообразовательный способ.

5. образованные посредством конверсии (парадигматически)

в словацком: *doména.*

Характеризуя словообразовательный аспект исследуемой сферы в целом, можно акцентировать несколько моментов.

Исключительно интенсивно применяется заимствование и аффиксаль-

ный словообразовательный способ, а самую высокую частотность регистрирует префиксоид *euro-* / *euro-*. Свою реализацию находят также словообразовательные способы универбизации и аббревиации, но часто новые аббревиатуры не располагают временем, чтобы утвердились в языковой практике, потому что обозначаемые объекты, прежде всего институты, прекращают свое существование.

Стилистический аспект

В связи со стилистической характеристикой новых слов исследуемой сферы воспользуемся теоретическими постановками словацкого лингвиста и точнее стилиста Я. Финдры (Финдра 2004), который разделяет стилистические средства (т.н. „стилемы“) на макро- и микропарадигмы. Макропарадигматика проницает из трех бинарных оппозиций (немаркированность / маркированность, ноциональность / эмоциональность-экспрессивность и нейтральность / стилистическая окрашенность) и каждая стилема может иметь соответствующий знак (+ или -) в своей характеристике. С макропарадигмами са связываю отдельные микропарадигмы терминов, публицизмов, канцеляризм, чужих слов, разговорных слов, фамильярных слов, сленговых слов, диалектизм, профессионализм, арго, архаизмов, неологизмов, поэтизм, прозаизмов, евфемизмов, пейоратив, деминутив, аугментатив и т.д. Тогда как на синхронической оси макропарадигмы являются непроницаемыми, между микропарадигмами обычно наблюдается не ясная граница, а переход. При „европейской“ лексике будут определяться как макропарадигматическая принадлежность, так и микропарадигматическая, а иногда, когда эксцерпированный материал позволяет это, и изменения стилистической стоимости.

Преобладающая часть рассматриваемых названий принадлежит к ноциональным стилям, так как экспрессивность, которая может встречаться в редких случаях, имеет контекстовый характер. Дифференциацию можно наблюдать при оппозициях нейтральность / стилистическая окрашенность, немаркированность / маркированность по силу которой лексемы

как *кофинансиране, фуск, sofistikoivat'* являются маркированными с признаком специализированности характерным для терминов, тогда как названия *europoslanec, predvstupový, zosúladenie* нейтральные и немаркированные.

Если надо определить микропарадигмы, частями которых являются европеизмы, так это микропарадигмы неологизмов, терминов, публицизмов и чужих слов.

Динамику неологизмов можно проследить по оси центр – периферия и здесь условно можно вычлениить три группы лексем:

1. ядро в группе неологизмов, которые все еще осознаются как новые и необычные, мало знакомые (*sofistikovat', negociácie, acquis, komitológia, komunitarizácia, intersektorálny*)

2. группа новых слов, с которыми языковое сознание болгар и словаков уже начинает привыкать (*ombudsman, direktorát, kofinancovanie*)

3. группа неологизмов, которые уже являются частью периферии и по всей вероятности перейдут к активному словарному запасу (*еврокомисар, евросъюз, евроинтеграция, еврокомисар*).

Лингвоконтактологический аспект – адаптация

Преобладающая часть европеизмов является словами чужого происхождения и поэтому необходимо анализировать и инструментами языковой контактологии, которая уже располагает богатыми возможностями благодаря своего бурного развития в последние десятилетия. Тут буду пользоваться прежде всего постановками Р. Филиповича и Й. Айдуковича, которые очень детально описали процессы языковой адаптации. Здесь буду пользоваться только самой общей схемой трех степеней адаптации: нулевая адаптация, компромисная адаптация и свободная адаптация.

Адаптация заимствованных лексем

Интересно, что редко встречается

ся нулевая фонетическая адаптация (трансфонемизация) и в двух языках, преобладающим принципом фонетической адаптации является компромисная трансфонемизация, вероятно вследствие ассоциативных связей со словообразовательными гнездами, связанными с интернациональной лексикой. В множестве случаев на практике речь идет о словах, чьи основы имеют греко-латинское происхождение, они возникли действительно в английском, но адаптированы и в словацком, и в болгарском в соответствии установившейся традицией освоения международной лексики с греко-латинской основой. Так все формы с начальным компонентом *евро-/euro-* утверждаются с произношением [evro / eуро], а не „юро“.

Этот короткий экскурс не претендует на полноту, но дает индикативное представление об основных моментах, масштабе и тенденциях влияния европейской интеграции на словацкий и болгарский языки.

References:

1. Ajdukovich 2004: J. Ajdukoviĥ., Uvod u leksichku kontaktologiju. Teorija adaptacije rusizama, Foto Futura [An Introduction to Lexical Contact: The Theory of the Adaptation of Russisms In South and West Slavic Languages]. - Beograd., 2004.

2. Blagoeva 2005: D. Blagoeva. Za njakoi novi intersemantizmi v slavjanskite ezici. – V: Jubileen slavistichen sbornik. Sbornik s dokladi ot Mezhdunarodnata slavistichna konferencija po povod desetgodishnija jubilej na specialnost Slavjanska filologija v Jugozapadnija universitet „Neofit Rilski“ Blagoevgrad 03.-05.12.2004. – Blagoevgrad., Universitetsko izdatelstvo, 2005., pp. 102-108.

3. Genev-Puhaleva 2012: I. Genev-Puhaleva Specializiraniyat ezik na Evropejskija sjuz i terminologichnite evropeizmi — Vreme i istorija v slavjanskite ezici, literaturi i kulturi.

Sbornik s dokladi ot Edinadesetite nacionalni slavistichni chetenija 19-21 april 2012. Tom I. Ezikoznanie. - Sofija, 2012., pp. 221-228.

4. Duhkova 1997: Silvia Duchková Z nových výrazov, Kultúra slova, 1997/2.

5. Furdik 2004: J. Furdík: Slove nská slovotvorba Prešov, 2004.

6. Findra 2004: J. Findra Štylistika slovenčiny Martin, 2004.

Литература:

1. Айдукович 2004: J. Айдуковић Увод у лексичку контактологију. Теорија адаптације русизама, Фото Футура. - Београд., 2004.

2. Благоева 2005: Д. Благоева. За някои нови интерсемантизми в славянските езици. – В: Юбилеен славистичен сборник. Сборник с доклади от Международната славистична конференция по повод десетгодишния юбилей на специалност Славянска филология в Югозападния университет „Неофит Рилски“ Благоевград 03.-05.12.2004. – Благоевград., Университетско издателство, 2005., с. 102-108.

3. Генов-Пухалева 2012: И. Генов-Пухалева Специализираният език на Европейския съюз и терминологичните европеизми – Време и история в славянските езици, литератури и култури. Сборник с доклади от Единнадесетите национални славистични четения 19-21 април 2012. Том I. Езикознание. - София, 2012, с. 221-228.

4. Духкова 1997: Silvia Duchková Z nových výrazov, Kultúra slova, 1997/2.

5. Фурдик 2004: J. Furdík: Slove nská slovotvorba Prešov, 2004.

6. Финдра 2004: J. Findra Štylistika slovenčiny Martin, 2004.

Information about author:

Velichko Panaiotov - Doctor of Philology, Associate Professor, St. Kliment Ohridski University of Sofia; address: Bulgaria, Sofia city; e-mail: velpan@mail.bg

FORMS OF LEXICAL RELATIONS BETWEEN THE PHRASAL PARTICLES
OF UKRAINIAN AND POLISH LANGUAGES

M. Vintoniv¹, Doctor of Philology, Full Professor
O. Shatilova², Candidate of Philology
Donetsk National University, Ukraine¹
Kremenchug M. Ostrohradsky National University, Ukraine²

The research investigates the types of lexical relations between particles of the Ukrainian and the Polish languages in the comparative perspective. The relations between them were discovered. The distinction between the concepts of „interlingual homonyms” and „interlingual paronyms” was determined. The research also identifies functional differences between the particles of the Polish and the Ukrainian languages.

Keywords: comparative analysis, homonym, interlingual homonyms, paronym, interlingual paronyms, particle.

Conference participants

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1276>

The study of language, particularly including its use in everyday verbal communication, has been always attracting the attention of linguists. Comparative grammar, as one of the promising areas of linguistics, studies communication in order to find in it the universal and the specific occurrences of the functionally identical systems in the studied languages.

Synchronous-contrastive analysis of vocabulary of Ukrainian and Polish languages does not become irrelevant because it allows to find out the features of interaction of kindred languages and to reveal the extent of their affinity in various periods of functioning of language systems. The study of function of a word in the lexical-semantic system of a particular language, establishing semantic oppositions and defining and lexical-thematic and semantic fields allows reconstructing the national-linguistic image of the world. This approach contributes to the reflection of special aspects of material and spiritual culture, everyday life, customs and other ethnic features of speakers of a particular language.

Typological studies of the related languages have become important in terms of extension of international contacts in our days, recognition of the place of each nation in a globalized world and working out issues of intercultural relations and mutual influences. Analysis of works of contrastive-typological orientation allows drawing the conclusion about the absence of certain contrastive studies related to the analysis of particles in Ukrainian and Polish languages.

The **relevance** of the study is caused by the functional specificity of particles according to their typological characteristics and differences in Polish and Ukrainian languages, as well as the need to study homonymous forms. The particles were chosen as the research object because of the significant communicative, stylistic and functional load of units of this category.

The **aim** of the study is the comparative analysis of particles in Ukrainian and Polish languages, including the investigation of lexical relationships between them.

The subjects of the study were journalistic texts of the early XXI century as those stylistically mixed and syncretic, reflecting trends of colloquial forms of speech and at the same time carrying the feature complex of writing. Recently experts have noted the convergence of standards of oral and written speech in the media, apparently because of the functional and technological features of creation and practical use of the mass communication texts. For example, the initially oral text of the interview while acquiring the written form of publication saves spontaneity and unreadiness of speech, as well as speech styles mixture etc.

Interest to particles is caused by the need to study their functional specificity considering typological characteristics and differences in Ukrainian and Polish languages. Appeal to the phrase particles as the object of analysis is connected with their significant functional, communicative and stylistic load in the utterance.

The overview of theoretical sources on problems of lexical relations between the words of different languages in modern linguistics shows that there are significant differences in the views of scientists. Thus different meanings are suggested for the concept of interlingual homonyms.

The proposed study adopts as a working classification the one developed by V. Manakin. Expressing solidarity with his views, we consider interlingual homonyms to be only the words of different languages that have the same forms of expressions, not just close or similar [4, p. 163]. Developing the views of A. Myhnevych, it is reasonable to call „parallax” the words that differ by one or two sounds (in writing - signs), so that they have a similar pronunciation [2]. An important criterion for putting the words in the list of interlingual homonyms is also the absence of crossing zones in their meanings. It implies that the meaning of words in different languages should not overlap even partially. In this case it is necessary to consider polysemy of the word and syncretism of its functions. Thus, it is not possible to consider the Ukrainian word *тільки* and the Polish word *tylko* to be interlingual homonyms. Although one of the meanings of the Polish word *tylko* is „but”, either equally exists the meaning „only”.

Absolute (full) actually interlingual homonyms are words of different languages, which are identical in form, but quite different in their meaning. They are the result of accidental phonetic coincidences or notably erased etymological links. Among phrasal units quite often the following ones

can be seen: Ukrainian *хіба* that forms interrogative sentence and can provide shade of doubt, amazement, distrust, and Polish *chyba*, which in translation means „maybe”, „perhaps”, „probably” and serves as the embedded word. For example: *Зате зі справжніми друзями був завжди щирим, товариським. Тому всі його приятелі, навіть тепер, після трагічної смерті Миколи Костюковича, відгукуються про нього як про добру, чуйну й шляхетну людину. Був би він зятим „відлюдьком”, як стверджували міфотворці Холодного, хіба мав би таких вірних товаришів?! (Literary Gazette. - 24.10.2014); „Хіба це держава - Україна?! Це якийсь незрозумілий конгломерат”... „Казахстан ніколи не був державою! Вона штучно створена Назарбаєвим”... „Білорусь може бути губернією в рамках Російської Федерації”. Ці дикунські висловлювання російського президента Володимира Путіна відомі нині усьому світу (Young Ukraine. - 30.10.2014); На жаль, цей проект в Україні так і залишився проектом. Чому? А хіба не зрозуміло, чому? (Ukrainian Pravda. - 30.12.2014); *Pół kilograma chyba wystarczy (Trybuna Ludu. - 03.03.2011); Chyba jest jakiś różniejszy autobus? (Wprost. - 04.05.2012).**

The expressive and emphatic Ukrainian particle *же* and the Polish word *że*, which is a conjunction and translated as „that” serve as the example of interlingual homonyms: *Перший підступно вбитий своїм же заступником, другий на горло карає злочинця (http://www.ktm.ukma.kiev.ua); Таким же прекрасним птахом, який за свою одержимість красою потрапив до в'язниці, був і Параджанов (http://www.ktm.ukma.kiev.ua); Папієж зазначив, że повинно się rozróżnić post formalny od realnego. Franciszek podkreślił, że prawdziwy post to, cofnięz serca, to realizacja przykazania, by miłować Bogai swego sąsiada. - One są połączone (Wprost. - 20.02.2015).*

In the Ukrainian language *же* is a particle used to place the emphasis on the word after which it stands. In Polish *że* is a conjunction linking the main clause and the subordinate clause or their parts

that develop and reveal the meaning of the main sentence; the conjunction that links the main sentence with subordinate sentence of purpose, cause and proving what was the main clause about; conjunction that links the main sentence with the subordinate one of result; expressive word that starts a sentence typically expressing dissatisfaction or impression; modal particle. The Ukrainian lexical unit belongs to the class of particles, and Polish – both to particles and to conjunctions. This demonstrates the syncretism of functions of the Polish *że*.

Among the particles we can identify interlingual paronyms. These are the words which have significant differences of subject-logical content in different languages, but partially (usually at the implicit level) preserve common conceptual similarity, which is the result of their genetic affinity. The Ukrainian defining particle *справді* can serve as the example (used for the amplification of expressiveness of the content words), as well as the Polish lexical unit *naprawdę/doprawdy* which is an adverb: *От справді цікава пропозиція! (Young Ukraine. - 09.12.2014); Ось це! І чого ж я так переймаюся своєю зовнішністю?! У світі є чимало справді важливих проблем (Radio Liberty. - 11.10.2009); Doprawdy nie tam co robić (Wprost. - 20.02.2015).* Another example of interlingual paronyms are the Polish particle *istotnie* (synonymous with Ukrainian particle *справді*) and Ukrainian lexical unit *істотно* – an adverb: *Ірак планує істотно збільшити об'єми видобутку нафти (Ukrinform. - 19.01.2015); Ułatwiłobyto istotnie funkcjonowanie wszystkich gospodarstw w Unii Europejskiej (Trybuna Ludu. - 05.06.2012).*

Interlingual paronymy belongs to the lexicon called „false friends”. The reason for the significant amount of this kind of lexical relations is the existence of common etymological root, the semantical body of which is „dispersed” among different languages and transformed into other semantic combinations (widened or narrowed in meaning) having obtained new semantic branches etc. But in almost all cases after careful study of such words the traces

of the ever existed semantic affinity can be found.

As interlingual homonyms we can consider the Ukrainian particle *но*, capable of transmitting the imperative meaning when combined with verbs and other particles, and the Polish particle *no* that is characterized by the expressiveness of use aimed to make an emphasis on the message (possibility assumption, reason); used to provide special expressive character; expresses questions and often requires immediate response; used as confirmation of an answer. For example: *З лозиною впорається і дитина, а спробуйте-но поламати віника (Aloud. - 26.02.2015); No nareszcie, już tak długo czekam! (Warszawska gazeta. - 23.02.2006); No i naresz cie jestem studentką (Gazeta wroclawska. - 03.05.2004).*

Another examples of homonymous words are Ukrainian particle *зась*, which is used to express negation, deny something, in the sense of „не можна”, and Polish *zaś* – a conjunction which contrasts the parts of compound sentence emphasizing their opposition and transmits the meaning „but”, „however”. In the Ukrainian language *зась* can be used as an exclamation, while in Polish – as a co-ordinate conjunction: *А зась! Не дїждеш того! (Day. - 07.07.2012); Nic z tego nie wyszło, zaś w 2013 roku deszcze i brak remontu zrobiły swoje – zawałiła się szpila nad centralną kopułą budowli i zniszczyła część stropów (KurierGaliczjski. - 02.02.2015).*

Owing to the affinity of Ukrainian and Polish a considerable number of particles in these languages are equivalent and have the same meaning. Such particles are represented by the following pairs:

– *вже* - *już*: *Тому що не можна так над нами знуцатися, це вже зовсім перебір <...> (Football in Ukraine - 14.05.2013); W styczniu odbyła się we Lwowie prezentacja nowej kawiarni „Ratusz”. Już sama nazwa wskazuje, że kawiarnia znajduje się w samym sercu Lwowa, w gmachu... (Kurier Galiczyjski. - 05.02.2015);*

– *ледве* - *ledwo*: *Послухати Арсенія Яценюка і поставити йому запитання, які цікавлять мільйони читачів та глядачів, зібралася така кількість представників ЗМІ, що їх*

ледве вмістила чимала зала Клубу Кабінету Міністрів (Ukrainian Courier. - 31.12.2014); *Ledwo zdal egzamin* (Wprost. - 20.02.2013);

– чи - сзу: *Чи пожертвувати гроші справді доходять до знедолених?* (<http://www.dw.de>); *Papieżdo szefów: Czy nie zatrudniacie na czarno? Placicie uczciwie?* (Wprost. - 20.02.2015);

– ще - jeszcze: *Ще один позитив - ухвалення збалансованого бюджету, який підкорегують до 15 лютого* (Ukrainian Courier. - 31.12.2014); *Pod koniec okresu karnawalowego odbywają się studniówki w szkołach polskich we Lwowie. Tej tradycji w szkołach ukraińskich nie ma, więc jest to jeszcze jedna odrębność tych szkół* (KurierGaliczjski. - 13.02.2015);

– навіть - nawet: *Багато з них приїхали у Німеччину ще на початку 2000-х і відтоді навіть не були вдома, в Україні, роками уникаючи зустрічі з поліцією* (Access mode: <http://www.dw.de>); *Za odbudową kryje się najczęściej jkakaś postać czy grupa entuzjastów, którzy swoim zapalem, presją, talentem poruszają z miejsca nawet monolity urzędniczego nieuctwa* (Kurier Galiczyjski. - 02.02.2015).

However, it is important to note that particles that seem to be the same at first sight can perform different pragmatic functions in the text. This requires a detailed comparative analysis because interlingual lexical relations are the multifaceted and multi aspect phenomenon. It is this multi aspect phenomenon that leads to the fact that the speakers of affined languages can make many speech errors. It should be emphasized that interlingual homonymous relations are connected neither to the scope of use of vocabulary nor to the language-part it belongs to. That is why the studies of contrastive linguistics contributing to the detailed study of languages and helping to avoid mistakes connected to the transfer effect are important.

Therefore, the comparative analysis is important to systematize a set of units in each language, special laws of their combination and functioning for performing the same type of communication tasks. A detailed study of speech in comparative terms is necessary

for studying a foreign language in order to gain speech experience and to overcome the influence of spontaneous occurrence of native speech.

The proposed study outlines a range of further research on the implicit possibilities of Ukrainian and Polish particles as well as identifying their functional differences.

References:

1. Bednash M.A. Iz sposterezhen' nad pol's'ko-ukraïns'kimi mizhmovnimi omonimam [From observations of the Polish-Ukrainian interlingual homonyms], M.A. Bednash., Naukovi zapiski Kirovograds'kogo pedagogichnogo universitetu imeni Volodimira Vinnichenka. Serija: Filologichni nauki [Scientific notes of Kirovogradsky pedagogical university of Volodimir Vinnichenko. Series: Philology]. - Kirovograd, 1999., Issue 20., pp. 152-161.

2. Belorussko-russkij paraleksicheskij slovar'-spravochnik: Posobie dlja uchitelja [Belarusian-Russian paralexical dictionary reference: textbook for a teacher], Edited by A.E. Mihnevicha. – Minsk., 1985. - 367 p.

3. Kononenko V.I. Slov'jans'ki movi v tipologichnomu vimiri [Slavic languages in typological measurement], V.I. Kononenko., Ukraïns'ka ta pol's'ka movi: kontraktivne doslidzhennja [Ukrainian and Polish languages: contractive investigation]. – Warszawa., WUW, 2012., pp. 15-25.

4. Manakin V.N. Sopotavitel'naja leksikogija: Monografija [Comparative lexicology: Monograph], V.N. Manakin. - Kiev., Znaniya [Knowledge], 2004. - 326 p.

5. Sinchak O. Trudnoshhi vivchennja ukraïns'koï movi v pol's'komovnij auditorii [Difficulties of studying the Ukrainian language in the Polish-speaking audience], O. Sinchak., Teorija i praktika vkladannja ukraïns'koï movi jak inozemnoï [Theory and practice of teaching Ukrainian as the foreign language]. - L'viv, 2007., Issue 2., pp. 185-188.

6. Chuba G. Vpliv mizhmovnogo transferu na proces zasvoennja ukraïns'koï movi studentami-poljakami

[Influence of the interlanguage transfer on the process of assimilation of the Ukrainian language to the Polish students], G. Chuba., Teorija i praktika vkladannja ukraïns'koï movi jak inozemnoï [Theory and practice of teaching Ukrainian as the foreign language]. - L'viv, 2007., Issue 2., pp. 171-177.

Література:

1. Беднаж М.А. Из спостережень над польсько-українськими міжмовними омонімами, М.А. Беднаж., Наукові записки Кіровоградського педагогічного університету імені Володимира Винниченка. Серія: Філологічні науки. - Кіровоград, 1999., Вип. 20., С. 152-161.

2. Белорусско-русский паралексический словарь-справочник: Посobie для учителя., Под ред. А.Е. Михневича. - Минск, 1985. - 367 с.

3. Кононенко В.І. Слов'янські мови в типологічному вимірі., В.І. Кононенко., Українська та польська мови: контрактивне дослідження. – Warszawa., WUW, 2012., С. 15-25.

4. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикогия: Монография., В.Н. Манакин. - Киев., Знання, 2004. - 326 с.

5. Синчак О. Трудності вивчення української мови в польськомовній аудиторії., О. Синчак., Теорія і практика викладання української мови як іноземної. - Львів, 2007., Вип. 2., С. 185-188.

6. Чуба Г. Вплив міжмовного трансферу на процес засвоєння української мови студентами-поляками., Г. Чуба., Теорія і практика викладання української мови як іноземної. - Львів, 2007., Вип. 2., С. 171-177.

Information about authors:

1. Mychaylo Vintoniv - Doctor of Philology, Full Professor, Donetsk National University; address: Ukraine, Donetsk city; e-mail: mvintoniv@ukr.net

2. Olena Shatilova - Candidate of Philology, Kremenchug M. Ostrohradsky National University; address: Ukraine, Kremenchug city; e-mail: shatilova.olena@gmail.com

COMMUNICATIVE AND COLLOQUIAL
“ARSENAL” OF ART LANGUAGE
IN THE GROTESQUE DOMINATED
CREATIVITY OF WITOLD
GOMBROVICHD. Hamze, Assistant
Plovdiv University named after Paisii Hilendarski, Bulgaria

The communicative dynamics created and supported by the colloquial “elements” of the art text arises in the field of complex interaction of a variety of elements of language, metalanguage and extra-language nature. The image of the Reader “inlaid” in the consciousness of the Author is like “dictating the password” needed to open the philosophical and aesthetic discourse in the art-“colloquial” environment, participating in the text-formation process, “prompting” own expectations, asking questions the Author “answers” with the new questions. This interactive-interrogative exchange sets in motion the powerful colloquial circulation “rotating” both the text and the extra-text space, at the same time accompanied and recreated by the grotesque artistic manner of expression.

Keywords: communication, colloquial, artistry, cognitivity, pragmatics, grotesque, Author, Reader.

Conference participant,
National championship in scientific analytics
Open European and Asian research analytics championship

КОММУНИКАТИВНО-РАЗГОВОРНЫЙ
«АРСЕНАЛ» ХУДОЖЕСТВЕННОГО
ЯЗЫКА В ГРОТЕСКО
ДОМИНИРОВАННОМ ТВОРЧЕСТВЕ
ВИТОЛЬДА ГОМБРОВИЧАХамзе Д.Г., ассистент
Пловдивски университет Паисий Хилендарски, България

Коммуникативная динамика, создаваемая и поддерживаемая разговорной «стихией» художественного текста зарождается в поле сложного взаимодействия множества элементов языкового, метаязыкового и внеязыкового характера. Образ Читателя, «инкрустированный» в сознании Автора, словно «диктует пароль» для открытия философско-эстетического дискурса в художественно-«разговорной» среде, участвует в процессе текстообразования, «подсказывает» свои ожидания, задает вопросы, на которые Автор «отвечает» новыми вопросами. Этот интерактивно-интеррогативный обмен приводит в движение мощный разговорный круговорот, «вращающий» как текстовое, так и внетекстовое пространство, одновременно сопровождаемые и воссоздаваемые гротескной артистической манерой выражения.

Ключевые слова: коммуникация, разговорность, художественность, когнитивность, прагматика, гротеск, Автор, Читатель.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1277>

1.0. Разговорный язык – текстуальный «стержень», текстуальная «рампа» и генератор эстетики в художественном высказывании

1.1. Диалог – это разговор, а разговор возникает и формируется в разговорной сфере языка, «снабжающей» вербальное общение материалом для выражения серий речевых актов. Катализатором диалога является множество коммуникативных стимулов.

Перед тем как выделить «заслуги» разговорного языка, и в частности, его гротескного перевоплощения, для внесения разнообразия и обогащения ментального диалогического пространства, в котором движутся Автор и Читатель, мы хотели бы подчеркнуть вклад Т. Милевского в изучение роли речевых актов в лингвистике. Закладывая основы прагмалингвистики в 50-ые годы прошлого века, он выделяет речевой акт как важнейший предмет языковедения: «Każdа szerzej rozbudowana teoria lingwistyczna stanąć musi wobec problemu zaklasyfikowania języka do tej czy innej kategorii zjawisk. Punktem wyjścia musi tu być analiza pełnego aktu mowy, w którym ktoś kogoś o czymś powiadamia. Tak pojęty akt mowy jest jednością i dlatego jako całość winien być przedmiotem jednej

nauki, tj. językoznawstwa, które nie może ograniczyć się do rozpatrywania tylko jakiegoś jednego aspektu mowy». («Любая хорошо развитая лингвистическая теория должна встать лицом к лицу к проблеме классификации языка по отношению к той или иной категории явлений. Исходным пунктом должен быть анализ полного речевого акта, посредством которого кто-либо сообщает что-либо кому-либо. Воспринимаемый таким образом речевой акт является единством и поэтому, как единое целое, должен быть предметом одной науки, т.е. языковедения, что нельзя ограничить лишь анализом одного единственного аспекта говорения» [по Kikiewicz 2004: 5]. (Здесь и далее перевод мой – Д.Х.).

1.2. Ссылаясь на утверждение П. Робена (P. Roben), Ал. Кикевич подчеркивает, что понятие «средний», стандартный язык, который для многих лингвистов представляет единственный описательный объект, – это научная абстракция. На самом деле существуют только стили, социолекты или «техники говорения», с тем уточнением, что степень стилистической маркированности языковых единиц разная [Kikiewicz 2004: 252].

А. Фурдал придерживается широкого понимания разговорного языка

и определяет его как «разговорный устный культурный язык» («język potoczny mówiony kulturalny») [Furdal 2000: 139–144]. Разговорный язык – это фундамент всех мировых языков и точкой отсчета для описания внутренней дифференциации отдельных этнических языков. Двигаясь в его сфере, мы всегда можем сослаться на свое языковое чутье.

Соотношение устный язык – разговорный язык в семантико-функциональном аспекте имеет не оппозитивный, а скорее субститутивно-комплементарный характер. Основное различие данных двух языковых проявлений сводится к их форме бытования – устный язык обслуживает устную коммуникацию, а разговорный – и устную, и письменную. Второе различие таксономическое: разговорный язык представляет неофициальный вариант устного языка. Здесь, конечно, всплывает терминологическая «туманность» биннома язык – стиль: с одной стороны, мы оперируем термином «разговорный стиль» в качестве подсистемной неофициальной разновидности устного языка, с другой стороны, однако, не следует приравнивать разговорное проявление языка, называя его «стилем», к другим стилям – его производным, для

которых разговорный слой – матрица и «сырьевая база» (депо)¹. Ввиду терминологического «синкретизма», для означения разговорного направления языка в настоящем исследовании будут использованы как взаимозаменяемые оба термина – язык и стиль.

1.3. А. и П. Вежбицкие подчеркивают кардинальную роль разговорного языка для поддержки и обновления письменного языка: «*Tolerancja wobec ekspansji «mywionosci» w języku pisanym jest tolerancją wobec postępu.*» («Толерантность к экспансии «разговорности» в письменный язык – это толерантность к прогрессу») [Wierzbicka, Wierzbicki 1968: 17]. Устный язык, который в большой степени, хоть и не полностью, совпадает с разговорным, является основным фактором и барометром не только для взаимного понимания в коммуникативном плане, но и для обогащения и совершенствования письменного языка: «*A więc istnieją dwa stopnie wtajemniczenia w sztukę porozumiewania się. Pierwszy stopień to opanowanie języka pisanego, «drugiego języka», to umiejętność przekładu mówienia na język, którym można się wypowiadać bez pomagania sobie palcem, kontekstem sytuacyjnym i intonacją. Drugi stopień to udoskonalanie, ożywanie, współczesnianie pisanego przez wtórne wykorzystywanie bogactwa języka mówionego.*» («Следовательно, существуют две степени посвящения в искусство общения и понимания. Первая степень – это овладение письменным языком, «вторым языком», умение переводить говорение на язык, который может выражаться без помощи жестов, ситуационного контекста и интонации. Вторая степень – это совершенствование, освежение, модернизация письменного языка путем вторичного использования устного языка».) [Wierzbicka, Wierzbicki 1968: 17–18].

Разговорный язык в поле художественной литературы эстетизируется, приобретает высокую эстетическую ценность, но это не делает его менее разговорным, как и его «разговорность» не делает художественную литературу менее художественной. Напротив, от их интеграции и взаим-

ной индукции рождается настоящая, «самородная» эстетика. Разговорный язык наиболее рельефно иллюстрирует эффективность функционального «триумвирата» в тексте (тройного сочетания репрезентативной, экспрессивной и импрессивной функций) и выделяет роль адресата/Читателя в воссоздании и досотворении гротескной образности. Разговорный язык подпитывает гротеск, а он, со своей стороны, дает ему новый толчок, делает его более гибким и динамизирует его.

2.0. Разговорный язык – стилистический субстрат и деривационная база для остальных стилей

Антрополого-лингвистическая концепция стиля Е. Бартминьского ставит в центр стилистической панорамы разговорный стиль (*styl potoczny* – польск.), воспринимаемый как источник и фундаментальная матрица, подпитывающая остальные стили. В деривационной теории польского ученого разговорный стиль исполняет роль инварианта, универсального стилового прототипа относительно своих производных. О его доминантной культурологической позиции свидетельствуют следующие особенности:

1. имеет непосредственное отношение к элементарным нуждам человека и общности;
2. содержит запись первичных и основных элементов человеческого мира;
3. содержит наиболее устойчивые структуры человеческого восприятия действительности и человеческого мышления;
4. играет роль интерпретанта остальных языковых стилей – когда мы хотим передать своими словами («проще говоря», «иными словами», «вкратце») специализированный в стилистическом отношении текст [Бартминьский 1991: 15].

К этим характеристикам мы хотели бы добавить и его социативно-интегративную природу, его динамичный и метаморфический характер. Следовательно, разговорный стиль как протостиль словно содержит в «эмбриональном» виде все остальные стили. Это возможно, благодаря язы-

ковой картине мира (*potoczny obraz świata* – польск.) в ее «разговорном» перевоплощении с типичными ее квалификациями: эмпиричностью и утилитарностью, диалогичностью и интегральным взаимопониманием, солидарностью, рациональностью и экзотичностью, а также гетерогенностью и релятивизмом. Эти на первый взгляд антиномические векторы не только не мешают пониманию, но даже обуславливают и стимулируют его. «Понимание», заложенное в «разговорном стиле» как стилистический центр, пресуппонируется в глубинном слое языка. Именно оно порождает и предопределяет стилистическую дифференциацию. Это объясняет динамичную стилевую интеракцию и непостоянный коннотативный статус лексем. Коммуникативная цель сообщения, как языковой отпечаток нашего опыта в усвоении окружающего нас мира, «предсказывает» стилистический облик производимого текста.

3.0. Разговорно-художественный язык В. Гомбровича как носитель и проводник гротескной образности

Гротеск вносит разнообразие в выразительный и «изобразительный» потенциал разговорной платформы художественного стиля. На его территории встречаются на первый взгляд несовместимые стили, чтобы проявить свои интерактивные способности и посредством гротескной образности влить новую струю в развитие разговорного языка.

– *Dlatego, że wielkim poetą był!*
– *powiedział Walkiewicz, uczniowie wycinali szczyrykiem ławki albo robili male kuleczki z papieru, najmniejsze, jak mogli, i wrzucali je do kalamarza. Był to niby staw i ryby w stawie, więc też łowili je na wędkę z włosu, ale nie udawało się, papier nie chciał chwycić. [...] Dla-czego, dla-cze-go, dla-cze-go, Slo-wac-ki, Slo-wac-ki, Slo-wac-ki, wac-ki, wac-ki, Wa-cek, Wa-cek-Slo-wac-ki-i-musz-kapchla. (– Потому что он был большим поэтом! – сказал Валкевич, а ученики долбили ножиком свои парты или делали маленькие шарики из бумаги, столь маленькие, что меньше было некуда, и метили в чернильницы. Они*

1 Стилистическая проблематика рассмотрена более подробно в студии «За» и «против» стилистики (Хамзе 2014а)

походили на озера с рыбами, значит, ловили их удочкой из волоска, да что-то не получалось, бумага не клевала. [...] По-че--му, по-че--му, по-че--му, Сло-вац-ки, Сло-вац-ки, вац-ки, вац-ки, Ва-цек, Ва-цек-Сло-вац-ки-и-мош-ка-и-бло-ха) (F, s. 46).

Ситуативный оксюморон, полученный посредством сочетания высокопарного клише, которое по литературной традиции оставляет отметины на великих творцах (и которое дети повторяют до потери сознания, чтобы «заслужить» учительского благоволения), и «приземленных» действий учеников, свидетельствующих об их невнимании и забаве, дополняется стилистическим оксиморонным сочетанием стереотипного литературного стиля и разговорно-фамильярной «деструктивности». Оно превращается в иронию ригористической стилиевой специфики. Сравнение и метафора, срывающие «высшее» в «низшее», словно предвещают разговорную стихию как вербальную декомпозицию, освобождающую ассоциативный механизм, который через свою дейктическую доминанту снимает семантико-прагматические и стилистические иерархии, сближает полюса и выравнивает бытийности. Вопросительная частица *почему*, в свою очередь тоже силабически расчлененная, выступает как мост к этому переходу, а пустая патетика номиналии *Словацки* «струится» из дерзко ассоциативного словообразовательного коктейля, чьи семантические отсылки обнаруживают следы пустословия (*Wa-cek* напоминает *wata* (вата – что-то без содержания, только для набивки, а *Slo-wac-ki* напоминает и *słowo*, и *wata*, т.е. пустое слово).

3.1. Разговорный язык – откровение, «золотой прииск» и «изобразительная» стихия для гротеска. Фальшивые нотки и лицемерие в мышлении и поведении, отраженные в разговорном «паноптикуме» польского писателя, подвергнуты гротескной обработке и скрывают иронию как непонимания роли самого гротеска, так и генеративной способности самого

языка. Разговорное проявление языка в качестве праисточника стилей превращается под «управлением» автора в иронию аккуратной стилиевой дистрибуции, стилиевых разновидностей.

Обособленные (специализированные) стили, прижатые в «своих обязательных формах», являются ироническими экспонентами унифицирующей и «формултимативной» тенденции в языке, атакуемой гротеском безотказным оружием разговорной речи. Так как разговорный язык «порождает» стили, стили в свою очередь могут «вернуться» в разговорный язык, переплавиться в нем – обнаруживая его космические измерения. В эстетическом пространстве литературного слова, как стилизация и сублимация разговорного языка, разговаривая друг с другом, авторские персонажи, с одной стороны, и Автор и Читатель, с другой, начинают «кружиться» в динамичном обмене стилями под знаком вездесущей «разговорности». Таким образом выделяется omnipotentная первичность и результативность разговорного языка. Анализируя роль языка для создания картины мира в поэме Збигнева Беньковского *Wstęp do poetyki* (Введение в поэтику), Т. Добжиньска подчеркивает коварную мощь языка, который очаровывает человека, увлекая его в преследование predeterminedных слов, «порабощающих» его, вырывая из мира и загоняя в вечный конфликт с универсумом:

«To bliźniercze zapamiętanie, z jakim jedne słowa pociągają za sobą szeregi innych słów uwydatnia dominację żywiołu językowego nad światem realnym. Litania wpleciona w poemat Bieńkowskiego jest wyrazem ambiwalentnych uczuć: z jednej strony zachwyty nad mocą słowa, z drugiej – przerażenia przepastną głębią świadomości językowej, izolującej człowieka od świata» («Это богохульное самозабвение, с которым одни слова увлекают за собой целые потоки других слов, выделяет господство языковой стихии над реальным миром. Литания, вплетенная в поэму

Беньковского, является выражением амбивалентных чувств: с одной стороны, восторга от могущества слова, а, с другой, – ужаса от бездны языкового сознания, отрывающего человека от мира») [Dobrzyńska 1988: 366]. Слова польского исследователя словно комментируют и идейный профиль художественно-философского творчества В. Гомбровича. Но писатель не пропадает в эту бездну, благодаря витальной разговорной силе гротеска и прежде всего – его оксиморонного алгоритма, который восстанавливает как космический, так и экзистенциальный баланс путем ритмического согласования крайностей²:

Już nie czułby się tylko Ojcem, lecz Ojcem i zarazem Synem: i nie pisałby tylko jako mądry, subtelny, dojrzały, lecz raczej jako Mądry wciąż oglupiany, Subtelny bez wytchnienia brutalizowany i Dorosły nieustannie odmładzany. I jesliby, odchodząc od biurka, spotkał przypadkiem młodzieńca albo półinteligenta, już nie klepałby ich protekcyjnie, dydaktycznie i pedagogicznie po ramieniu, lecz raczej w świętym drzeniu zacząłby jęczeć i ryczeć, a może nawet padłby na kolana! (Здесь и далее подчеркивания мои – Д.Х.) (И больше не чувствовал бы себя только Отцом, а Отцом и вместе с тем Сыном: и не писал бы только как умный, чуткий, зрелый, а скорее как Умный, постоянно одурачиваемый, Чуткий, неумоимо brutalizujemy и Взрослый, непрестанно омолаживаемый. И если, вставая из-за письменного стола, встретит молодого человека или полунинтеллигента, уже не будет похлопывать его покровительственно, дидактически и педагогически по плечу, а скорее в святом трепете начнет выть и реветь, даже на колени упадет!) (F, s. 91).

Автор антиномически концептуализирует себя в 3 лице как человек пера со всей его неизбежной зависимостью от Формы³, которая поджидает его отовсюду и сковывает даже его полярные перевоплощения. Спасение свободного духа – в переходной зоне между двумя Формами (одна из

2 Больше об оксимороне как сердцеvine гротеска в исследованиях: *Оксиморонът – гротесковата арматура в творчеството на В. Гомбрович* (Хамзе 2013а) и *The Grottesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz)* (Hamze 2013б)

3 О вездесущей диктатуре Формы см. в статье *Философия на Формата в творчеството на Витолд Гомбрович* (Философия форми в творчеството на Витолд Гомбрович) (Хамзе 2010а)

которых вдохновляющая и все еще не застывшая), визуализированной в оксюморонной структуре, а ее эстетика готовит и обеспечивает трансценденцию формальных конструкторов и их превращение в над-Формальные сверхбытийности.

3.2. Разговорный язык как наиболее благодатная почва для гротескных операций (он самый гибкий, пластичный, свободный, креативный, инвентивный и антидогматический), становится панацеей для боли человека от психического сотрясения, причиненного неизбежной антиномией человек – мир. Гротеск «спасает» человека от мира, потом возвращает его в мир путем его возвышения в другой – ирреальный, но на самом деле «более реальный», чем реальный, мир и посредством интеграции между двумя мирами обеспечивает ему обогащенную, новую реальность, в которой его присутствие не только адекватно, естественно, но и креативно. Более того, путем трансцендентного переноса гротеск возвращает мир человеку, а путем игровой эстетики делает его «владельцем» и мира, и языка.

4.0. Разговорный язык как «лакму» для семантической креативности индивида

4.1. Разговорный «облик» языка наиболее ярко отражает и на практике «проверяет» солидность психолингвистической теории А. А. Залевской, согласно которой значение слова в человеческом лексиконе идентифицируется лишь после его включения во внутренний поликодовый гипертекст, представляющий мультимодальный продукт в результате переработки разнородного познавательного и коммуникативного опыта (Залевская 2012: <http://gisap.eu/ru/node/12631>). Естественный семиозис и сети эмоционально-аксиологически маркированного знания находятся в ко-референтной зависимости. Двойственная жизнь вербального значения (в социуме и в ментальном лексиконе) помогает индивидууму заглянуть за пределы слова, идентифицировать и претворить картину мира, которая путем соответствующей организации и навигации может быть интерпретирована как живой поликодовый гипертекст, без которого невозможны и понима-

ние, и согласие. Скрытое за словом представляет собой функциональную динамическую систему, а фон на самом деле – это идентифицирующий контекст, напоминая голограмму картины мира. Слово генерирует значение, именно благодаря присутствию этого фона. Русская исследовательница с полным основанием констатирует, что термин «экстралингвистическое знание» слишком сужен и выдает игнорирование специфики **знания-переживания**, т.е. **живого, онтологического знания** [там же]. Тело и разум в постоянном взаимодействии, следовательно, знание «распределяется» между сенсорикой и интеллектом как комплементарные механизмы [Залевская 2013: <http://gisap.eu/ru/node/29004>]. Мы даже задались бы вопросом, оправдано ли существование термина «экстралингвистическое знание», если он возводит искусственную преграду между лингвистическим и «нелингвистическим» знанием. В сущности, так называемое внеязыковое знание представляет динамичную креолизацию из различных компонентов человеческой психики (внутреннюю долю которой занимает язык), принимающей и излучающей перманентное познание и усвоение внешнего мира со стороны индивида.

4.2. Когнитивная теория о значении слова тоже подтверждает эти наблюдения. Слово не семантический «контейнер» определенной емкости, а его значение есть динамическая структура, варьирующая в зависимости от ее непостоянного места в сложной сети поливалентных векторов, соединяющих интра- и интермыслово целые концептуальные констелляции. Значение – ментальный феномен, который следует описывать инструментарием когнитивного претворения. У семантики не модулярный [Myszyński 1988: 31], а моделирующий характер, потому что у нее нет определенных, зафиксированных границ. Как отмечает польский лингвист З. Мушинский, семантическая структура языка не универсальна, а зависима от процессов концептуализации, от социального и индивидуального опыта пользователя языка, как и от специфики образотворчества

[Myszyński 1988: 31]. А образотворчество, со своей стороны, – это способность «создавать портрет» одного и того же события (сцены, ситуации) с помощью альтернативных средств; это естественная способность человека «сковывать» альтернативные рамки значения [по Myszyński 1988: 31]. Сам способ концептуализирования мира, как и занятие позиции относительно него, имеет семантические, стилистические и прагматические основания. Эти процессы, однако, неспециализированны, они не формируют какой бы то ни было гармонической целостности и даже содержат противоречивые элементы. Кроме того, значение не есть исключительная «привилегия» слова, оно рождается в отношениях между словами, приобретая пространственные измерения. В. Гомбрович отражает цепную семантизацию словесного континуума с помощью решающей роли повторения: «Jedno słowo wywołuje drugie... jedna sytuacja inna... nieraz jakiś szczegół pęcznieje, albo przez powtarzanie, zdania nabierają niezmiernego znaczenia» («Одно слово вызывает другое... одна ситуация – другую... часто какая-то подробность набухает, или путем повторения предложения приобретают неизмеримое значение») [Wstęp do *Ś w Trans-Atlantyk. Ślub*, 1957: 127].

4.3. Кроме того, нет более или менее важных значений – все они равноценны. Деиерархизации значений в семантической интерференции между концептами в гротескном изображении сопутствует или скорее всего предшествует, «инцидентная» переиерархизация сем в семантическом реестре данной единицы, вследствие чего в качестве доминантной (в данном случае) выделяется та или иная сема в зависимости от коммуникативной цели. Так некое якобы мало важное, забытое или пренебрегаемое значение всплывает на поверхность и становится решающим для смысловой идентификации текста, для адекватного толкования и восприятия его посланий. Эмблематичными в писательском деле Гомбровича являются лексемы *gęba* (грубо – ‘рот, губы, полость рта; речь; лицо, щека’) и *rupa* (детское – ‘попа, попка’), которые есть просто субституты и метаморфозы Формы:

[...] *bo dokądże miałem uciekać, w tył, naprzód, w prawo czy w lewo, przed własną swoją gębą, pupą? Milcz, milcz, nie ma ucieczki! Noc zadecyduje. (...) потому что, куда бы мне удалось убежать, назад, вперед, направо или налево, от своей морды и от попы своей? Замолчи, замолчи, спасения нету! Ночь решит.*) (F, s. 178).

Эти подчеркнута разговорные лексемы будто «забывают» на некоторое время свое словарное значение, чтобы воскресить семы 'представительность', 'лицевая, внешняя сторона, поверхность, внешность' – как отражение (зеркало) чужих влияний и ожиданий – (относительно *gęba*), и 'инфантильность, беспомощность, восприимчивость к влиянию, покорство, трогательно-умилительная фамильярность (относительно *pupa*). Пользуясь эстетической «палитрой» гротеска – метафорой, динамичными и разносторонними пространственно-падежными координатами, писатель транс-семантизирует эти лексемы как символы о-Формления, как отпечатки чужой-своей Формы-тюрьмы, авто-Формы, подсказанной и навязанной окружением, от которой не можешь избавиться. Риторический вопрос и экспрессивные волевые дополняют их функцию Формальной «метки» на псевдоидентичности индивидуума.

Księżyc wypływał zza chmur, lecz nie był to księżyc, tylko pupa. Pupa niezmiernych rozmiarów nad wierzchołkami drzew. Dziecięca pupa nad światem. I pupa. I nic, tylko pupa. Tam oni przywalający się w pupie, a tu pupa. Listki na krzakach drzące pod lekkim powiewem. I pupa. (Луна всплывала из-за облаков, но это была не луна, а попа. Попа невиданных размеров над верхушками деревьев. Детская попа над миром. И попа. И ничего другого, только попа. Там те колошматили друг друга по попе, а здесь попа. Листики кустов, подрагивающие от легкого дуновения. И попа) (F, s. 277).

Метафорический, ситуативно-пространственный и семантико-стили-

ческий оксюмороны «прослеживают» разрастание *pupa* и ее трансформацию в космическое тело. Ее универсализирование и «узурпирование абсолютной власти» над миром (подчеркнутое посредством негации) субстантивирует и фокусирует нашу Формальную Голгофу (словно олицетворенную словом *pupa*). Эта самая незначительная часть человеческого тела, которую обычно связываем с наказанием (а Формальные зависимость и связь – наше экзистенциальное наказание), становится соматическим символом Формы, перед которой и природа бессильна. Рефреничные секвенции *pupa* иллюстрируют ее всеохватное владычество. Метонимический «вызов» (*pars pro toto*) индивидуума посредством *pupa* свидетельствует о драме идентичности, и точнее – о невозможной идентичности, чьи суррогаты варьируют в Междуформии социума.

Внутрисемантическая оппозиционность лексемы до степени энантиосемии продолжает диссоциировать семы до омонимии, даже пространственно-ситуативно выделенной с помощью контрарной симметрии (омонимичного параллелизма), которая в гротескном изображении вторично синонимизируется – депрециативная конкретная человеческая «попа» сочленяется с космической «Попой», идентифицируя ее как свой дериват, чтобы завладеть миром и с высоты своей «канонизации» отправлять свои Формальные императивы.

4.4. Гротескная архитектоника творчества Гомбровича, требуя «элитарной» рецепции, т.е. высоко интеллигентных, утонченных и эрудированных читателей, отражает эгалитарный принцип семогенеза и холистическую конфигурацию значения. Гротеск «визуализирует» ведущую роль метонимии, которая замещает не только понятия, не только отдельные семы в семантическом диапазоне языковой единицы, но и другие слова, с которыми сочетается в ассоциативном плане⁴. В гротескной образности кореференция между языком и человеком примиряет

«владение» языком со стороны человека с «владением» человеком со стороны языка, несмотря на то, что, как утверждает А. Пайджиньска, в принципе второе берет верх. «[...] język jest wprawdzie tworem ludzi, jest przez nich nieustannie stwarzany, lecz cechuje go tendencja alienacyjna i w konsekwencji się zdarza, że nie tyle człowiek włada językiem, ile język – człowiekiem». («[...] «язык действительно – произведение людей и непрерывно сотворяем ими, но помечен алиенационной тенденцией. В конечном итоге оказывается, что не столь человек владеет языком, сколь язык владеет человеком.») [Pajdzińska 1988: 348]. Но гротеск превращает эту «гегемонию» в философско-эстетический «kozyрь» в руках производителя речи и хотя бы играючи берет ее в свои руки. Покоренный языком, он становится его креативным «импресарио».

Революционно-подрывная стилистика, детонирующая языковой этикет посредством демонстративных спотыканий, нечленораздельных артикуляций, каскадов неологизмов, синтаксической эквилибристики, эпанапептичных повторений, сплошного дейксиса – все это и ряд других инноваций делают «разговорный» язык В. Гомбровича бунтарски эвристическим. Эта «варварская» эстетика извлекает его архетипную непереходность, свежесть и упругость. Писатель словно обнажает первичный инстинкт языковой материи, поддерживающий наше существование, а кажущуюся нашу «слабость» превращает в силу⁵.

По отношению к языку писатель пропагандирует позицию «грешника», но грешника-открывателя, грешника-демиурга: «Każdemu może się zdarzyć omyłka w pisaniu, nawet gramatyczna, nawet ortograficzna [...]. Natomiast pisarz, który w wysłowieniu nie chce być zanadto nieskazitelny, może pozwolić sobie na wiele potknięć i nikt go za to nie pociągnie do odpowiedzialności. A zatem pisarz musi dbać nie tylko o język, ale przede

4 Анализ сути и конструкции гротеска предлагаем в исследованиях: *Философско-эстетические и лингво-прагматические ресурсы гротеска (на материале творчества В. Гомбровича)* (Хамзе 2013в) и *Гротеската в когнитивно-прагматичен ракурс (върху материал от творчеството на Витолд Гомбрович)* (Хамзе 2014б).

5 Больше об языковых экспериментах писателя в: *Евристика на словото. Трансгресивните иновации на писателя (върху текстове на Витолд Гомбрович)* (Хамзе 2012а) и *Езиковата еквилибристика – ефективна стратегия в борбата срещу нашествието на Формата* (Хамзе 2012б)

wszystkim o znalezienie odpowiedniego stosunku do języka» («Каждый может допустить опisku, даже грамматическую ошибку, даже орфографическую [...]. Но писатель, который не хочет быть слишком безукоризненным, может позволить себе множество спотыканий, и никто не подведет его под ответственность за это. То есть, писатель должен не только заботиться об языке, но в первую очередь найти подходящее отношение к нему») [Dz '53', 107].

4.5. Язык является и угрозой для человека, но сам язык тоже находится под угрозой – людей, нивелирующих его и злоупотребляющих им, в попытках обмануть себя, что он «у них в руках» и что они располагают им. В. Гомбрович спасает его гротескными открытиями, которые ему щедро предлагает разговорная «пластика». Языковая «диктатура» неизбежна, но с силой и магией гротеска она словно сливается с духом своего производителя, либерализуется и играючи де-формализуется – посредством артистической свободы разговорного слова.

5.0. Языковая ревитализация архетипа – стимул для консолидирующей разговорности литературного общения.

5.1. Разговорный язык, как наилучшая иллюстрация языковой картины мира (ЯКМ), представляет синкретическое единство и сложную конфигурацию прототипов, стереотипов и архетипов, к которым можем добавить и идиотипы⁶.

Прототип – идеальный представитель данной категории, который выглядит самым типичным для нее. Ближе к этому понятию понятие архетип. Как элементы коллективного бессознательного, архетипы являются психологическими репрезентациями неизбежных реакций на типичные положения и представляют поведенческие образцы. К. Височанский называет их перепрототипами по отношению к прототипам [Wysoczański: 84].

Стереотипы – продукт и носитель культуры. Создатель понятия

В. Липпман (W. Lippman) определяет его как односторонний, частичный и схематический образ в человеческом сознании, касающийся какого-либо общественного явления, и вместе с тем – оценки этого явления [по Wysoczański: 85]. Стереотипы – это фокусы нашей общественно профилированной принадлежности, они обеспечивают наше коммуникативное продвижение и нашу речевую оперативность в человеческой среде, но в то же время выдают унифицирующее «угнетение» Формы, которое вызывает контрреакцию самозащиты посредством идиотипа или инвентивно-креативного моделирования архетипа, преобразующего его в идиотип.

5.2. Путем использования архетипных структур в гротескной образности В. Гомбрович создает свои уникальные идиотип и идиолект, уничтожающие ментальные и языковые «метастазы» стереотипа. Польский писатель делает философско-эстетическую попытку одолеть сплошной паралич антропологического потенциала, организуя лингвистическую экспедицию по архетипным маршрутам. Поражения, наносимые цивилизационной моделью, компенсируются путем переоткрытия архетипа. Архетипный субстрат языка – это коммуникативная платформа, а языковая инициация посредством омнивалентной универсальной лексемы *Berg* в романе *Космос* превращается в барометр для нарастающей разговорности в коммуникативном тандеме Витольд – Леон. Ее разговорные энергии актуализируют и иллюстрируют нашу генетическую связь с архетипом; играют роль ключа к нашей архетипной ретро- и интроспекции. Этот «пароль» для доступа и единения с Абсолютом, «агломинирующий» всевозможные вербальные сегменты для космозвучия (космобиоза – по модели симбиоза), усиливает разговорное сцепление между коммуникантами, отвергая Формальное тиранство и обнажая наши архетипные корни⁷:

– *Słowo honoru, racja fizyka, pan myśli o tych tam zabawusium mojom na*

obrusie, na oczach płowicy? Dyskretnie, jak przystało, żeby skandalów mnie nie robiono? Tylko, że ona nie wie...

– *Co?*

– *Że to berg. Bergowanie moje bembergim moim z całą bembergowością bemberga mojego! [...]*

Ale zaraz zatrząsł się od śmiechu wewnętrznego, zdawało się, że spuchł od tego śmiechu: – Ha, ha, ha, owszem racja, bergowanie bergiem podwójne i potrójne, specyfikalnym systemem pocichumberg i dyskretumberg o każdej porze dnia i nocy, a najchętniej przy stole jadalno-familijnym, podbembergowywanie sobie pod okiem żonusium i córkusium! Berg! Berg! (K, 106–107).

(– *Честное слово, слово физика, вы думаете об этих забавушум мойум на кухонной скатерти на глазах у моей половинки? Сдержанно, как положено, чтобы не закатывали мне скандалы? Только она не знает...*

– *Что?*

– *Что это берг. Мое бергование с бергом моим со всей бембергватостью моего бемберга! [...]*

Но сразу разразился внутренним смехом, выглядел так, словно вздулся от этого смеха: – Ха, ха, ха, конечно, я прав, бергование с бергом двойное и тройное, со специфицированной системой тайнекомберга и сдержанномберга в любое время дня и ночи, а охотнее всего за семейным столом, подбемберговать сколько угодно на глазах у жenuшкyшум и доченькyшум! Берг! Берг!

Личная тайна героя (но уже разделенная со съемщиком) изолирует его от семейного и социального его окружения, сближает с чужим (нарратором как его двойником), чтобы выявить суть подлинной коммуникации. Эссенциальная семантика *Berg*, функционирующая как заклинательная формула, похожа на квази- или антикоммуникативную единицу (как криптоним), но на самом деле она есть универсальный коммуникативный ключ, открывающий двери вселенской омнифонии. Эта посвящающая «аббревиатура» содержит

6 Наше терминологическое предложение относительно индивидуальных (оригинальных) моделей языкового поведения и творчества.

7 О роли архетипа в языковой космогонии В. Гомбровича в статье *Архетипната анатомия на езика като демистификатор на езиковия канон (по «Космос» на Витолд Гомбрович) (Архетипната анатомия языка как демистификатора языкового канона)* (Хамзе 2011).

латентный семантический оксиморон, сотканный из постыдно-сакрального эротического деяния Леона и герметически-омникоммуникативной функциональности. Произошедшее интимное событие в жизни героя, которое на первый взгляд блокирует «нормальную» коммуникацию, на самом деле предотвращает «протитуирование» словами (выражение Эмиля Чорана), «обуявшее» каждодневное вербальное общение. Как пишет румынский философ, оно является взаимным унижением по пути триумфального обрушивания всех тайн, во главе с собственными [Чоран 2006].

Словообразовательные «вереницы» многоступенчатой неологической деривации в гротескной картине, латинские суффиксы, придающие наукообразную энигматичность лексемам, пространственно-падежные заигрывания и «пируэты» с производными на *berg*, повторяемость которых разрастается посредством денумеративных прилагательных, эксцентрических деминутивов и кульминирующих экспрессивов как междуметийные неологизмы, выстраивают разговорный паноптикум для сохранения «животворных» тайн...

Интерактивная разговорность в диалоге между героями переназывает вещи, чтобы снова их открыть или создать заново. Смывается граница между словом и предметом. Разговорной фактурой неологичного «полиптиха» В. Гомбрович в *Космосе* словно сотворяет новую естественную историю, которая должна объединить в одну единственную многофазовую операцию то, что повседневный язык держит разделенным. Архетипы закодировали информацию о скрытых возможностях человеческой психики – огромный, неисчерпаемый материал изначального знания о лучших взаимосвязях между Богом, человеком и Космосом. Обнаружить в собственной психике этот материал посредством разговорной консистенции языка, пробудить его для новой жизни и интегрировать в сознании, означает положить конец одиночеству индивидуума и дать ему возможность впи-

саться в процесс вечного происхождения событий.

6.0. Роль текстуальной когезии и когеренции для разговорного колорита гротескной образности В. Гомбровича

Текст как семантический континуум представляет перманентную коммуникацию нарратора с Автором, Автора с самим собой, Автора с Читателем. Смыслогенез является и коммуникогенезом. Он представляет собой энергетически-коммуникативный обмен между значениями, вещами, субъектами... Этот обмен возможен благодаря когезивно-когерентной структуре текста.

Когезия – поверхностная спайка между языковыми единицами на семантико-синтаксическом уровне в соответствии с грамматическими нормами, а типичные средства для ее выражения – это субституция и эллипс. Когеренция бифункциональна: в широком смысле она имеет более глобальную и глубинную специфику, так как касается конфигурации предложений, связанных в тексте, и охватывает все виды грамматических (и даже аграмматических или антиграмматических) зависимостей и семантических отношений, т.е., что касается формально-грамматических средств для текстуального сцепления, она наслаивается на когезию, но дает преимущество семантическим структурам; в узком смысле она отщепляется от грамматической когезивности текста, чтобы выделить ее семантическую первооснову и указать конститутивные структуры понятийных и когнитивных связей, созданных в тексте. Когеренция – познавательный процесс. Она выражается во взаимном доступе понятий и отношений друг к другу, обеспечивает преэминентность смыслов, порой даже против правил грамматической сочетаемости. Кореференция в текстуальном пространстве показывает, что мир текста не должен непременно соответствовать так называемому «реальному», т.е. установленному и общепринятому обществом, миру. Разговорная фактура Гомбровичева языка в гротескной

панораме раскрывает эстетико-трансцендентную «реальность» художественного (фикционного) мира именно благодаря кореферентному смысловому синхрону и силе кореферентных связей. А термин «смысл» означает знание, которое активируется в тексте и передается путем выражений, употребленных в нем. Х. Ватер замечает, что «koherencja może wystąpić tam, gdzie mamy do czynienia z brakiem spójności powierzchni». («когеренция может появиться там, где отсутствует поверхностная спайка») [Vater 2009: 47]. Сама когеренция функционирует по реципрокному принципу – она составляет условие для адекватной концептуализации со стороны Читателя, для создания и поддержания коммуникативного тандема Автор – Читатель, но в то же время она не только особенность, которая однозначно принадлежит тексту, а конструкция Читателя, чьи интерпретативные и оценочные умения «сплетают» когерентность.

Когезия отнюдь не является облигаторной. Когезивные маркеры не обязательны и не достаточны для генерирования текстуальной структуры. Обязательны и достаточны когерентные связи, т.е. семантико-когнитивные зависимости между предложениями, вытекающие из смысла использованных выражений и видов референтных конъюнкций между фразами.

7.0. Дейксис в гротескной образности – репрезентат и стимул разговорности

Обширный референциальный и функциональный диапазон дейктиков⁸ был блестяще представлен Ю.Д. Апресяном, который включает в состав данной категории богатый набор языковых проявлений (лексических, грамматических и коммуникативных) и связывает ее с другими фундаментальными свойствами семантической системы языка, относящимися к понятию «наивная модель» мира. Русский ученый констатирует, что решающее значение имеет авторская точка зрения, которая может изменить способ восприятия пространства [Апресян 1986: 85]: «Рассмотрение

8 Семантическая природа и функциональные перевоплощения дейксиса, а также его доля в гротеске, рассмотрены в студии Роль дейксиса в гротескогенезе (Хамзе 2015).

дейктических элементов в составе лексических и грамматических значений позволяет сделать вывод, что язык не только антропоморфичен, но и, так сказать, автороморфичен, причем в гораздо большей степени, чем признается в настоящее время. Многие в нем пронизано авторской точкой зрения на рассматриваемые объекты, т.е. точкой зрения говорящего или наблюдателя, которого мыслит говорящий» [Апресян 1986: 92]. Автороморфическая точка зрения как дейктогенный оператор «дейктирует» различные части художественного пространства текста и увеличивает его разговорность. Гротеск как текстуальная мегадейктема побуждает Читателя разговаривать полифонично с Автором о «мелочах жизни» и «смысле существования» посредством эстетики, как прямого, так и имплицитного дейксиса. Омнидейктическая гротескная модель предлагает и омниразговорную платформу для коммуникации, которая осуществима благодаря дейктической рефлексии, уходящей корнями в наивную физику (термин Ю. Апресяна). Дейктогенез ведет свое начало от релятивизации времени и пространства, чей единственный ориентир – говорящий. Он является центром Вселенной и событий, фокусом, относительно которого располагает все существующее и происходящее. Его позиция решающая для конфигураций и отношений между предметами во времени-пространстве. И поскольку именно наивная физика, которая легла в основу языка, должна быть признана одной из самых глубинных лингвистических универсалий (см. Апресян 1986: 92), «разговорность» гротеска как дейктема приобретает универсальные измерения. Покидая границы национально-этнического, благодаря своему разговорному характеру она становится омникоммуникативной величиной с ярко выраженными смыслопорождающими и смыслокоординирующими функциями.

7.1. **Местоимения**, как прямые дейктические интенсификаторы, увеличивают градус и динамику коммуникации, потому что в поле зрения, общем для А и Ч⁹, имеют место ука-

занные, зафиксированные сознанием, предметы. Анафора и катафора тоже направляют внимание на предметы, которые еще не покинули сознание собеседников. Посредством дейктика Ч напрямую «имплантируется» в поле А; отождествляется с литературными героями и ситуациями. Может быть, на первый взгляд вопросительные и неопределенные местоимения трудно определить как дейктические, но латентно они таковы. Эти местоимения словно бросают вызов сознанию и катализируют его, заставляют его работать более интенсивно, профилировать определенные сегменты и отделить их от множества.

– *Naukowczuniu – mówił z wolna – zwierzę mi, proszę zwierzę temu śnieżno dziewiczemu tonu jak ty z tym naukowym przygotowaniem będziesz orga-ni-zo-wał, w jaki deseń, pytam, jak, jak ty to tam z tamym do czego, pytam, jak z czym i po co i ku czemu i gdzie, jak ty, pytam, to z tym, tamto z tamtym, owo z owym, gwoli czemu, jak... [...] – Co ty wiesz?! – wybuchnął gorzko. [...] myślę i myślę... odkąd z banku wyszedłem nic tylko myślę, mnie głowa pęka od myślenia, co ty tam, czego ty tam, co tam tobie do... daj spokój, daj spokój!*

(– *Исследовательчек мой – говорил он медленно, – доверься мне, давай, доверь снежно-девичьим коленям моим, как ты с этой научной подготовкой ор-га-ни-зу-ешь, каким образом, спрашиваю, как, как ты с этим там к тому о том, спрашиваю, как чем и для чего к чему что и где, как ты, спрашиваю, это с этим, то с тем, ради чего, как... [...] – Да что ты знаешь?! – вспыхнул горько. [...] думаю и думаю... с тех пор как бросил банк... ничего... только думаю, голова раскалывается от размышления, да что ж там, о чем же там, для чего тебе ... ох, оставь, оставь!*) (К, 39)

Амплификация и эскалация местоименной дейктики, подпитываемой и падежно-пространственными ориентирами, строит каркас гротескного изображения, увеличивая разговорность в диалоге между героями. На вид прямой прономинальный дейксис играет роль медиума, транслятора и эвфемизатора по отношению к под-

линному, имплицитному дейксису, который фактически указывает на глубоко интимный, конфузный акт Леона. Именно благодаря наглядной разговорности коммуникативного послания нет опасности непонимания и недоразумения между партнерами. Иронический деминутив, интеррогативы, многочисленные эллипсы, междометия, повторение, иллюстрирующее напряженный и процессуально-длительный характер действия (также как и репетитивные параллелизмы), метатекстовые операторы составляют рельефный, непрямой дейктический «антураж» дейктической арматуры. Семантическая криптохема Леона превращается в развернутую коммуникативную платформу для плодотворного общения с нарратором, а посредством него и с трансцендентным космическим пространством.

7.2. **Девербативы** (Nomina actionis) в качестве дейкторов функционируют как эллипсы-заместители целых предложений и латентно выполняют дейктические функции.

Рассматривая отглагольные имена как продукт семантической деривации в контексте актуализации пропозиционального содержания слова, В. Ли констатирует, что смысловые операции над актантной рамкой приводят к формированию новых производных значений в пределах заданного семантического континуума. В результате преобразования семантико-синтаксических отношений между актантами образуется новая содержательная единица в пределах единого когнитивно-пропозиционального пространства (поля) [Ли 2013: <http://gisap.eu/ru/node/28828>].

«В группе отглагольных имен (имен ситуаций) по мере понижения степени вербогенности, т.е. степени влияния глагольного значения на семантическую структуру отглагольных имен, на передний план выдвигается предметное значение, прежде всего абстрактной предметности, не утрачивающей, однако, связи с категориальным значением глагольного слова вообще, что дало основание некоторым лингвистам говорить об «определенном» действии как основном

9 Автор и Читатель здесь и далее обозначены только инициалами.

значении отглагольных существительных». [Там же].

А. и П. Вежбицкие дают следующую примерную экспликацию отглагольного существительного: «*Odkrycie nowej metody [...] = to, że odkryto nową metodę [...]*» («Открытие нового метода [...] = то, что был открыт новый метод [...]») [Wierzbicka, Wierzbicki 1968: 113]. Помимо экономности, сжатости и стройности речи, посредством этих предикативных компрессий достигается дейктическая субстантивация действия, которое становится более концентрированным и значимым, а наряду с этим приобретает номинальный характер как «капсулированная» вербальность и «эскиз» Вселенной. Эти предикатно-аргументные миниатюры по «принципу матрешки» «вкладываются» в более емкую предикативно-аргументную конфигурацию, где выступают в роли некоторых из аргументов. Таким образом, предикативность течет по индукции, «плетя» вместе с этим кореферентную сеть; она делает крупнее и глобализирует свой облик путем формального уподобления субстантиву, формируя компактные гротескные группы.

[...] wargi [...] zarysem tego wypraczenia [...] wraz z popielniczką, siatką łóżka, stuleniem i rozchyleniem [...] [...] губы [...] штрих этого искривления [...] вместе с пепельницей, с сеткой кровати, прикрытые и открытые [...]] (К, 45).

Губы с их ритмическим прикрытием и открытием, поставленные в параллельный ряд и объединенные с предметами (посредством падежно-пространственного комитативного инструментала (Творительного падежа)), демонстрируют космическую равнозначность вещей и отражают круговорот Вселенной с ее репродуктивной ритмикой, в которую вовлечен и человек.

7.3. Инфинитивы как модальные компендиумы и предикативные компрессии дейктируют состояние потенциальности. Оно тоже роднит их в какой-то мере с субстантивами и ситуирует их в одном ряду. Эссенциальная активность глагольных инфинитивных конструкций непрерывная, но действие в них скорее абстрактное, напоминая об

относительной статике кругового движения, т.е. движения на месте, что тоже центрирует их как гротескные ядра. Они позволяют воспринимать действие как экзистенциально-всеохватное и обладают высокой разговорной ценностью, побуждая Ч к размышлению, а также стимулируют его диалог с А. По мнению С. Йодловского, инфинитив, в отличие от финитного глагола, представляющего действие как протекание (т.е. в темпоральной кинетике), является формой изоляции протекания, но все еще предметно необособленная и неидентифицированная: «*[...] nie jest więc w ścisłym znaczeniu nazwą czynności; to jakby *imagintivus*, wymieniający tok, ale nie waloryzujący go logicznie*» («[...] следовательно, не название действия в точном смысле слова, но какой-то *имагинатив*, называющий протекание, не оценивая его логически») [Jodłowski 2003: 36–37].

*Ha, teraz już wiedziałem, jak się zabrać do jej stylu! I mogłem w sobie myzgowo, mentalnie nadziewać ją wszystkim, co popadnie, bełtać, drobić, mieszać, nie wybierając w środkach! Ale spokojnie, spokojnie... (Aga, seychas я уже знал, как *заняться* ее стилем! И мог в себе, своим умом, ментально *пихать* в нее все, что мне попадет, и *раскачивать*, *рубить*, *перемешивать*, не гнушаясь средствами! Но спокойно, спокойно...)* (F, 152).

8.0. Синтаксическая разговорность как гротескогенный функтор

Разговорный язык в синтаксическом плане является богатой «сырьевой базой» для гротескной образности. Характерные для него гиперфреквентные синкретические формы предиката (срв. польск. *tego*, рус. *того*: «– *Тетьа Мауша, а я вашу Галю... того...*» [прим. по Kikiewicz 2004: 260] – один из главных инструментов гротеска у В. Гомбровича.

8.1. Креативно-неполная синтаксическая картина у польского писателя (частые эквиваленты предложений, обрывочные и незаконченные фразы, эллипсы, богатое разнообразие экспрессивных маркеров, наличие прежде всего бессоюзной или сочинительной связи между предложениями) – неотъемлемая часть гротескного изображения. С одной стороны, она

свидетельствует об ярко выраженной коммуникативности (симулирует наличие конситуации как в устной речи), а с другой – рассчитывает на картинность своего гротескного изображения, которая дополняет недостающее в стандартной письменной речи. Разговорность в творчестве В. Гомбровича ближе всего к внутренней речи, которая, согласно Р. Ницоловой, служит генерированием мысли и строится на предметных, а не формальных связях [Ницолова 1984: 87]. Таков синтаксис спонтанной речи, которую писатель эксплицирует в своих произведениях, чтобы превратить разговорно-художественный дискурс в Антиформу.

8.2. В рамках глобально воспринимаемого синтаксиса М. Вишневецкий разграничивает две основные категории: предложения и непредложенческие высказывания. Основная разница между ними состоит в следующем: центр синтаксического целого, каким является предложение, маркирован финитной формой глагола или ее дистрибутивным эквивалентом (в простых предложениях), или же конструкция имеет два или больше центров с союзной связью, рекуррентно вводящих структуры, организованные по такому же принципу (в сложных предложениях). Непредложенческие высказывания не коннотируют финитную фразу (польск. ‘О cholera’ ‘Черт побори’), и в их диапазоне не появляется лексический показатель финитной фразы, коннотированной какой-то из их составляющих (‘*Już dawno po piątej*’ ‘Долго после пяти (часов)’). [Wiśniewski 1994: 11–12]. Предложенческие эквиваленты (польск. *guwnoważniki zdań*) – промежуточное звено между двумя типами структурами – сильно напоминают эллипсы, но в отличие от них, в их составе нет выражений, обладающих пустой коннотацией, и они организованы вокруг нулевой финитной формы глагола, присутствующего имплицитно в контексте [Wiśniewski 1994: 138] (польск. – *Kto kupił zeszyt?* – *Dziecko.*; – *Gdzie dziecko kupiło zeszyt?* – *W sklepie.* (– Кто купил тетрадь? – *Ребенок.*; – Где ребенок купил тетрадь? – *В магазине.*) Эллипсы – независимые от контекста (как определяет их М. Вишневецкий,

вероятнее всего в чисто синтаксическом плане, потому что у них нет формальных связей с окружением) образования, чья финитная фраза, коннотированная их элементами, имеет пустую (не нулевую) реализацию, так как не повторяет составляющие ближайшей контекстуальной фразы [Wiśniewski 1994: 87] (польск. 'Matka pojechała do Krakowa. *Ojciec* (został, jest, siedzi) w domu') ('Моя мать уехала в Краков. *Мой отец* (остался, -, сидит...) дома'). Так называемые М. Вишневым дополняющие высказывания (польск. *wypowiedzenia dopowiedzeniowe*) – несклоняемые, употребляемые самостоятельно выражения с пустой коннотацией, которые в составе конституированного синтаксического целого могут вступать в коннотативные отношения с другими языковыми единицами, которые, однако, никогда не коннотированы дополняющим высказыванием конститутивным членом: (польск. – *Pomożesz mi? – Dobra. Dobrze. E tam. Gdzie tam. Jak najbardziej.*) (– Ты мне поможешь? – О,кей. Хорошо. Да уж. *Куда там. С наибольшим удовольствием.*) [по Wiśniewski 1994: 120–121]. Звательные высказывания (польск. *wypowiedzenia wołaczowe*) тоже представляют собой непредложенческие синтаксические целые, концентрированные в выражениях с пустой коннотацией. Их дистрибутивные доминанты допускают «сожительство» с другими языковыми выражениями, от которых могут требовать определенных грамматических форм (*Janek. Dziecko (Drogie dziecko). Chodź, niech cię uściskam. Chłopcze. Warszawa jest stolicą Polski.*) (*Янек. Мальчик мой (Дорогой мальчик).* Дай тебя обнять. *Мальчик.* Варшава – столица Польши). [по Wiśniewski 1994: 72, 83].

Междометные выражения (польск. *wypowiedzenia wykrzyknikowe*) также являются непредложенческими синтаксическими целыми, сосредоточенными на выражениях с пустой коннотацией, однако они не допускают возможности «сожительства» с другими языковыми единицами. Это отличает их как от звательных, так и от дополняющих высказываний (*Ejże. Ba.* Ja wiem, że tobie wszystko jedno. *Ojej.* *Moja. Cholera.* *Znów się spóźnię.*

O Jezus. Ale on głupi.) (*Эй. Е.* Знаю, что тебе все равно. *Ох. Моя. Черт побери.* Опять опоздаю. *О, Боже.* Ну, и дурак же он.) [по Wiśniewski 1994: 73, 83].

Все представленные непредложенческие единицы, какими изобилует гротескное творчество В. Гомбровича, составляют яркую часть эмблематики разговорного языка и в той или иной степени его обогащают. Они также основное средство стилизации устной речи в рамках письменного текста. Их относительная или полная синтаксическая самостоятельность (самодостаточность) представляет собой языковой субстрат гротескного изображения и подсказывает, с одной стороны, его независимость и уникальность, а, с другой – нестандартные и необъятные ассоциативные возможности, которые роднят и объединяют в одном ритме и самые отдаленные в сознании бытийности. Такие структуры поддерживают коммуникативную температуру, интеракцию между А и Ч, потому что стимулируют познавательную активность Ч и его постоянную готовность к диалогу с А. Все это способствует адекватному толкованию гротеска.

Zaleciało mieloną kawą, mały korytarzyk, sionka, schody drewniane, panowie na długo, a, studia, u nas spokój, cisza... na górze znów korytarz i kilka drzwi, dom był ciasny. (Повеяло ароматом молотого кофе, небольшой коридорчик, вестибюльчик, деревянные лестницы, господа надолго ли, аа, университет, у нас спокойствие, тишина... наверху опять коридор и несколько дверей, дом был тесным) (К, 8).

Коллажная техника ситуативно-синтаксического оксюморона в этом гротескном фрагменте включает равноценное перечисление эстетически выравненных бытийностей: субстантивов, предикативов, словосочетаний, эллипсов, междометий, диалогических отрывков (приведенные стилизованные высказывания как полужитаты или квазититаты), строящих гротескную композицию по дейктическому принципу, внушая гармоническое выравнивание вещей в универсуме, независимо от воли, претензий, амбиций и ожиданий индивидуума.

8.3. Перформативная тональность разговорно-гротескного синтаксиса

В то время как суждения представляют определенные состояния вещей, иллюкуция «инструктирует» адресата, как ему можно понимать это представление, или что же ему «делать», «как поступать» с ним. Сами иллюкутивные силы принадлежат скорее всего к сфере действия [по Wiertelwski 1995: 49]. Поэтому они выходят из зоны грамматики и логики, подобно гротеску. В данном случае отнесение перформативности к прагматично ориентированному синтаксису или же полностью к прагматике как отдельной от синтаксологии дисциплины, на наш взгляд, нерелевантно, ввиду априорно прагматического профиля синтаксиса речи. «Performatywy to czasowniki, kturym przypisuje się funkcja kreatywna, gdyż otwarcie wyrażając intencję mywiącego «działają słowem», «zmieniają stosunki w zastanej rzeczywistości» («Перформативы – это глаголы, которым приписывается креативная функция, так как, выражая открыто интенцию говорящего, они «действуют словами», «меняют отношения в найденной, уже сложившейся действительности») [Nowak 2000: 20]. Яркое выраженная перформативность гротеска и, в частности, его разговорного рисунка, находит подтверждение в расширенной трактовке перформативности, о которой говорит И. Новак, т.е. о перформативном характере любого высказывания, в том числе и общительного, так как в глубинную структуру каждого предложения окутнут перформатив с подлежащим я и непрямым дополнением тебе, но он не всегда выступает на поверхности. Отсюда и перформативная интерпретация конструкций с невыраженными перформативами: *спрашиваю, прощу, утверждаю, что....*, которая расстилается на все коммуникативные типы предложений. [по Nowak 2000: 21]. Констатация Р. Гжегорчиковой в максимальной степени распространяется и на гротескное изображение: «[...] *wypowiedź performatywna nie jest tylko komunikatem (przekazem informacji) [...] o pewnym stanie rzeczy, ale jest przez fakt wypowiedzenia stworzeniem nowego stanu rzeczy*» («[...] перформативное высказывание не только коммуникат (передача информации) [...] относительно определенного состоя-

ния вещей, но фактом выговаривания есть создание нового состояния вещей») [Grzegorzczukowa, 1991a, 18] [по Nowak 2000: 27].

Pijak (*wybucha*)

[...]

Msza ludzko ludzka,
oddolna, poufna

Ciemna i ślepa, przyziemna i dzika
Której ja jestem kapłanem!

(*gwałtowne i patetyczne gesty
obu Kapłanów*) (Ś, 155)

Пьяница (*вспыхивает*)

[...]

Литургия по-человечески

человеческая, снизовая и свойская
Темная и слепая, приземная
и дикая

Которой я Верховный жрец!

(*резкие и патетичные жесты
двух Жрецов*)

Оксюмороническая конфигурация (По-человечески человеческая литургия, которую «служит» пьяница, провозгласивший себя ее жрецом) – подчеркнуто перформативная, благодаря серии метафорических прилагательных, тавтологии и кульминантному декларативу. Литургия приобретает плотско-человеческую фактуру, демонируется, а Пьяница, который ищет свое отражение в себе подобных «игроках», запутавшихся в сетях Формы, компенсаторно становится ее «властином».

8.4. Повторение в гротеске как генератор разговорности

Одна и та же вещь, повторенная столько раз, оказывается не той же вещью¹⁰. Исключительно богатая палитра репетитивных вариантов на всех уровнях в текстах В. Гомбровича (фонетическом и фонологическом, морфологическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом и стилистическом: параномазии, ономастопеи, симметрии, аналогии, параллелизмы, хиазмы, силлепсы, полиптоты, анафоры и катафоры, многочисленные, повторенные в разнообразных вариантах окказионализмы и неологизмы) очерчивает амбивалентность самого повторения у автора.

Повторение словно разбирает мир на части, чтобы выделить и испытать его космические и экзистенциальные

возможности. Оно может означать континуитет и развитие, но также и сегментируемость, сдержанность, может быть монотонностью, но и постоянством, борьбой против скуки и старения, может быть закатом, но и омолаживанием, регенерацией. Повторение может быть смыслопорождающим, скалярным, императивным, идентифицирующим, профетическим и антидеструктивным, лудическим и инициационным, может быть и чистой бытийностью. Ирония повторительности превращается в иронию иронии, так как иронизируется само ироническое отношение к итерации в гротескной картине – на первый взгляд скандальные, неконгруентные ее составляющие на самом деле являются откровенными ментально-ассоциативными панно и дебуизацией жизни вообще.

Powszechne więc osłupienie, geby porodziawiano, patrzą, a może mnie za półgłówka mają, ale diabli, diabli, o nic nie dbam, a Chodzę jakbym tu sam był, jakby nikogo nie było! A chód coraz silniejszy, Potężniejszy... i tak już diabli, diabli, Chodzę i Chodzę i Chodzę, a już Chodzę, Chodzę i Chodzę i Chodzę... [...] (TA, 40) (*И вот тебе всеобщее оцепенение, разинутые рты, смотрят, может недоумком меня считают, да мне ж нет дела, нет дела, никакого дела нет, нет мне дела ни до чего, только Хожу, как будто я один, как будто никого другого нет! А ходьба моя – все сильнее, Могущее... ну, что ж, нет мне дела, нет мне дела, Хожу и Хожу и Хожу, и опять Хожу, Хожу и Хожу и Хожу... [...]*) (TA, 40).

Итеративные цепи глагольных форм в 1. л. ед. ч. (и графически маркированные прописной буквой), отглагольное существительное и междометия генерируют метафоричность изображения. Ходьба превращается в центр Вселенной, и эта сверхконкретность действия трансцендирует героя, обеспечивает его моральное превосходство, его неприкосновенность.

Краткое обозрение только части проблематики, связанной с разговорностью гротескной ткани в произведениях В. Гомбровича, наводит нас на следующие выводы:

1/ Посредством разговорности артистического слова В. Гомбрович возрождает и обновляет язык, заставляет его де-формализоваться и де-маскироваться, чтобы добраться до его чистой универсальной Формы, незасоренной «осадочными» наслоениями конвенций и стандартов. С помощью аббераций и эквилибристики своего идиолекта он сам предохраняет себя от о-формления. Конвенциональной Форме он противодействует посредством Формы искусства и, таким образом, постоянно самосотворяется.

2/ Высокая перформативность разговорного языка в гротескной панораме художественного текста увеличивает коммуникативную плотность диалога Автор – Читатель, стимулирует рефлексивную деятельность коммуникантов, динамизирует их общение и делает их главными действующими лицами на гротескной сцене. Гротеск, со своей стороны, влияет реципрокно на разговорный язык, придавая ему колоритность, картинность, смелую и богатую ассоциативность изображения, поддерживая вместе с тем ощущение его открытости и неокончателности.

3/ Благодаря подпитываемому разговорным языком чувству общности, непрерывности и перспективности (прогрессивности) общения в зоне гротеска, мы можем говорить о **гротескном дискурсе** на базе консолидированных, хотя и контрарных, элементов и внутренних кореферентных связей, обеспечивающих целостность восприятия.

4/ Посредством разговорного языка гротеск «бунтует» против рутины и стандартных кодов в художественной литературе, резко снижая или даже предотвращая риск редувантности в тексте.

5/ Гротеск проявляет склонность к разговорности. Подчеркнутая открытость, спонтанность и непринужденность высказывания, нетерпимость к директивам извне, шаблонам и проторенным путям, а также стремление к игровому экспериментированию с любыми формами и средствами, характеризуют оба явления. «Мультистилистический» разговорный язык,

¹⁰ Больше о повторении см. в статье Итеративната модалност като культуурогема в творчеството на Витолд Гомбрович (Итеративная модалность как культуурогема в творчестве Витольда Гомбровича) (Хамзе 2010б).

подобно гетерогенному гротеску, снимает иерархию и делает равноценными бытийности.

6/ Благодаря разговорному синтаксису, отличающемуся низкой степенью аккомодативности, высокой степенью ассоциативности и относительной или полной независимостью от контекста, становятся возможными сублимация, трансфигурация и трансцендентность предметов в гротескной картине.

7/ Гротескное изображение в художественной литературе показывает, как устный язык обогащает письменный.

8/ Омнидейктичность гротеска иллюстрирует универсальный характер разговорности в коммуникативной платформе, что делает ее наднациональной, надэтнической категорией.

9/ Креативные ресурсы разговорного языка в гротескном изображении способствуют «владению» языком со стороны Автора и превращают это владение во владение собой, самосовершенствование и саморазвитие.

10/ Повторение в гротеске, как основная примета разговорности, направляет внимание на философское осмысление и переосмысление экзистенции и законов бытия.

Экспертированные источники:

1. Гомбрович 1956: Gombrowicz, W. *Ferdydurke*. – Warszawa., Państwowy Instytut Wydawniczy, 1956; ськр. F.

2. Гомбрович 1957: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk*. Ślub. – Warszawa., 1957

3. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. *Dziennik 1953-1956*, *Dzieła*, t. VII. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986; ськр. Dz '53'.

4. Гомбрович 1986: Gombrowicz, W. *Ślub*, *Dzieła*, tom IV. *Dramaty*. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986, pp. 89–224; ськр. Ś.

5. Гомбрович 1986 e: Gombrowicz, W. *Trans-Atlantyk*, *Dzieła*, tom III. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 1986; ськр. TA.

6. Гомбрович 2000: Gombrowicz, W. *Kosmos*. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 2000; ськр. K.

7. Гомбрович 2001: Gombrowicz, W. *Pornografia*. – Kraków., Wydawnictwo Literackie, 2001; ськр. P.

References:

1. Apresjan 1986: Apresjan, Ju. *Nekotor'ie soobrazhenija o dejksise v svjazi s ponjatiem naivnoj modeli mira* [Some considerations about the deixis in relation to the concept of the naive model of the world]. V: *Teoria tekstu. Zbiór studiów*. (red.) T. Dobrzyńska, Kraków – Wrocław., Ossolineum, 1986., pp. 83–98.

2. Vertlevski 1995: Wiertelwski, S. *Pytania bez odpowiedzi. Pytania jako pośrednie akty mowy* [Questions without answers. Questions as indirect speech acts]. – Poznań., Wydawnictwo Sorus, 1995.

3. Vezhbicka, Vezhbicki 1968: Wierzbicka, A., Wierzbicki, P. *Praktyczna stylistyka* [Practical stylistics]. – Warszawa., Wiedza Powszechna, 1968.

4. Vater 2009: Vater, H. *Wstęp do lingwistyki tekstu. Struktura i rozumienie tekstów* [Introduction to text linguistics. The structure and comprehension of texts]. – Wrocław., Atut, 2009.

5. Visochan'ski 2005: Wysoczański, W. *Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków* [Language picture of the world in lexical comparisons on the material of selected languages]. – Wrocław., WUW, 2005.

6. Vishnevski 1994: Wiśniewski, M. *Strukturalna charakterystyka polskich wypowiedzi niezdanowych* [Structural characteristics of the Polish non-propositional expressions]. – Toruń., UMK, 1994.

7. Dobzhin'ska 1988: Dobrzyńska, T. *Rzeczy w świecie poety. W: Profilowanie w języku i w tekście* [Things in the world of the poet. In: Profiling in language and text], (red.) J. Bartmiński, R. Tokarski. – Lublin., WUMCS, 1988. – Pp. 355–372.

8. Zalevskaia 2012: Zalevskaia A.A., *Znachenie slova i metafora „zhivoj polikodovij gipertekst”* [Meaning of the word and the metaphor “live polycode hypertext”]. In: *Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences*. – London., IASHE, 2012.,

pp. 189–191; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.

9. Zalevskaia 2013: Zalevskaia A.A., *Chto tam – za slovom?* [What is there - behind the word?] In: *Verbal Culture of the Humanity through the Prism of Ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philological Sciences*. – London., IASHE, 2013., pp. 28–31; online resource: <http://gisap.eu/ru/node/29004>.

10. Jodlovski 2003: Jodłowski, S. *Próba zarysowania polskiego systemu części mowy. W: Współczesna polszczyzna 6. Wybór opracowań. Części mowy* [An attempt to outline the Polish system of parts of speech. In: *Modern Polish 6. Selected works. Part of speech*]. (red.) J. Bartmiński, M. Nowosad Bakalarczyk. – Lublin., WUMCS, 2003., pp. 35–38.

11. Kiklevich 2004: Kiklewicz, A.I. *Podstawy składni funkcjonalnej* [Basics of the functional syntax]. – Olsztyn., UWM, 2004.

12. Lee 2013: Lee, Valentin. *Aktualizacja propozicional'nogo soderzhaniya slova (k probleme ontologii ponjatija slovesnoj kul'tury)* [Updating the propositional contents of the word (to the problem of the verbal culture concept ontology)]. In: *Verbal culture of the humanity through the prism of ages* (London, July 18 - July 23, 2013). – London., Published by IASHE, 2013., pp. 25-28; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/28828>

13. Mushin'ski 1988: Muszyński, Z. „Profilowanie” profilowania. W: *Profilowanie w języku i w tekście* [“Profiling” of the profiling. In: *Profiling in language and text*], (red.) J. Bartmiński, R. Tokarski. – Lublin., WUMCS, 1988., pp. 19–34.

14. Novak 2000: Nowak, I. *Implicitne performatywy w języku rosyjskim i ich rola w konwersacji* [Implicit performatives in Russian and their role in the conversation]. – Katowice., Uniwersytet Śląski, 2000.

15. Nicolova 1984: Nicolova, R. *Pragmatichen aspekt na izrechenieto v bulgarskija ezik* [Pragmatic aspect of the sentence in the Bulgarian language]. – Sofija., Narodna prosveta, 1984.

16. Pajdzhinska 1988: Pajdzińska, A. Profilowanie w tekście poetyckim. W: Profilowanie w języku i w tekście [Profiling the poetic text. In: Profiling in language and text], (red.) J. Bartmiński, R. Tokarski. – Lublin., WUMCS, 1988. – pp. 343–353.
17. Hamze 2010a: Hamze, D. Filozofija na Formata v tvorcestvoto na Vitold Gombrovich. V: Dumi sreshhu dogmi. Sbornik s dokladi ot Dvanadesetata nacionalna konferencija za studenti, doktorati i srednoshkolci. – Plovdiv., Kontekst, 2011. – Pp. 196–206.
18. Hamze 2010b: Hamze, D. Iterativnata modalnost kato kulturogema v tvorcestvoto na Vitold Gombrovich. V: Nauchni trudove na PU „P. Hilendarski” [Philosophy of form in the works of Witold Gombrowicz. In: Words against dogmas. Proceedings of the Twelfth National Conference for students, PhDs and the high school], Vol. 48, Part. 1, SB. A, 2010., pp. 373–384.
19. Hamze 2011: Hamze, D. Arhetipnata anatomija na ezika kato demistifikator na ezikovija kanon (po „Kosmos” na Vitold Gombrovich). V: Istina, mistifikacija, l#zha v slavjanskite ezici, literaturi i kulturi [The archetypal anatomy of language as the language demystification canon (in “Cosmos” by Witold Gombrowicz). In: Truth, mystification, lies in the Slavic languages, literatures and cultures]. – Sofija., Lektura, 2011., pp. 145–154.
20. Hamze 2012a: Hamze, D. Evristika na slovoto. Transgresivnite inovacii na pisatelja (vrhu tekstove na Vitold Gombrovich). V: Godishnik Nauka – Obrazovanie – izkustvo [The language of obfuscation of Gombrowicz - an effective strategy in fighting against the invasion of a shape. In: Slavic Studies in a globalized world - challenges and perspectives]. Vol. 6, Part. 2. Blagoevgrad: Sjuz na uchenite – Blagoevgrad., 2012., pp. 173–180.
21. Hamze 2012b: Hamze, D. Ezikovata ekvilibristika na Gombrovich – efektivna strategija v borbata sreshhu nashestvietu na Formata. V: Slavistikata v globalnija svjat – predizvikelstva i perspektivi [The language of obfuscation of Gombrowicz - an effective strategy in fighting against the invasion of a shape. In: Slavic Studies in a globalized world - challenges and perspectives]. – Blagoevgrad., Universitetsko izdatelstvo „Neofit Rilski”, 2012., pp. 205–214.
22. Hamze 2013a: Hamze, D. Oksimoront – groteskovata armatura v tvorcestvoto na V. Gombrovich. V: Aktualni problemi na blgaristikata i slavistikata. Vtora mezhdunarodna konferencija, 9 – 10 noemvri 2012 g., Veliko Trnovo: VTU „Sv. sv. Kiril i Metodij” [The language of obfuscation of Gombrowicz - an effective strategy in fighting against the invasion of a shape. In: Slavic Studies in a globalized world - challenges and perspectives. Second International Conference, November 9-10, 2012, Veliko Tarnovo: University “St. St. Cyril and Methodius”], 2013., pp. 414–423.
23. Hamze 2013b: Hamze, D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz). In: Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center”. - St. Louis, Missouri, USA, 2013., pp. 383–390.
24. Hamze 2013v: Hamze, D. Filozofsko-jesteticheskie i lingvo-pragmaticheskie resursy groteska (na materiale tvorcestva V. Gombrovicha) [Philosophical-aesthetic and linguo-pragmatical resources of the grotesque (on materials of works by W. Gombrowicz)]. In: Verbal culture of the humanity through the prism of ages (London, July 18 - July 23, 2013). – London., Published by IASHE, 2013., pp. 51–56; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/28670>
25. Hamze 2014a: Hamze, D. «Za» i «protiv» stilistik. V: TEKST, KONTEKST, INTERTEKST. Sbornik nauchnyh statej. Vinogradovskie chtenija [“Pros” and “Cons” of styles. In: TEXT, CONTEXT, INTERTEXT. Collection of scientific articles. Vinogradov readings]. Vol. 2. – Moskva., VividArt, 2014., pp. 15–24.
26. Hamze 2014b: Hamze, D. Groteskata v kognitivno-pragmatichen rakurs (vrhu material ot tvorcestvoto na Vitold Gombrovich)., Spostavitelno ezikoznanie [Grotesque in cognitive-pragmatic perspective (on materials from the works by Witold Gombrowicz)., Comparative Linguistics], kn. 4. - Sofija., 2014., pp. 41–54.
27. Hamze 2015: Hamze, D. Rol’ dejksisa v groteskogeneze [Role of deixis in the genesis of the grotesque]. In: Development of language systems in the context of accelerated dynamics of public relations. - London, Published by IASHE, 2015., pp. 27–35; Access mode: <http://gisap.eu/ru/node/66329>
28. Chorán 2006: Chorán, E. Narchnik po razlozhenie. – Sofija., Fabel Ekspres, 2006.

Литература:

1. Апресян 1986: Апресян, Ю. Некоторые соображения о дейксисе в связи с понятием наивной модели мира. В: Теория текста. Zbiór studiów. (red.) T. Dobrzyńska, Kraków – Wrocław., Ossolineum, 1986, 83–98.
2. Вертлевски 1995: Wiertelwski, S. Pytania bez odpowiedzi. Pytania jako pośrednie akty mowy. – Poznań., Wydawnictwo Sorus, 1995.
3. Вежбицка, Вежбицки 1968: Wierzbicka, A., Wierzbicki, P. Praktyczna stylistyka. – Warszawa., Wiedza Powszechna, 1968.
4. Варец 2009: Vater, H. Wstęp do lingwistyki tekstu. Struktura i rozumienie tekstów. – Wrocław., Atut, 2009.
5. Височаньски 2005: Wysoczański, W. Językowy obraz świata w porównaniach zleksykalizowanych na materiale wybranych języków. – Wrocław., WUW, 2005.
6. Вишневецки 1994: Wiśniewski, M. Strukturalna charakterystyka polskich wypowiedzi niezdanowych. – Toruń., UMK, 1994.
7. Добжиньска 1988: Dobrzyńska, T. Rzeczy w świecie poety. W: Profilowanie w języku i w tekście, (red.) J. Bartmiński, R. Tokarski. - Lublin., WUMCS, 1988, 355–372.
8. Залевская 2012: Залевская А.А., Значение слова и метафора „живой поликодовый гипертекст”. In: Ways of solving crisis phenomena in Pedagogics, Psychology and Linguistics: Materials digest of the XXXI International Research and Practice Conference and the III stage of the Championship in pedagogical and psychological sciences, the II stage of the Championship in philological sciences. – London., IASHE, 2012, pp. 189–191; эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/12631>.
9. Залевская 2013: Залевская А.А., Что там – за словом? In: Verbal

Culture of the Humanity through the Prism of Ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in Philological Sciences. – London., IASHE, 2013, pp. 28–31; эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/29004>.

10. Йодловски 2003: Jodłowski, S. Próba zarysowania polskiego systemu części mowy. W: Współczesna polszczyzna 6. Wybór opracowań. Części mowy. (red.) J. Bartmiński, M. Nowosad Bakalarczyk. – Lublin., WUMCS, 2003, pp. 35–38.

11. Киклевич 2004: Kiklewicz, A. Podstawy składni funkcjonalnej. – Olsztyn., UWM, 2004.

12. Ли 2013: Ли, Валентин. Актуализация пропозиционального содержания слова (к проблеме онтологии понятия словесной культуры). In: Verbal culture of the humanity through the prism of ages (London, July 18 - July 23, 2013). – London., Published by IASHE, 2013, pp. 25-28; эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/28828>

13. Мушиньски 1988: Muszyński, Z. „Profilowanie” profilowania. W: Profilowanie w języku i w tekście, (red.) J. Bartmiński, R. Tokarski. – Lublin., WUMCS, 1988, pp. 19–34.

14. Новак 2000: Nowak, I. Implicitne performatywy w języku rosyjskim i ich rola w konwersacji. – Katowice., Uniwersytet Śląski, 2000.

15. Ницолова 1984: Ницолова, Р. Прагматичен аспект на изречението в българския език. – София., Народна просвета, 1984.

16. Пайджинска 1988: Pajdzińska, A. Profilowanie w tekście poetyckim. W: Profilowanie w języku i w tekście, (red.) J. Bartmiński, R. Tokarski. – Lublin., WUMCS, 1988, pp. 343–353.

17. Хамзе 2010а: Хамзе, Д. Философия на Формата в творчеството на Витолд Гомбрович. В: Думи срещу догми. Сборник с доклади от Дванадесетата национална конференция за студенти, докторати и средношколци. – Пловдив., Контекст, 2011, с. 196–206.

18. Хамзе 2010б: Хамзе, Д. Итеративната модалност като културогема в творчеството на Витолд Гомбрович. В: Научни трудове на ПУ „П. Хилендарски”, том 48, кн. 1, СБ. А, 2010, с. 373–384.

19. Хамзе 2011: Хамзе, Д. Архетипната анатомия на езика като демистификатор на езиковия канон (по „Космос” на Витолд Гомбрович). В: Истина, мистификация, лъжа в славянските езици, литератури и култури. – София., Лектура, 2011, с. 145–154.

20. Хамзе 2012а: Хамзе, Д. Евристика на словото. Трансгресивните иновации на писателя (върху текстове на Витолд Гомбрович). В: Годиници Наука – Образование – изкуство. Том 6, част 2. Благоевград: Съюз на учениците – Благоевград, 2012, с. 173–180.

21. Хамзе 2012б: Хамзе, Д. Езикова еквилибристика на Гомбрович – ефективна стратегия в борбата срещу нашествието на Формата. В: Славистиката в глобалния свят – предизвикателства и перспективи. – Благоевград., Университетско издателство „Неофит Рилски”, 2012, с. 205–214.

22. Хамзе 2013а: Хамзе, Д. Оксиморонът – гротесковата арматура в творчеството на В. Гомбрович. В: Актуални проблеми на българистиката и славистиката. Втора международна конференция, 9 – 10 ноември 2012 г., Велико Търново: ВТУ „Св. св. Кирил и Методий”, 2013, с. 414–423.

23. Хамзе 2013б: Hamze, D. The Grotesque Fixture Named Oxymoron (on works by W. Gombrowicz). In: Applied and Fundamental Studies. Hosted by the Publishing House “Science and Innovation Center”. - St. Louis, Missouri, USA, 2013, pp. 383–390.

24. Хамзе 2013в: Хамзе, Д. Философско-естетическите и лингво-прагматическите ресурси гротеска (на материала творчество на В. Гомбровича). In: Verbal culture of the humanity through the prism of ages (London, July 18 - July 23, 2013). – London., Published by IASHE, 2013, pp. 51–56; эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/28670>

25. Хамзе 2014а: Хамзе, Д. «За» и «против» стилистики. В: ТЕКСТ, КОНТЕКСТ, ИНТЕРТЕКСТ. Сборник научных статей. Виноградские чтения. Том 2. – Москва., VividArt, 2014, с. 15–24.

26. Хамзе 2014б: Хамзе, Д. Гротеската в когнитивно-прагматичен ракурс (върху материал от творчеството на Витолд Гомбрович). Съпоставително езиковедие, кн. 4. - София., 2014, с. 41–54.

27. Хамзе 2015: Хамзе, Д. Роль дейкиса в гротескогенезе. In: Development of language systems in the context of accelerated dynamics of public relations. - London, Published by IASHE, 2015, pp. 27–35; эл. ресурс: <http://gisap.eu/ru/node/66329>

28. Чоран 2006: Чоран, Е. Наръчник по разложение. – София., Факел Експрес, 2006.

Information about author:

Dimitrina Hamze - Doctoral Candidate, Plovdiv University named after Paisii Hilendarski; address: Bulgaria, Plovdiv city; e-mail: didiham@abv.bg

U.D.C. 81'23

ABOUT POSSIBLE APPROACHES TO STUDYING PECULIARITIES OF ORAL AND WRITTEN LANGUAGE DEVELOPMENT

A. Zalevskaya, Doctor of Philology, Full Professor
Tver State University, Russia

Corpus studies, experimental procedures and speech error analysis are discussed as useful approaches to speech development investigation. The necessity to apply a psycholinguistic theory of word meaning focusing on the user of language is grounded.

Keywords: corpus studies, experimental procedures, speech error analysis, psycholinguistic theory of word meaning.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

УДК 81'23

О ВОЗМОЖНЫХ ПОДХОДАХ К ИССЛЕДОВАНИЮ ОСОБЕННОСТЕЙ РАЗВИТИЯ УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ

Залевская А.А., д-р филол. наук, проф.
Тверской государственной университет, Россия

В числе возможных подходов к исследованию особенностей развития речи рассматриваются: обращение к материалам национальных корпусов разных языков; применение набора экспериментальных процедур; анализ ошибок в устной и письменной речи. Обосновывается необходимость интерпретации обнаруживаемых фактов с позиций теории языка как достояния его носителя со всеми вытекающими отсюда следствиями.

Ключевые слова: национальный корпус текстов, эксперимент, речевые ошибки, психолингвистическая теория значения слова.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1278>

Вводные замечания

Исследование особенностей развития устной и письменной речи на современном этапе интенсивного оборота информации требует, во-первых, накопления статистически значимого корпуса регистрируемых фактов, а во-вторых – теоретического осмысления наблюдаемых тенденций, поэтому ниже рассматриваются некоторые подходы к сбору материала для анализа и высказываются соображения о специфике теоретических оснований для интерпретации и объяснения наблюдаемых изменений.

Некоторые возможности использование новых информационных технологий в целях изучения изменений в устной и письменной речи

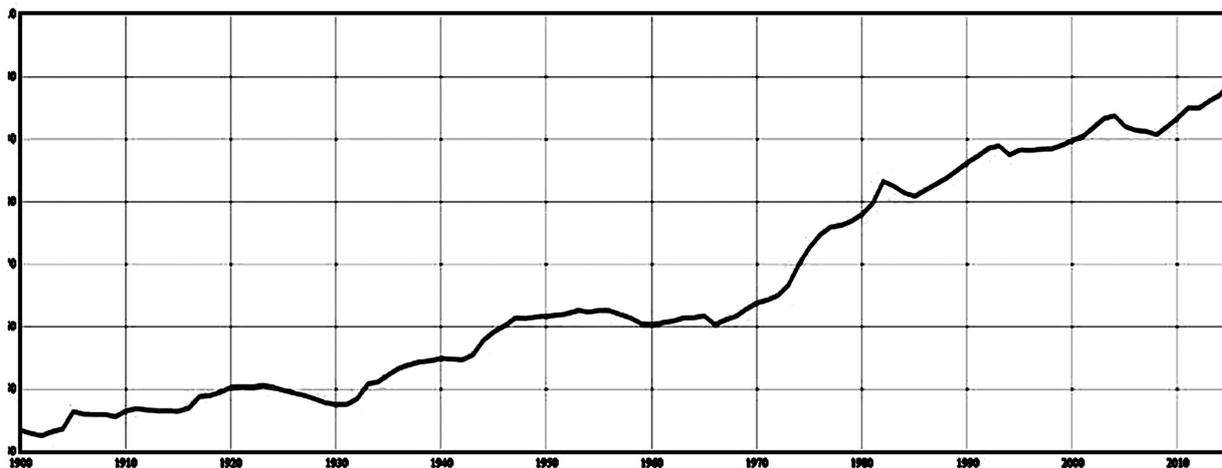
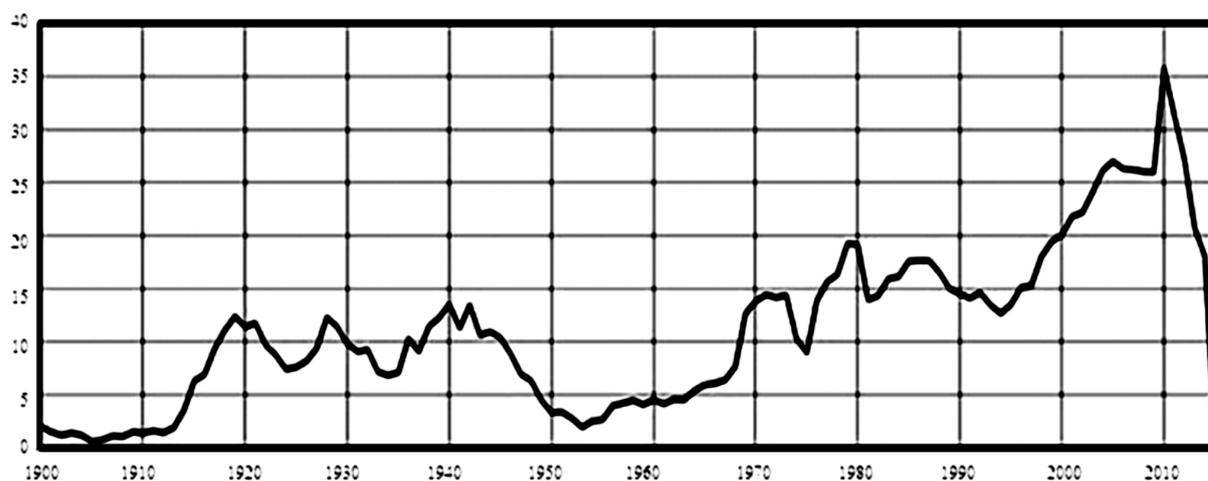
Национальные корпусы разных языков широко используются ныне для получения ответов на многие вопросы теории языка; особую роль при этом играет наличие ряда подкорпусов, в том числе и подкорпуса устной речи, в котором регистрируются текущие изменения в жизни языка, а комплексное использование всех материалов корпуса позволяет не только проследить динамику вхождения в практику пользования языком некоторого нового явления, но и получить статистически значимые наборы фактов, к тому же распределённые в соответствии с видами речи, жанрами, временными показателями и т.д.

К сожалению, многие исследователи не пользуются большими возможностями, которые предоставляются новыми информационными технологиями, хотя совершенствование технической базы и разработка новейших программных продуктов делают электронные средства простыми в употреблении и вполне доступными для широкого круга исследователей, в том числе для студентов, выполняющих курсовые работы. Приведу несколько примеров.

В статье Т.Б. Михайловой [3] в связи с проблемой языковых изменений обсуждаются возможные причины частого употребления в современной речи на русском и английском языках слов-паразитов *tuna* и *like*; например: *А ты, что, tuna, самый умный?* Источниками анализируемых автором фактов явились фильмы, Интернет, социальные сети, материалы Национального корпуса русского языка, Британского национального корпуса, корпуса современного американского английского языка и собственных наблюдений автора за речью говорящих людей. Т.Б. Михайлова ставит вопросы: почему эти слова стали всеобщими в речи молодёжи и какие изменения, произошедшие в обществе, могли стать причиной их массового употребления? Но возникают и другие вопросы, заслуживающие тщательного исследования. Например: когда началась и как развивалась утрата основ-

ного значения подобного слова, когда и при каких обстоятельствах произошёл «скачок» его популярности, не наблюдается ли уже спад частотности его употребления? Иначе говоря, имеет ли место эпизодический взлёт популярности такого слова или оно устойчиво приобретает новую функцию. В поисках ответа на эти вопросы под моим руководством была выполнена курсовая работа студентки 3-го курса Е.С. Федоровой, в частности, проследившей (на материале подкорпуса устной речи Национального корпуса русского языка), каким образом менялась частотность употребления слова *tuna* в русском языке за период с 1900 по 2010 гг. (см. рис. 1). Уточню, что в этом подкорпусе 52% составляет устная публичная речь, 10% – устная непубличная речь и 38% – речь кино. Были также получены статистические показатели для слова *конкретно*, популярного у молодёжи и нередко используемого в значении, далёком от основного (ср.: *Ну и погодка сегодня: конкретный гемморрой!*), см. рис. 2.

Обратим внимание на то, что приведенные результаты важны лишь как начальный этап исследования. Задачу дальнейшей работы составляет выяснение того, когда именно началась утрата основного значения слова, становящегося популярным. В поисках ответа на этот вопрос мы можем воспользоваться прикладной программой

Рис. 1. Динамика частотности слова *тип*Рис. 2. Динамика частотности слова *конкретный*

под названием конкордансер, продуктом применения которой является конкорданс – корпус фактов употребления исследуемого слова в определённых контекстах – как правых, так и левых. Анализ динамики таких контекстов на разных отрезках рассматриваемого периода времени позволит вывить, каким образом происходило изменение значения слова от его полноточности до перехода в другой статус, как менялось процентное соотношение между фактами употребления слова в разных функциях и значениях.

Использование конкордансера может быть полезным и для других целей, в том числе – для межъязыковых / межкультурных сопоставлений. Например, в дипломной работе студентки А.И. Доминикан ставилась задача выяснить, насколько соответствуют друг другу смысловые поля слов – коррелятов в русском и английском языках. Исследование

проводилось с использованием прикладной программы – конкордансера AntConc и с привлечением информации из электронных словарей. В частности, через анализ полученных контекстов было показано, что в английском языке имеется множество коррелятов русского слова *чистый*, при этом смысловые поля слов-коррелятов в английском и русском языках в значительной мере различаются. На рис. 3 приводится пример соотношения смысловых полей этого русского слова со смысловыми полями рядом английских слов.

Важность материалов такого рода для ситуаций переводческой деятельности и обучения иностранным языкам, несомненна. К тому же сопоставительные исследования такого рода с обращением к национальным корпусам разных языков и использованием «временных срезов» позволит показать, что бывшее в некоторый период

времени правомерным использование слов двух языков в качестве коррелятов может перестать быть таковым из-за произошедших изменений в значении и/или функции одного из них (в том числе – за счёт взлёта популярности некоторого словосочетания, акцентирующего своеобразный фокус видения именуемого объекта или вызываемого им эмоционально-оценочного переживания).

Использование набора экспериментальных процедур

В настоящее время в мировой науке уже накоплен значительный объём экспериментальных данных, полученных с применением разнообразных процедур: ассоциативных экспериментов, шкалирования, дефинирования и др. (см., например, перечень экспериментальных материалов на английском, белорусском, болгарском, венгерском, датском, итальянском, испанском, казахском, киргизском,

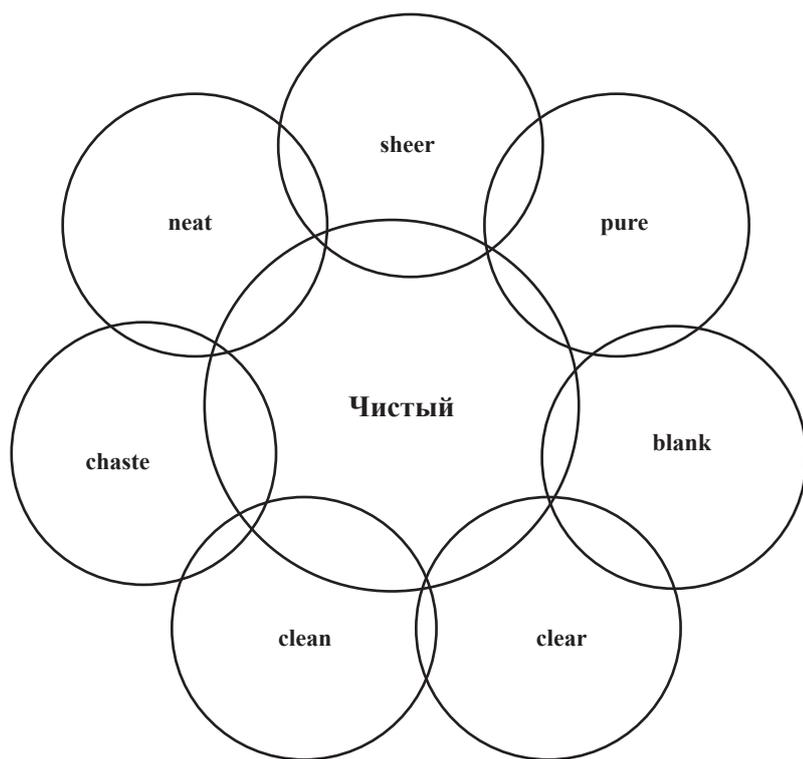

Рис. 3. Соотношение смысловых полей слов-коррелятов в русском и английском языках

немецком, польском, русском, словацком, украинском, французском, чешском языках в книге: [4: 173–179]). Наличие материалов, полученных в разные годы на базе тех или иных языков, позволяет проследивать возникновение и/или утрату тех или иных значений, появление новых контекстов, изменение характера увязываемых со словом или словосочетанием эмоционально-оценочных переживаний и т.д. (см. подробно: [1]).

Например, результаты экспериментов с использованием разных процедур дефинирования в сочетании с анализом показаний словарей, художественных текстов, отображаемых кинофильмами реалий и т.д. показывают, что русское слово *тачка* с 1930-х гг. по настоящее время претерпело следующие изменения в значении: сначала так именовалось только одноколёсное средство перевозки земли и т.п., потом выросло поколение людей, не знающих этого значения рассматриваемого слова, но именующих этим словом такси или любую машину, которая может подвезти вас в случае надобности; теперь под *тачкой* чаще понимается «крутая», «навороченная» легковая автомоби-

на, но в то же время в бытовую речь возвращается слово *тачка* в первоначальном значении, хотя сделанное из современных материалов произведение очень отличается от допотопного инструмента строителей социализма и используется преимущественно на дачах. Результаты экспериментов по субъективному шкалированию показывают тонкие различия в эмоционально-оценочных переживаниях, которые увязываются с именуемыми объектами, действиями, ситуациями у носителей разных языков и культур. Особенно ярко «сдвиги» в таких переживаниях проявляются в сложные периоды жизни общества (см. обсуждение материалов двухэтапного эксперимента с носителями русского языка: [1]).

Представляется важным сопоставление результатов экспериментальных исследований с данными по анализу материалов Национальных корпусов соответствующих языков, поскольку это позволит не только подкрепить или поставить под сомнение достоверность получаемых разными способами показателей, но и установить достоинства и недостатки используемых исследовательских процедур.

Анализ речевых ошибок в устной и письменной речи

Проблема речевых ошибок и их предотвращения актуальна для нормализации устной и письменной речи как на родном, так и на втором/иностранном языке. Однако нередко оказывается трудным провести грань между речевой ошибкой и новой тенденцией в развитии языка. В качестве примера можно назвать оформляющееся в последние годы в русском языке и закрепляемое официальными документами использование некоторых слов в несвойственной им форме множественного числа.

Так, согласно показаниям словарей, слово *коммуникация*, впервые зарегистрированное в начале XX века, первоначально указывало на связь между материальными объектами и увязывалось с водными, затем и с сухопутными путями сообщения. Постепенно круг таких объектов значительно расширился, и в последние десятилетия слово *коммуникация* в форме множественного числа ассоциируется, прежде всего с водопроводными трубами, канализацией и т.п. (ср.: *К месту строительства объекта уже проложены все необходимые коммуникации*).

Значительно позднее слово *коммуникация* стало означать процесс общения между людьми с использованием только формы единственного числа, т.е. в качестве именованного наиболее общего понятия, подразумевающего наличие некоторых видов такой коммуникации, в том числе – массовой коммуникации с рядом подвидов. Обратим внимание на то, что и словосочетание *массовая коммуникация* первоначально фигурировало в устной и письменной речи исключительно в форме единственного числа, а в форму множественного числа получало добавляемое слово: *средства массовой коммуникации*. Таким образом, в русском языке чётко соблюдалась дифференциация типов связи – между материальными объектами и между людьми в процессе общения, а также разграничивались уровни обобщения именуемых сущностей, выстраивающиеся в определённую иерархию.

Внезапно положение вещей изменилось: появились закреплённые в

официальных документах странные формулировки типа: *Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций* или *Институт (факультет) иностранных языков и межкультурных коммуникаций*... Что это: давление требований системы (по аналогии с предшествующим контекстом с формами множественного числа), вызванная той же аналогией ошибка чиновника, не исправленная во-время и неоправданно растиражированная, или новая тенденция развития русского языка? Поскольку параллельно с этим появляются высказывания типа: *На доске объявлений регулярно вывешиваются информации о встречах с авторами (о конференциях, диспутах и т.п.)*, можно прогнозировать, что для новых поколений носителей русского языка такие речения станут нормой, тем более в связи с сокращением усилий на разграничение способов оформления категории числа для разных значений одного и того же слова (фактически эта же тенденция унификации, упрощения, экономии, отказа от интеллектуальных усилий, отвечающая требованиям ускорения обмена информацией на текущем этапе, наблюдается в языке общения в сети Интернет, см. подробнее: [2]).

Мой многолетний опыт экспериментальных исследований в области значения слова и понимания текста, анализа речевых ошибок и моделирования процессов правильного и ошибочного продуцирования и понимания речи позволяет сделать вывод, что трудно провести грань между речевой ошибкой и новой тенденцией в развитии языка: ставшее популярным и потому высокочастотное слово или оборот речи может закрепиться в узусе и перейти в статус нормы или его использование оказывается недолговременным, оно уходит в прошлое, при этом либо происходит возврат к норме /системе, либо побеждает иная, более «сильная» тенденция, поддерживаемая закреплением в текстах СМИ и художественной литературы. В последнее время особую роль в таком «закреплении» играют новые формы общения в сети Интернет, где вводятся в обиход определённые штампы и

сокращения, с готовностью подхватываемые коммуникантами.

Закключение

Несомненно, выше были названы только некоторые из возможных подходов к исследованию особенностей развития языка на современном этапе; для получения убедительных результатов необходимо применение сочетания ряда процедур с учётом достижений новых информационных технологий, а также новейших результатов в разных науках о человеке.

Наиболее продуктивным представляется интегративный подход к исследованию процессов развития языка, позволяющий не только увидеть новые тенденции в разных ракурсах, но и разработать теорию языковых изменений с учётом роли фактора человека, включенного во взаимодействие с естественным и социальным окружением (см. подробно: [2]), а для этого обязательной является опора на психолингвистическую теорию значения слова, фокусирующуюся на специфике языка как «живого знания» со всеми вытекающими отсюда следствиями.

References:

1. Zalevskaia A.A. Dvojnaja zhizn' znachenija slova [Double life of a word meaning]. Teoreticheskoe i jeksperimental'noe issledovanie: monografija [Theoretical and experimental study: monograph]. – Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. – 274 p.
2. Zalevskaia A.A. Rol' faktora cheloveka v razvitii jazyka [The role of a human factor in the language

development], *Voprosy psiholingvistiki* [Issues of Psycholinguistics], – 2015., No. 2 (24)., pp. 64–76.

3. Mihajlova T.B. Tipa i like – novye rezidenty v «dome nashego bytija» [“Tipa” and “like” – new residents in “the house of our life”], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Tver State University]. – Serija: Filologija [Series: Philology]. – 2015., No. 2, pp. 63–69.

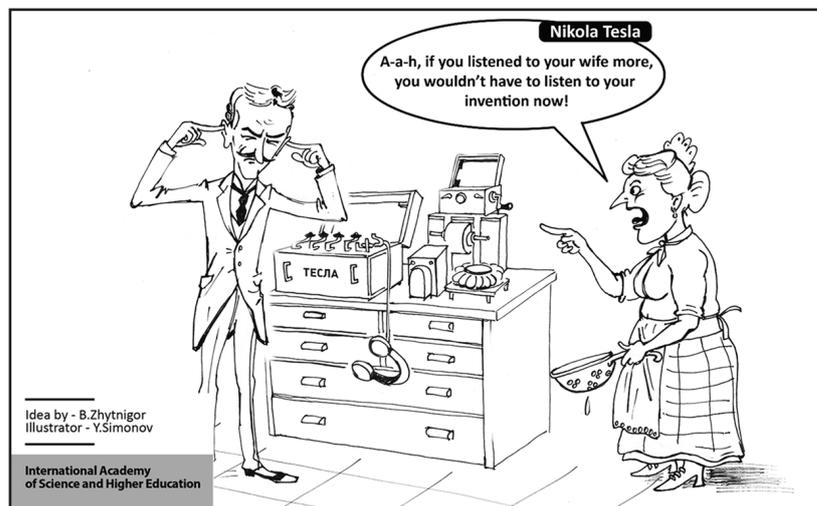
4. Zalevskaia A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London., International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 p.

Литература:

1. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография. – Saarbrücken., Palmarium Academic Publishing, 2012. – 274 с.
2. Залевская А.А. Роль фактора человека в развитии языка., *Вопросы психолингвистики*, – 2015., No. 2 (24)., С. 64–76.
3. Михайлова Т.Б. Типа и like – новые резиденты в «доме нашего бытия»., *Вестник Тверского государственного университета*. – Серия: Филология. – 2015., No. 2., С. 63–69.
4. Zalevskaia A. Interfacial Theory of Word Meaning: A Psycholinguistic Approach. – London., International Academy of Science and Higher Education, 2014. – 180 p.

Information about author:

Alexandra Zalevskaia - Doctor of Philology, Full Professor, Tver State University; address: Russia, Tver city; e-mail: aazalev@mail.ru

Idea by - B.Zhytnigor
Illustrator - Y.Simonov

International Academy
of Science and Higher Education

U.D.C. 811.161.2-2'367

THE CATEGORY OF "NOTHING" IN TRANSLATION HERITAGE OF JEAN-FRANÇOIS CHAMPOLION

S. Shvachko, Doctor of Philology, Full Professor
A. Kobayakov, Candidate of Technical Sciences, Associate Professor
I. Kobayakova, Candidate of Philology, Associate Professor
Sumy State University, Ukraine

The article in question deals with the category of "NOTHING", its linguo-cognitive aspects. Attention is focused upon the philosophic background of the object on the one hand and language presentation on the other.

Keywords: category of "NOTHING", philosophic background, linguistic aspect, markers, negation.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

УДК 811.161.2-2'367

КАТЕГОРИЯ НИЧТО В ПЕРЕВОДЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ ЖАНА-ФРАНСУА ШАМПОЛЬОНА

Швачко С.А., д-р филол. наук, проф.
Кобяков А.Н., канд. техн. наук, доцент
Кобякова И.К., канд. филол. наук, доцент
Сумской государственной университет, Украина

В статье исследуются вопросы категории НИЧТО, ее лингво-когнитивные аспекты. Фокусируется внимание на философском обосновании проблемы, а также на языковых маркерах результатов познания.

Ключевые слова: категория НИЧТО, бытие, философско-лингвистический аспект, языковые маркеры.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1279>

Вопросы бытия и небытия представляют большой интерес философов, ученых и лингвистов. Вопросы актуализировались в древности, когда египтяне перестали понимать свои иероглифы. Полторы тысячи лет данная загадка оставалась нерешенной. Простые рисунки не поддавались ни переводу, ни пониманию. Двухязычная надпись на базальтовой скале в селении Розетта помогла перевести с забытого египетского на незабытый греческий. До расшифровки оставался один шаг, и этот шаг сделал Жан-Франсуа Шампильон. Ученый подарил миру не только разумение египетских иероглифов, но и соприкоснулся с еще одной нерешенной проблемой в филологии и философии – проблемой НИЧТО. В этом случае речь шла о когнитивном модусе НИЧТО, поскольку великий француз пролил свет на эйдетическое начало, пребывающее в течение тысячелетий в информационном мраке.

Интерес к данной категории восходит к философско-лингвистическим источникам. Философские аспекты проблемы представлены широкой амплитудой воззрений на феномен неуловимого, ирреального, неопределенного, безмерного хаоса – в терминах трансцендентности, символики и веры [2]. Основными здесь являются вопросы о бытии в мире и о человеке в мире [11]. В поиске ответов срабатывает философская триада осмысления: быть или не быть, познать или не познать, место человека в процессе

познания сущего. В поиске рождаются новые образы действительности, концепты и средства оязыковления. Виртуозные размышления мыслителей, однако, до сих пор остаются открытыми для понимания загадочной сущности НИЧТО.

*Все, что в мире нам радует
взоры, – ничто.*

*Все стремления наши и споры –
ничто,*

*Все вершины Земли, все просторы –
ничто.*

*Все, что мы волочем в свои норы, –
ничто (Омар Хайям).*

Люди постоянно задумываются над вечными вопросами возникновения мира, человека, языка, начала всего сущего [3]. НИЧТО постоянно сопутствует ученому, философу, простому человеку, оно пугает, отталкивает от себя, притягивает к себе, генерирует идею о тщетности поисков о «может быть-философии»:

Может быть, это есть.

Может быть, этого нет.

*Может быть, это есть и этого
нет.*

Может быть, это невыразимо.

*Может быть, это есть и это
невыразимо.*

*Может быть, этого нет и это
невыразимо.*

*Может быть, это есть и этого
нет, и это невыразимо.*

Человек с трудом, заблуждениями приближается к Истине, познанию сущего и его особенностей, которые преследуют нас по пятам, грозят

разрушением и смертью. О небытии мы почти ничего не знаем [9]. В гносеологическом приближении царят мифология, вера в загробный мир, в царство мертвых – Аид. Наука молчит о небытии. «О НИЧТО наука ничего знать не хочет» [11]. Очевидно, что бытие всегда появляется в пределах человеческого ожидания [8].

Г. Гегель в своих трудах диалектически подходит к проблеме. НИЧТО бытует в мышлении, в языковом представлении, существует, соприкасаясь с бытием. «Чистое бытие и чистое ничто суть поэтому одно и то же» [1]. Само бытие в своем существовании обнаруживается в трансценденции выдвинутого в Ничто человеческого бытия. Проблема Ничто – источник отрицания. Наши ожидания часто не оправдываются: имеют место отрицание, пустота, ничто вместо чего-то. Значимыми у философа [1] являются обобщения:

– Бытие есть самоуничтожающее НИЧТО;

– Самоуничтожение, аннигиляция бытия приводит к небытию (НИЧТО).

За исходную позицию в философской системе Гегель принимает бытие: небытие – часть бытия, его отрицание, отсутствие чего-то реального, существующего, момент отношения к своей противоположности. Атомы «чего» – это существующие, «ничего» (пустота) – это несуществующие. Пустота не менее существенна реального (пористые тела состоят из атомов и пустоты). Демокрит считает,

что никакая вещь не может возникнуть из ничего. Таким образом, небытие содержит в себе момент бытия. Существует два НИЧТО: предметное НИЧТО – из сферы относительного бытия; беспредметное НИЧТО – из сферы абсолютного небытия. В небытии заложена реализация бытия. Прошлое и будущее проявляется в небытии, а настоящее – в бытии. Достоянием бытия является пространство и время. «*Время есть отношение бытия к небытию*» (Достоевский Ф.М.). Достоянием небытия являются бесконечность и вечность – как феномен, лишенный хронотопа. Небытие – изнаночная сторона бытия. Небытие «внутри» напоминает его прошлое и пронизывает его, предполагает выход из небытия и вхождения в него. «*Жизнь – это очень короткое время между двумя вечностями*» (Карлейль Т.).

Таким образом, закон отрицания отрицания есть универсально действенным. Проблема ничто в языке представлена по-особому. В этой семиотической системе отражаются результаты ментальной деятельности, познания мира в оценках да :: нет, наличествует :: не наличествует, явный: : лакунарный, позитивный :: негативный, утвердительный :: отрицательный. Значения негации (отрицания) экстерииорируются на всех уровнях языка: морфемном, лексическом, грамматическом и фразеологическом. К морфемным средствам негации относятся аффиксы (префиксы и суффиксы), которые пролонгируют исходные корневые единицы, модифицируя их семантику, маркируя результаты деривационного процесса. В английском языке продуктивным является суффикс - less. Ср.: *fearless, hopeless*. К лексическим маркерам негации относятся номинативные единицы (монолексеммы и полилексеммы). Лексические маркеры представлены в основном дериватами, исходные единицы которых семантизируют полярную (отрицательную и положительную) оценку. Сукцессивное конструирование на векторе от познанного к непознанному, от конкретного к неконкретному верифицирует наличие дихотомии [10]. Ср.: англ. *happy* → *unhappy*, *possible* → *impossible*; русс.

много → *немного*, *здоровый* → *нездоровый*, *счастливый* → *несчастливый*, *пустой* → *непустой*.

Ситуативные маркеры негации представлены дескриптивно и имплицитно. К синтаксическим номинациям относятся свободные сочетания, реализующие отсутствие референтов, включая их качественные характеристики.

Феномен синкретизма (реализации двух и более значений) срабатывает во фразеологизмах и коммуникативных единицах, реализующих прагматические интенции пожелания, совета, наставления, запрета. Ср. англ.: *Don't run before policeman; Don't count chicken until they are hatched*.

Среди грамматических средств отрицания весомое место занимают отрицательные предложения изъявительного наклонения, а также условные и императивные предложения. Ср. англ.: *If wishes were horses, the beggars would ride horses*.

Отрицание – элемент значения предложения, который указывает, что связь, установленная между компонентами предложения, по мнению говорящего, не существует; или утвердительные предложения отвергаются говорящим. Средства выражения отрицания включают: отрицательные аффиксы, отрицательные формы глаголов и внутрилексемные конструкции. Сферой отрицания выступают все блоки предложения – полные и частичные отрицания. Множественность отрицания запрещена в английском языке. К отрицательным словам относятся полнозначные единицы и синтаксические форманты (частицы, союзы) и модальные слова [4]. Отдельные слова предполагают глубинное наличие отрицания. Ср. англ.: *I feared lest I should be late*.

Скрытая негация имплицитно в иронических текстах, афоризмах, практического и непрактического наполнения. Ср.: *Собака умнее бабы, на хозяйна не лает; Без денег не может быть леди*. В этих непрактических изречениях отрицательные конструкции используются в качестве уточнения несерьезных сентенций.

Семантическая инконгруэнтность, алогичность имплицитно в стилистических приемах оксюморо-

на, зевгмы, в ирреальном узусе типа англ.: *smallest city, crowded loneliness, crying silence, sweet sorrow; to lose one heart and necklace, to drink tea with wife and sugar*.

В текстах отрицание представлено эксплицитно и имплицитно, экспрессивно и скрыто, посредством формальных и семантических девиаций, действующих в режиме имманентных законов языковых идиосистем [10]. Ср. англ.: *I love not man the less but nature more*; русс. *Его глаза не врут, они правдиво говорят, что их хозяин плут*. Иронический шарм подобных текстов объективируется сравнением буквального и небуквального смыслов: ирония этих текстов, говорят, является единственным оружием беззащитных.

Параметризация афоризмов, стихотворений, изречений традиционно включает в свой дизайн конституэнты разных видов. Ср.:

Верные слова не изящны.

Красивые слова не заслуживают доверия.

Добрый не красноречив.

Красноречивый не может быть добрым.

Знающий не доказывает, доказывающий не знает (Цзы, Лао).

Меняются научные парадигмы, меняются и подходы к ним, стабильно действующим при этом остаются процессы эволюции, инволюции, модификации языковых единиц, интеграции когнитивных и лингвистических векторов. Позная мир, человек упорядочивает его и категоризирует [5]. Важнейшим принципом категоризации являются бинарные оппозиции, среди которых задают универсальную логику мышления.

Анализ египетских текстов в переводе **Жан-Франсуа Шампольона** в этом ракурсе позволил выделить целый ряд признаков маркеров негации. Отрицание в разных макросистемах представлено им биполярно – мононегативно и полинегативно [11]. В процесс оязыковления негации вовлекаются слова неправды, безмолвия, никого, безверия; словосочетания безмолвной тишины; полнозначные и служебные части речи; фразеологизмы.

Ж.Ф. Шампольон мастерски оязыковляет явления негации в ком-

муникативных единицах, фокусирует внимание на скалярной представленности положительный → отрицательный. Обращение к языковому материалу показывает, что результаты ментального познания мира представлены целой парадигмой языковых единиц [10]. Особое место среди них занимают слова секундарной деривации, образованные при помощи аффиксов. Негация представлена лексико-грамматическими средствами – полнозначными и неполнозначными словами. На синтаксическом уровне значение отрицания вербализируются всеми блоками предложения. Обособляются глагольные фразы в индикативном, императивном и сослагательном наклонениях.

Эмпирический материал, собранный **Шампольном**, свидетельствует о том, что «не»единицы являются производными полярных конструкций, т.е. частью маркеров бытия. В своей семантизации производные единицы номинируют не только негативное явление, но и противоположное. Среди метазнаков категории НИЧТО используются лексемы *отсутствие, запрет, отрицание, негация, небытие*. Вопрос языковой негации остается открытым для последующих дискуссий.

Для распознавания лингво-когнитивного модуса категории НИЧТО правомерным представляется исследование становления релевантных единиц на материале процесса эволюции/инволюции – номинации результатов когнитивного опыта, с одной стороны, и метазнаков лингвистической картины мира, с другой.

References:

1. Gegel' G. Nauka logiki [The science of Logic], Writings. v 3 Vol. Vol. 1. – Moskva., Mysl', 1970. – 501 p.
2. Dmitrieva V.A. Metodologicheskaja funkcija kategorii NICHTO v sovremennoj filosofii [Methodological function of the category of NOTHING in modern Philosophy], Izv. Sarat. un-ta. Novaja ser. Ser. Filosofija. Psihologija. Pedagogika [Series: Philosophy. Psychology. Pedagogics]. 2013. Vol. 13, Issue 1., pp. 22–25.
3. Dmitrieva V.A. Sootnoshenie kategorii NICHTO i nigilizma

[Correlation of the category of NOTHING and nihilism]. – Bulletin of PAGES, 2012, No. 4 (33), pp. 131–135.

4. Lingvisticheski jenciklopedicheski slovar' [Linguistic encyclopedic dictionary], Main editor V.N. Jarceva. – Moskva., Sovetskaja jenciklopedija [Soviet encyclopedia], 1990., pp. 354–355.

5. Maslova V.A. Druzha kak bazovij koncept ruskoj kul'tury [Friendship as the basic concept of Russian culture], Kognitivnaja lingvistika: novye paradigmy i novye reshenija: sbornik statej [Cognitive linguistics: new paradigms and new decisions: collection of articles], edited by M.V. Pimenova. – Moskva., IJA RAN, 2011. – 896 p. (Serija «Konceptual'nye issledovanija» [Series “Conceptual Researches”], Issue 15., pp. 48–59.

6. Pimenova M.V. Jazykovaja kartina mira: uchebnoe posobie [Language picture of the world: textbook], Issue 2. – Kemerovo., KemGUKI, 2011. – 106 p.

7. Sapronov P.A. Put' v Nichto [Way into Nothing]. Oчерки russkogo nigilizma [Sketches of the Russian nihilism]. – SPb., Izdatel'skij centr «Gumanitarnaja Akademija» [Publishing center “Humanitarian Academy”], 2010. – 399 p.

8. Sartr Zh.P. Bytie i nichto. Opyt fenomenologicheskoi ontologii [Life and nothing. Experience of phenomenological ontology], translated from Frenche, predisl., primech. V.I. Koljadko. – Moskva., 2000., pp. 255–256.

9. Soloduh N.M. Ponimanie ontologicheskogo statusa nebytija [Understanding the ontologic status of non-existence]. – Izvestija KGASU, 2006, No. 1(5), pp. 126–128.

10. Hajdegger M. Vremja i bytie [Time and life], Stat'i i vystuplenija [Articles and speeches]: translated from German, sost., per., vstup. st., komment. V.V. Bibihina. – Moskva., Respublika [Republic], 1993. – 447 p.

11. Shvachko, S.A. Lingvo-kognitivnye aspekty problemy nichto vs nechto [Linguo-cognitive aspects of the problem of nothing vs something], Sovremennaja lingvistika i issledovanija mental'nosti v XXI veke: kollektivnaja monografija: k 80-letnemu jubileju

professora V.V. Kolesova [Modern linguistics and studies of mentality in the XXI century: collective monograph: to the 80th anniversary of professor V.V. Kolesov]; co-editors M.V. Pimenova, V.I. Terkulov. – Kiev., Publishing house D. Burago, 2014. (Serija «Konceptual'nyj i lingval'nyj miry» [Series “Conceptual and Lingual Worlds”]. Issue 5), pp. 349–364.

12. Emile Brehier Histoire de la Philosophie. – Paris., Quadrige manuels, 2012. – 1792 p. <http://dx.doi.org/10.1086/358190>

13. Jean Lacouture. Champollion Une vie de lumières. – Paris., Grasset, 1989.

14. Kobyakova I.K. Verbalization of humorous texts., I.K. Kobyakova., In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest of the XLVI International Research and Practice Conference and I stage of the Championship in philological sciences. (March 28–April 02, 2013) – London., IASHE, 2013., pp. 31–32

15. Jean Lacouture. Champollion Une vie de lumières. – Paris., Grasset, 1989.

Литература:

1. Гегель Г. Наука логики., Соч. в 3 т. Т.1. – Москва., Мысль, 1970. – 501с.
2. Дмитриева В.А. Методологическая функция категории НИЧТО в современной философии., Изв. Саратов. ун-та. Новая сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2013. Т. 13, вып. 1., С. 22–25.
3. Дмитриева В.А. Соотношение категории НИЧТО и нигилизма. – Вестник ПАГС, 2012, No. 4 (33), С. 131–135.
4. Лингвистический энциклопедический словарь., главный редактор В.Н. Ярцева. – Москва., Советская энциклопедия, 1990., С. 354–355.
5. Маслова В.А. Дружба как базовый концепт русской культуры., Когнитивная лингвистика: новые парадигмы и новые решения: сборник статей., отв. ред. М.В. Пименова. – Москва., ИЯ РАН, 2011. – 896 с. (Серия «Концептуальные исследования», Вып. 15., С. 48–59.

6. Пименова М.В. Языковая картина мира: [учебное пособие], Изд. 2 – Кемерово., КемГУКИ, 2011. – 106 с.

7. Сапронов П.А. Путь в Ничто. Очерки русского нигилизма – СПб., Издательский центр «Гуманитарная Академия», 2010. – 399 с.

8. Сартр Ж.П. Бытие и ничто. Опыт феноменологической онтологии., пер. с фр., предисл., примеч. В.И. Колядко. – Москва., 2000., С. 255–256.

9. Солодуха Н.М. Понимание онтологического статуса небытия. – Известия КГАСУ, 2006, No. 1(5), С. 126–128.

10. Хайдеггер М. Время и бытие., Статьи и выступления: пер. с нем., сост., пер., вступ. ст., коммент. В.В. Биbihина. – Москва., Республика, 1993. – 447 с.

11. Швачко, С.А. Лингво-ког-

нитивные аспекты проблемы ничто vs нечто., Современная лингвистика и исследования ментальности в XXI веке: коллективная монография: к 80-летию юбилею профессора В.В. Колесова; отв. соред. М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – Киев., Издательский Дом Д. Бурого, 2014. (Серия «Концептуальный и лингвальный миры». Вып. 5), С. 349-364.

12. Emile Brehier Histoire de la Philosophie. - Paris., Quadrige manuels, 2012. – 1792 p. <http://dx.doi.org/10.1086/358190>

13. Jean Lacouture. Champollion Une vie de lumières. – Paris., Grasset, 1989.

14. Kobyakova I.K. Verbalization of humorous texts., I.K. Kobyakova., In the beginning there was the Word: history and actual problems of philology and linguistics: Materials digest of the XLVI International Research and

Practice Conference and I stage of the Championship in philological sciences. (March 28-April 02, 2013) – London., IASHE,2013., pp. 31-32

15. Jean Lacouture. Champollion Une vie de lumières. – Paris., Grasset, 1989.

Information about authors:

1. Svitlana Shvachko - Doctor of Philology, Full Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: shvachko.07@mail.ru

2. Aleksandr Kobyakov - Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

3. Iryna Kobyakova – Candidate of Philology, Associate Professor, Sumy State University; address: Ukraine, Sumy city; e-mail: kobyakova@ukr.net

INTERNATIONAL ACADEMY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION

International Academy of Science and Higher Education (IASHE, London, UK) is a scientific and educational organization that combines sectoral public activities with the implementation of commercial programs designed to promote the development of science and education as well as to create and implement innovations in various spheres of public life.

Activity of the Academy is concentrated on promoting of the scientific creativity and increasing the significance of the global science through consolidation of the international scientific society, implementation of massive innovational scientific-educational projects

While carrying out its core activities the Academy also implements effective programs in other areas of social life, directly related to the dynamics of development of civilized international scientific and educational processes in Europe and in global community.

Issues of the IASHE are distributed across Europe and America, widely presented in catalogues of biggest scientific and public libraries of the United Kingdom.

Scientific digests of the GISAP project are available for acquaintance and purchase via such world famous book-trading resources as amazon.com and bookdepository.co.uk.

www: <http://iashe.eu>

e-mail: office@iashe.eu

phone: +44 (20) 71939499

INEXPLICABLE AND MYSTERIOUS – IN OUR WORLD (GEORGY IVANOV’S STORIES OF THE SECOND “NOVELISTIC PERIOD”)

M. Kostova-Panayotova, Doctor of Philology, Full Professor,
Deputy Dean of Philology Department
South-West University, Bulgaria

Georgy Ivanov is one of the brightest figures of the Russian diaspora. The poet, novelist, critic, memoirist, he is among those names which have changed literary and historical map of Russian culture of the XX century. First of all Ivanov is a poet of great significance. But even if the winds of time stored only his prosaic heritage, then it would be worth working to bring it together and to study. Because in it the writer is also a big creator with brilliant and fascinating style, charming master, whose feather, according to Roman Gul, can please even the most pretentious reader [Gul 1955]. The author considers Georgy Ivanov’s stories, the so-called “second novelistic period”. Here the researcher focuses her attention on the analysis of the style and genre of these stories.

Keywords: Emigration, stories, memoirs, art conventionality, mysterious mechanisms of personality.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

НЕОБЪЯСНИМОЕ И ТАИНСТВЕННОЕ – В НАШЕМ МИРЕ (РАССКАЗЫ ГЕОРГИЯ ИВАНОВА ВТОРОГО “НОВЕЛЛИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА”)

Костова-Панайотова М., д-р филол. наук, проф.,
зам. декана филологического факультета
Юго-западный университет, Болгария

Георгий Иванов - одна из самых ярких фигур русской диаспоры. Поэт, романист, критик, мемуарист, он среди тех имен, которые изменили литературно-историческую карту русской культуры XX века. Иванов, прежде всего поэт большой величины. Но даже если ветер времени сохранил бы только его прозаическое наследие, то стоило бы труда его собирать и изучать. Потому что и в нем писатель - большой творец, с блестящим и увлекательным стилем, обаятельный мастер, чье перо, по словам Романа Гуля, доставило бы удовольствие и самому претенциозному читателю [Гул 1955]. Статья рассматривает рассказы Георгия Иванова, т.н. “второго новеллистического периода”. Здесь исследователь фокусирует свое внимание на анализ стиля и жанра этих рассказов.

Ключевые слова: Эмиграция, рассказы, мемуары, художественная условность, таинственные механизмы личности.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1280>

Писатель до конца своей жизни воспринимает себя, прежде всего как поэт, и это восприятие кладет отпечаток на все его творчество. Может быть, оно является причиной того, что его более крупные опыты в прозе оставались неоконченными. Иванов пишет поэтические “мемуары”, в которых художественная условность играет ведущую роль. Он пишет рассказы, в которых автобиографическое сплетено с лирическими темами и мотивами, пишет поэму в прозе и, наконец - роман, фрагментарное поэтическое произведение, которое критика обозначает тоже жанрово неопределенно - “беллетристическая поэма”, “поэтический роман” и пр.

Сборника рассказов Г.Иванов не выпускает, хотя рассказы он пишет с ранних лет. В период 1914-17 г. молодой автор печатает в периодике ряд рассказов - прежде всего в журнале “Аргус”, “Лукоморье”, “Огонек”.

Второй “новеллистический период” в творчестве художника слова особенно плодотворен и длится несколько лет. “Открывается” он рассказом “Жизель” в 1928 г. и условно “закрывается” рассказом “Карменсита”, опубликованным в 1934 г.

Г. Иванов печатает свои рассказы в занимательной “Иллюстрированной России” и рижской газете “Сегодня”. Зрелый творец обращается к жанру

рассказа последний раз в 50 -е годы, когда в журнале “Возрождение” опубликована “семейная хроника” “Настенька” - яркий образец бытовой прозы.

Многие рассказы второго “новеллистического периода” напоминают очерки или характерные авторские “мемуары”, что не странно, потому что и одни, и другие писались и публиковались почти одновременно. Жанровые разделения местами можно проводит весьма условно. О том, что граница не была совсем определена и для самого творца, говорит факт, что произведение, которое опубликовано как рассказ в 1929 г., в 1934 г. снова появляется в печати под заглавием “пережитые таинственные случаи”. Т.е. через несколько лет рассказ опубликован как очерк - факт, который свидетельствует, с одной стороны, что эмигрантские рассказы Г.Иванова приближаются к его “мемуарам”, а с другой стороны, что для автора между беллетристикой и его воспоминаниями не существует резкого перехода.

Если в художественно-фикциональном пространстве рассказов “просвечивают” биографические документальные ядра, то различен принцип организации “мемуаров”, которые на основе документального опыта создают художественный мир, в который реальные лица и события подчинены

высшей идее - мифологизации действительности с целью приближения к реальности. К сюжетам опубликованных рассказов Иванов непрерывно возвращается. Многие из них переработаны и опубликованы под другими названиями позже. Так рассказ “Жизель” напечатан в 1933 г. под названием “Эллис”, рассказ “Аврора” (1934) первоначально имел заглавие “Василиса”, 1929 г., а “Карменсита” (1934) в 1929 г. напечатан как “Дама с Бельведера”.

Многие рассказы этого периода ассоциативно отсылают к очеркам из цикла “Китайские тени”, так как в них рассказывается о времени или используются реалии, чье объяснение можно открыть в мемуарных фрагментах. Таким способом в художественном мире художника переплетаются нити между отдельными произведениями. Читателю представляется, что он все время находится в одном и том же мире, который периодически возвращается к одному или другому мотиву, чтобы представить его с разных, иногда противоположных точек зрения.

В отличие от ранних рассказов, в которых отсутствуют конкретные временные датировки, в эмигрантских произведениях этого жанра неизменно приводятся даты - “1911 г.”, “осенью 1923 г.”, “зимние вечера 1919 г.”

Вместе с тем характерная черта, которая перекидывает мост между рассказами и воспоминаниями того периода - своеобразное неточное маркирование, характерное для воспоминаний: *“Был август или сентябрь 1917 г.”* или *“Это в 1914-15 г.”* [Иванов 1994]

Как в мемуарах, так и в рассказах сливание сна с реальностью, действительности с фантазией - постоянная характеристика этого художественного мира. В сравнении с ранними рассказами намного чаще встречается повествовательная “я” форма. Когда сущность сюжета затрудняет проникновение в эмоциональном мире персонажа, творец использует форму “дневника” (рассказ *“Невеста из тумана”*) или форму “рассказ в рассказе” (*“Четвертое измерение”*).

Дистанция, необходимая для того, чтобы не превратились рассказы в биографические фрагменты, обеспечивается в некоторых из них маркированной характеристикой повествовательного “я”, которое является музыкантом-скрипачом, стареньким юристом, художником, или как указано в подзаголовке *“рассказ человека из богемы”*. Но и когда намеренно сохраняет дистанции, повествователь все время приводит факты, даты, события реальной жизни человека и творца Г. Иванова: *“Осенью 1923 г., перед самым отъездом... во Францию, поэт О. пригласил меня на новоселье”* - пишет повествователь в *“Четвертое измерение”* [Иванов 1994: 227].

Осенью 1923 г. Иванов действительно уезжает в Париж, а поэт “О.” - вероятно Николай Оцуп, с кем Иванов встречается часто в Берлине. Рассказ *“Веселый бал”* описывает бал, который действительно был организован в Доме искусства в начале января 1921 г., где присутствуют Гумилев, Ахматова, Мандельштам, Иванов, Одоевцева и т.д. и о котором вспоминают ряд мемуаристов.

В *“Жизеле”*, например, есть такой пассаж - *“В 1923 г., зимой я ... оказался в Германии”* [Иванов 1994: 218]. С осени 1922 -огопо 1923 годИванов живет в Германии.

В рассказах писатель повествует о событиях и включает настоящие лица - В. Пяст, Гумилев, Ахматова и др. Автобиографическая деталь - пу-

тешестве в Псковскую губернию в рассказе *“Любовь бессмертна”*. В некоторых рассказах стремление к дистанции полностью оставлено. Так художественно-новеллистические произведения *“Карменсита”* и *“Веселый бал”* можно бы включить вполне успешно в одном и том же разделе с оформленными очерками *“Александр Иванович”*, *“Мертвая голова”* или *“Магический опыт”*, в них документальное и беллетристическое переплетены. В рассказе *“Веселый бал”* близость между повествователем и автором демонстрируется текстом: *“В зале Гумилев берет меня под руку.*

– Жорж, ты неосторожен”.

[Иванов 1994: 262]

Еще яснее это видно в тексте, в котором автор рассказывает о пропуске, который он сам себе написал - *“товарищ Георгий Иванов”, секретарь и член президиума этого союза* (союз поэтов) т.е. текст как бы декларирует: повествователь = Жорж, “товарищ” Г.Иванов. Это, конечно, не приводит к простому выводу: повествователь = Г.Иванов, во-первых, потому что как персонаж повествователь является частью одной фикции, он “книжный” (по словам Р.Барта), и, во-вторых, определяя себя как “рассказ”, текст постулирует художественную выдумку. Множество биографических ядер в рассказах организованы по законам художественной условности и подчинены ей. Следовательно, позиция автобиографического повествователя “Жоржа” также обыграна, как и позиция повествователя - скрипача, юриста или молодого художника.

Интерес Иванова к странному, загадочному, продолжается и в произведениях 20-30 г., составляя атмосферу мистичности и нереальности, которая расщепляет бытовую ткань рассказов. Сюжеты беллетристических произведений Иванова всегда связаны с какой-то любовной коллизией, которая ведет героя к трагическому разрешению. Этот момент связан с мироощущением, которое предполагает две единственные вечные темы в искусстве - любовь и смерть. Вместе с тем один из основных интересов, засвидетельствованных в раннем периоде (рассказ *“Губительные покойники”*), характерен для автора до последних

произведений - нравоописательный интерес. Роковая предопределенность, нашествие необъяснимого в будничных событиях - это общее в рассказах *“Четвертое измерение”*, *“Невеста из тумана”*, *“Любовь бессмертна”*, *“Аврора”* и др.

Часто в рассказах этих лет знак судьбы является в образе роковой женщины, демонической, связанной с темными силами, которая ведет героя к гибели - мотив, характерный и для его ранних произведений. Во втором новеллистическом цикле, однако, эта женщина часто советская шпионка или действует по указанию ЧК. В ее образе переплетаются соблазнительное и отталкивающее. В рассказе *“Жизель”* (произведение очень близкое тематически и идейно к очерку *“Фарфор”*) повествователь рисует роковую женщину так: *“...лицо знакомое - прелестное и отвратительное, которое не хочется помнить и нельзя забыть”* [Иванов 1994: 216].

Обычно эта женщина “особенна”, запоминающаяся, южной красотой Карменсита, элегантна и хорошо одета. У нее нет ничего общего с пролетариатом и именно в этом, как считает повествователь, ее коварная сила. Рисуя образ шпионки, рассказчик использует любимый прием - акцентирует внимание на определенную деталь или побочный момент, который раскрывает ее хищную природу. У Карменсита острые, мелкие зубы; незнакомка из рассказа *“Веселый бал”* способна предать собственную сестру; глаза Жизели смотрят “зло и грустно”. Создавая образ шпионки, обычно автор использует иностранные имена - Эллис, Жизель, Карменсита, или намекает на иностранное происхождение незнакомки - имена, которые вносят элемент чужого, угрожающего, экзотического.

Очевидно, у этого образа яркая идеологическая насыщенность. Необъяснимое и таинственное - в нашем мире, случайности - закономерные - внушают эти рассказы. *“Четвертое измерение”*, например, имеет первоначальное заглавие *“Необъяснимое”*. Чередуя разные картины, повествователь рассказывает несколько таинственных случаев, пережитых повествователем. Этот рассказ

корреспондирует с воспоминанием "Магический опыт", где снова вмешательство сверхъестественного не имеет реального объяснения с вещами земного мира.

Необъяснима и загадочна история "невесты из тумана", которая приводит к самоубийству преуспевающего художника. Непонятно для других, почти нелепо и трагично влюбляется в девушку легкого поведения князь М. ("Любовь бессмертна"). Так же нелепо влюблена в своего штурмана красивая и молодая Аврора, которая терпит от него унижения, а когда по меркам других она должна быть счастливой (в нее влюбляется американский миллионер), она кончает с собой.

В этих рассказах показана ирраци-

ональная человеческая природа, интерес автора направлен на таинственные механизмы личности. Многие рассказы приближаются к готической новелле.

References:

1. Ivanov, G. VI. Sobranie sochinenij v treh tomah [Collection of works in 3 volumes], Vol. 2. - Moskva, "Soglasie" ["Agreement"], 1994.
2. Gul, Roman. Georgij Ivanov. - "Novyj zhurnal" ["New journal"], br. 42, 1955.
3. Gul, Roman, Papers. General Collection, Beineke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, 1955.

Литература:

1. Иванов, Г. Вл. Собрание сочинений в трех томах, т. 2. - Москва, "Согласие", 1994.
2. Гул, Роман. Георгий Иванов. - "Новый журнал", бр. 42, 1955.
3. Gul, Roman, Papers. General Collection, Beineke Rare Book and Manuscript Library, Yale University, 1955.

Information about author:

Magdalena Kostova-Panayotova - Doctor of Philology, Full Professor, Deputy Dean of Philology Department, South-West University; address: Bulgaria, Sofia city; e-mail: magipkp@mail.bg

 <p>GLOBAL INTERNATIONAL SCIENTIFIC ANALYTICAL PROJECT</p>		<p>THE IASHE ENCYCLOPEDIA</p> <p>Systematic publication of the presentational editions containing information on the most progressive researchers of the IASHE projects</p>	<p>PRESENTATION PAGES</p> <p>Exclusive publication of presentational information on researchers in the IASHE editions</p>	<p>SCIENTOMETRICS</p> <p>Continuous expansion of the scale of scientometric indexation of the IASHE editions in authoritative scientometric databases of the world</p>
		<p>COLLECTIONS OF SCIENTIFIC REPORTS</p> <p>Publication of collective digests of scientific works written by the IASHE projects participants in the British Publishing House of the Academy</p>	<p>INTERNATIONAL INTELLECTUAL PARLIAMENT</p> <p>Formation of the international community of intellectuals for the purpose of finding the recommendatory solutions for the modern pressing problems; publication of exclusive information on members of the Parliament in the Inter-Intel Collegium edition</p>	
<p>CHAMPIONSHIPS</p> <p>The international and national scientific competitions (title and certification actions) based on professional examination of quality and originality of reports</p>				
<p>EDUCATIONAL AND ATTESTATION PROGRAMS</p> <p>Exclusive programs of the education quality confirmation and improvement, scientific and analytical doctoral and academic programs based on the assessment of knowledge and scientific creativity</p>	<p>FEDERATIONS</p> <p>Establishment of National Federations of scientific analytics - public associations of scientists the purpose of which includes protection of researchers' interests, organization of events, management of National scientific analytics teams and carrying out club scientific and analytical championship</p>	<p>THE IASHE RANKINGS</p> <p>Systematic calculation of personal and collective rankings of the researchers' scientific and analytical activity and efficiency on national and international levels</p>	<p>PATENTING</p> <p>Together with the International Union of Commerce and Industry (UK), the IASHE participates in the project aimed at registration, publication and protection of copyright according to the ICSQ-775 standard</p>	
<p>CONFERENCES</p> <p>International scientific and practical forums providing effective communications between scientists from around the world, experience exchange and the advanced knowledge distribution</p>	<p>COOPERATION</p> <p>The Academy is open to various forms of mutually beneficial cooperation with the interested legal entities and individuals carrying out progressive social work</p>	<p>JOURNALS</p> <p>Publication of 12 professional sectoral journals issued under the British jurisdiction containing the best works of the project participants, as well as the reviewed materials</p>	<p>CERTIFICATION</p> <p>Together with the International Union of Commerce and Industry (UK), the IASHE participates in the project aimed at certification of quality of goods, services, technologies, knowledge and qualifications according to the IOSCEAAD-775 standard</p>	<p>«MEMORIAL»</p> <p>The project assumes the organization of the thematic scientific events, devoted to memory of outstanding thinkers of mankind, within the IASHE projects</p>
<p>INNOVATIVE ABSTRACTS AND SPEAKERS OF THE IASHE</p> <p>Introduction and publication of brief data on innovative elements of scientific works; presentation of authors of the most original reports as the IASHE Speakers</p>		<p>«PARTNER UNIVERSITY»</p> <p>Programs of mutually beneficial cooperation with educational and scientific organizations</p>		<p>CERTIFICATION OF EDUCATIONAL PRODUCTS AND ACCREDITATION OF INSTITUTIONS</p> <p>The IASHE renders services aimed at assessment of quality and certification of educational programs; the Academy also accredits the interested scientific and educational organizations</p>
<p>TITLES AND «THE BOOK OF WISE MEN»</p> <p>Names and personal information of winners and awardees of scientific analytics championships, holders of scientific and analytical doctoral degrees and academic titles of the IASHE are indicated and popularized in the "Book of Wise Men" project</p>		<p>MONOGRAPHS</p> <p>Publication of innovative reports written by progressive scientists in the form of author's monographs issued under the British jurisdiction</p>	<p>«PLATONICK»</p> <p>The social network for scientists and intellectuals allows not only publishing and assessing the creative works, discussing them with colleagues and finding followers, but also acquiring additional credits for the IASHE certification programs</p>	
<p>«SOCRATES-NOTION» REGISTRY</p> <p>"Socrates-Notion" is a specialized registry of authors of scientific reports (scientists) and their publications accompanied by exclusive options of scientific activity presentation and copyright protection</p>		<p>If you wish to take part in the project, please visit:</p> <p>http://gisap.eu phone: +44(20)71939499 e-mail: office@gisap.eu</p>		<p>«SOCRATES-IMPULSE» DATABASE</p> <p>"Socrates-Impulse" is a scientometric database established by the IASHE on the basis of the best combination of traditional and original methods of calculation and analysis of scientific data</p>

U.D.C. 82.09:821.161.1

TYOLOGY OF VIRTUAL SPACE IN THE RUSSIAN LITERATURE

Yu. Pykhtina, Doctor of Philology, Associate Professor
Orenburg State University, Russia

In the report its author considers peculiarities of the virtual space model in fiction. The classification of virtual space constructed taking into account the semantic transformations observed in the course of the literary development is offered.

Keywords: art space, virtual space, spatial model.

Conference participant,
National championship in scientific analytics

УДК 82.09:821.161.1

ТИПОЛОГИЯ ВИРТУАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Пыхтина Ю.Г., д-р филол. наук, доцент
Оренбургский государственный университет, Россия

В статье исследуются вопросы категории НИЧТО, ее лингво-когнитивные аспекты. Фокусируется внимание на философском обосновании проблемы, а также на языковых маркерах результатов познания.

Ключевые слова: категория НИЧТО, бытие, философско-лингвистический аспект, языковые маркеры.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1281>

Стремительно меняющийся мир неминуемо влечет за собой и новое его понимание человеком, и новый язык для его описания. Одной из примет современного мировосприятия является осознание реальности как виртуальной. Н.А. Носов, основатель Центра виртуалистики Института человека РАН, отмечал: «Неверно понимать виртуальность как нереальность (возможность, иллюзорность, потенциальность, воображение и т.п.), виртуальность есть другая *реальность*. В виртуалистике полагается существование двух типов реальности: виртуальной и константной, – каждая из которых одинаково реальна» [3].

Открытия, сделанные профессором Н.А. Носовым и его коллегами в различных областях виртуалистики, на наш взгляд, можно использовать и в литературоведении. С глубокой древности в художественных текстах описывались явления «другой реальности» – сновидения, грезы, видения, гипнотические состояния и т.п., в литературных произведениях новейшего времени персонажи погружаются в виртуальные компьютерные реальности и всевозможные эзотерические миры. Примечательно, что и само художественное творчество стало трактоваться как виртуальная реальность, т.к. является вторичным, порожденным по отношению к миру реальности объективной.

Многочисленные примеры использования параллельных реальностей в произведениях разных эпох, художественных направлений и жанров для воссоздания иррациональной или таинственной атмосферы, фантасти-

ческого фона, для передачи эмоционального состояния персонажей, мотивации их поступков и т.д. являются основанием для выделения *модели виртуального пространства* как одной из базовых в художественной литературе.

Несмотря на то, что виртуальное пространство в художественной литературе реализуется в самых разнообразных формах, в современном литературоведении немного специальных исследований, посвященных изучению этого художественного феномена. Нет также единого мнения по поводу объема и содержания самого понятия «виртуальное пространство» в литературном произведении.

Так, К.В. Шульга в диссертационном исследовании, посвященном роману Виктора Пелевина «Generation 'П'», виртуальным пространством называет «симулякральный информационный мир», созданный посредством высоких компьютерно-информационных технологий [7]. Е.А. Луговая, рассматривая специфику пространственной организации эпопеи Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец», определяет виртуальное пространство как «своеобразную ментальную карту реальности в ее пространственном аспекте, существующую не фактически, а лишь в нашем сознании» [2, с. 10]. В работе О.П. Алексеевой «Виртуальная бытийность сказки в культуре» дается весьма широкая трактовка понятия «виртуальность». Считая художественное пространство сказки «моделью мира, созданной по законам пространства реального, но несопадающего с ним» [1, с. 14], иссле-

довательница включает в структуру виртуального пространства господствующие в культуре ценности и смыслы; социальные, нравственные, религиозные стереотипы мировосприятия и поведения; психологические компоненты и личностные смыслы автора.

Из сказанного следует, что модель виртуального пространства может структурироваться на основе вполне узнаваемых фрагментов эмпирической реальности, представленных, однако, в трансформированном, переходном, многомерном и условном состоянии. Подвергая реальное пространство парадоксальным метаморфозам, художники слова, как правило, заполняют виртуальный мир произведения визуальными, зрительными образами, которые выступают как микрообразы единого художественного пространства, но дают представление о каких-то иных, недоступных опыту, его видах.

Важной особенностью виртуальной пространственной модели, на наш взгляд, является не только ее воплощенность на уровне воображения, сознания, чувствования персонажей, но и максимальное воздействие на воображение читателя в процессе его погружения в художественный мир произведения.

Анализ ряда произведений, в которых описывается виртуальное пространство, позволил нам выделить несколько способов его моделирования: воссоздание в тексте воображаемой реальности, погружение в игровую реальность и изображение кибернетического пространства. Рассмотрим каждый из них отдельно.

1. Ярким примером виртуального

пространства является образ города в поэзии серебряного века. Закрепившееся в русской художественной традиции понимание города как враждебного человеку пространства, нашло отражение в ряде далеких от реальных образов «мертвого города, города-убийцы и города фантастического, будто материализовавшегося из бреда сумасшедшего» [4, с. 163]. Атрибутом виртуального города в поэзии серебряного века, часто становится *ночь*, в образе которой концентрируются негативные, «диавольские черты» – «холод, безразличие, одиночество, молчание, изоляция и т.д., – которые противопоставляются позитивности реального мира» [6, с. 299]. Город наполняется резкими, бессмысленными, агрессивными звуками и неприятными запахами, становится местом энтропийным, живущим на грани безумия: *«Но за Вами неслись в истерической клятве / И люди, и зданья, и даже магазин. / Срывались с места фонарь и палатка, / Все бежало за Вами, хохоча и крича...»* (В. Шершеневич «Городская охота»). Усиливают негативное восприятие виртуального города неблагоприятные климатические условия – дожди и туманы – губительные для человека: *«туман, с кровожадным лицом каннибала жевал невкусных людей»* (В. Маяковский «Еще Петербург»). Виртуальный город часто рисуется в виде антропоморфных или зооморфных образов: *«Немые облики теней! Вам больно жить на жесткой груди, На ребрах городских камней»* (В. Ходасевич «С простора»); *«И, как кошмарный сон, виденьем беспощадным, / Чудовищем размеренно-громдным, / С стеклянным черепом, покрывшим шар земной, / Грядущий Город-дом являлся предо мной»* (В. Брюсов «Замкнутые»); *«Ночная улица прекрасна и ужасна. / Змеей ползет толпы многоголовый гад»* (А. Лозина-Лозинский «Ночная улица прекрасна и ужасна»). Общее в семантике этих образов – отрицательные коннотации, которые можно встретить в большинстве урбанистических стихотворений.

Как видим, город в поэзии серебряного века, созданный воображением, имеющий собственное лицо, представляет собой особую реальность,

смоделированную посредством отражения и преобразования действительности. Однако эта искаженная реальность способна существовать только при наличии интерпретирующего субъекта, способного почувствовать передаваемую языковыми средствами (в основном метафорой и метонимией) атмосферу.

2. Особым виртуальным способом существования персонажей в художественном мире произведения, определяющим тип их мироотношения и реализующийся в тексте в типологии сюжета и героя, на структурном, метафорическом и композиционном уровне является игра. Специфику моделирования игрового виртуального пространства можно рассмотреть на примере рассказа Л.Н. Андреева «Большой шлем». В произведении описываются будни четырех любителей игры в винт, которые в течение шести лет собираются в доме одного из игроков, пытаясь отгородиться от действительности, по сути, заменить реальную жизнь игрой, из которой нет выхода. Даже смерть одного из партнеров не может заставить отказаться героев от этого сложившегося годами карточного ритуала.

На первый взгляд, Л.Н. Андреев имеет своей целью подчеркнуть социальную проблематику в рассказе – одиночество и трагическую разобщенность игроков: читателю сложно представить себе, чтобы обыватели, играя постоянным составом продолжительное время (дважды повторяется слова «*Так играли они лето и зиму, весну и осень*»), не знали ничего определенного о внезапно умершем партнере. Однако идея произведения значительно глубже: автор показывает силу иррационального, неизвестного фактора (Случая, Рока) в жизни людей. Последнее обстоятельство обуславливает обращение автора к особому моделированию пространства. В этом, казалось бы, реалистическом рассказе художественное пространство наделяется символично-фантастическими чертами, функциональное предназначение которого – изображение противостояния человека судьбе. Внутри этого пространства выработались свои механизмы борьбы с Судьбой: *«Старичок Яков Иванович дав-*

но выработал строго философский взгляд и не удивлялся и не огорчался, имея верное оружие против судьбы в своих четырех»; *«Я никогда не играю больше четырех. <...> Никогда нельзя знать, что может случиться»*.

«В рассказе противопоставлены два мира: реальный и виртуальный. Виртуальный мир игры, мир глухой «тишины» стремится к замкнутости, предельной сжатости; границы его четко обозначены: *«Для игры собирались у Прокопия Васильевича, так как во всей обширной квартире жили только они вдвоем с сестрой, – существовал еще большой белый кот, но он всегда спал на кресле, – а в комнатах царил необходимая для занятий тишина. <...> И они начинали. Высокая комната, уничтожавшая звук своей мягкой мебелью и портьерами, становилась совсем глухой»*. Игроки не желают допускать в него даже слабых отголосков «тревожной и чуждой жизни». Реальный мир – пространство предельно широкое, разомкнутое, наполненное страданиями и жестокостью, характеризуется отсутствием границ, бесконечностью: *«Так играли они лето и зиму, весну и осень. Дряхлый мир покорно нес тяжелое ярмо бесконечного существования и то краснел от крови, то обливался слезами, оглашая свой путь в пространстве стонами больных, голодных и обиженных»*. Хаотический непредсказуемый внешний мир сознательно выключается из представлений игроков, его как бы не существует. Даже на упоминание событий реального мира в их кругу наложено табу.

Обществу людей герои рассказа предпочли общество игральных карт, которые оживают в виртуальном пространстве: *«хмуро улыбался пиковый король»*, *«шестерки опять скалили свои широкие белые зубы»*, двойки и тройки имели *«дерзкий и насмешливый вид»*. Но самое удивительное в поведении карт то, что они обладают, в отличие от игроков, «прихотливым нравом», «насмешливостью и непостоянством». Описание «поведения» карт еще более подчеркивает безразличие игроков друг к другу, их окостенелость и безжизненность. Того не замечая, герои сами становятся колодой игральных карт, в момент выпадения

одной из них (смерть Масленникова), у них возникает вопрос: «А где же мы возьмем теперь четвертого?».

В рассказе «Большой шлем» Л.Н. Андреев от эпизода реальной жизни идет к постановке вневременных проблем. Созданная Андреевым пространственная оппозиция (реальное – виртуальное) становится моделью для построения внепространственных категорий – жизни и смерти. Героям вдруг открывается невластность человека над судьбой. Внезапная смерть партнера по картам заставляет их ужаснуться тому «бессмысленному, ужасному, непоправимому», что неизбежно должно случиться с каждым.

3. Особый интерес представляют произведения новейшей литературы, в которых местом разворачивания событий становится мир, созданный посредством кибернетических информационных технологий. Литературное представление такого типа виртуального пространства связано с описанием героев, действий и антуража компьютерных игр. Ярким примером значимости этого вида пространства для художественного текста служит повесть В. Пелевина «Принц Госплана», где эстетические задачи решаются с помощью подробного воссоздания происходящего на экране монитора: «По коридору бежит маленькая фигурка. Нарисована она с большой любовью, даже несколько сентиментально. Если нажать клавишу “Up”, она подпрыгнет вверх, прогнется, повиснет на секунду в воздухе и попытается что-то поймать над своей головой. Если нажать “Down”, она присядет и постарается что-то поднять с земли под ногами. Если нажать “Right”, она побежит вправо. Если нажать “Left” – влево. Вообще, ею можно управлять с помощью разных клавиш, но эти четыре – основные».

Проход, по которому бежит фигурка, меняется. Большей частью это что-то вроде каменной штольни, но иногда он становится удивительной красоты галереей с полосой восточного орнамента на стене и высокими сводчатыми окнами. На стенах горят факелы, а в тупиках коридоров и на шатких мостках над

глубокими каменными шахтами стоят враги с обнаженными мечами – с ними фигурка может сражаться, если нажать клавишу “Shift”. Если нажать некоторые клавиши одновременно с другими, фигурка может подпрыгивать и подтягиваться, висеть, качаясь, на краю, и даже может с разбега перепрыгивать каменные колодцы, из дна которых торчат острые шипы. У игры много уровней, с нижних можно переходить вверх, а с высших проваливаться вниз – при этом меняются коридоры, меняются ловушки, по-другому выглядят кувшины, из которых фигурка пьет, чтобы восстановить свои жизненные силы, но все остается по-прежнему – фигурка бежит среди каменных плит, факелов, черепов на полу и рисунков на стенах. Цель игры – подняться до последнего уровня, где ждет принцесса, но для этого нужно посвятить игре очень много времени. **Собственно говоря, чтобы добиться в игре успеха, надо забыть, что нажимаешь на кнопки, и стать этой фигуркой самому** – только тогда у нее появится степень проворства, необходимая, чтобы фехтовать, проскакать через щелкающие в узких каменных коридорах разрезалки пополам, перепрыгивать дыры в полу и бежать по срывающимся вниз плитам, каждая из которых способна выдержать вес тела только секунду, хотя никакого веса у фигурки нет, как нет его, если вдуматься, и у срывающихся плит, как бы убедителен ни казался издаваемый ими при падении стук».

В последних своих произведениях, например, в романе «S.N.U.F.F.» (2011), В. Пелевин моделирует глобальное виртуальное пространство, в котором сочетаются все названные типы виртуальности, а художественное пространство играет одновременно и смысло-, и жанро- и структурообразующую роль (подробнее в нашей статье «Структура виртуального пространства в романе Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.»» [5]).

Таким образом, виртуальное пространство в русской литературе может моделироваться разными способами:

– воссозданием в тексте воображаемой реальности, вторичного, отраженного в сознании воспринима-

ющего субъекта мира. В этом случае реальное пространство как правило деформируется, искажается, преобразовывается согласно авторскому замыслу;

– погружением в игровую реальность, которая захватывает участников, замыкает их в иной, построенной по правилам игры сфере;

– изображением кибернетического пространства – мира, созданного средствами компьютерных технологий для имитации реальности.

В данной статье мы лишь наметили возможные пути анализа виртуального пространства, поскольку художественная литература дает нам богатейший материал для исследований иной, отличной от объективной, реальности – онейрической, мифологической, зазеркальной, трансперсональной и т.п.

References:

1. Alekseeva, O.P. Virtual'naja bytijnost' skazki v kul'ture: dis. kand. filol. Nauk [Virtual existence of a fairy tale in culture: thesis by the Candidate of Philosophy]: 24.00.01., Alekseeva Olga Pavlovna. – Rostov-na-Donu., 2006. – 160 p.
2. Lugovaja, E.A. Toponim virtual'nogo prostranstva kak kul'turno-istoricheskaja kategorija: Na materiale jepopei Dzh.R.R. Tolkiena «Vlastelin kolec»: dis. kand. filol. Nauk [Toponym of virtual space as a cultural and historical category: On materials of the epic by J.R.R. Tolkien “Lord of the Rings”]: thesis by the Candidate of Philosophy]. 10.02.19., Lugovaja Ekaterina Aleksandrovna. – Stavropol'., 2006. – 217 p.
3. Nosov, N.A. Manifest virtualistiki [Manifesto of virtualistics] [Online resource]., N.A. Nosov. – Moskva., Put', 2001. – 17 p. (Tr. lab. virtualistiki. Issue 15)., Access mode: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html
4. Prokof'eva, V.Ju. Russkij poetičeskij lokus v ego leksičeskom predstavlenii: Na materiale poezii «serebrjanogo veka»: dis. doktora filol. Nauk [Russian poetic locus in its lexical representation: on materials of “the silver age” poetry: thesis by the Doctor of Philosophy]: 10.02.01., Prokof'eva

Viktorija Jur'evna. – St. Petersburg., 2004. – 380 p.

5. Pyhtina, Ju.G. Struktura virtual'nogo prostranstva v romane Viktora Pelevina «S.N.U.F.F.» [Structure of virtual space in Victor Pelevin's novel "S.N.U.F.F."], Verbal culture of the humanity through the prism of ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in philological sciences. – London., July 18–July 23, 2013., pp. 46-48.

6. Hanzen-Leve, A. Russkij simbolizm [Russian symbolism]. Sistema poeticheskikh motivov [System of poetic motives]. Rannij simbolizm [Early symbolism]., A. Hanzen-Leve. Translated from German S. Bromerlo, A.C. Masevicha i A.E. Barhaza. – SPb., Akademicheskij proekt [Academic project], 1999. – 512 p.

7. Shul'ga, K.V. Pojetiko-filosofskie aspekty voploshhenija «virtual'noj real'nosti» v romane Generation 'P'» Viktora Pelevina: dis. kand. filol. Nauk [Poetic and philosophic aspects of the embodiment of "virtual reality" in the novel "Generation P" by Victor Pelevin: thesis by the Candidate of Philosophy].

10.01.01., Shul'ga Kirill Valer'evich. – Tambov., 2005. – 158 p.

Литература:

1. Алексеева, О.П. Виртуальная бытийность сказки в культуре: дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01., Алексеева Ольга Павловна. – Ростов-на-Дону., 2006. – 160 с.

2. Луговая, Е.А. Топоним виртуального пространства как культурно-историческая категория: На материале эпопеи Дж.Р.Р. Толкиена «Властелин колец»: дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19., Луговая Екатерина Александровна. – Ставрополь., 2006. – 217 с.

3. Носов, Н.А. Манифест виртуалистики [Электронный ресурс], Н.А. Носов. – Москва., Путь, 2001. – 17 с. (Тр. лаб. виртуалистики. Вып. 15)., Режим доступа: http://www.virtualistika.ru/vip_15.html

4. Прокофьева, В.Ю. Русский поэтический локус в его лексическом представлении: На материале поэзии «серебряного века»: дис. ... доктора филол. наук: 10.02.01., Прокофьева Виктория Юрьевна. – СПб., 2004. – 380 с.

5. Пыхтина, Ю.Г. Структура виртуального пространства в романе Виктора Пелевина «S.N.U.F.F.»., Verbal culture of the humanity through the prism of ages: Materials digest of the LVIII International Research and Practice Conference and II stage of the Championship in philological sciences. – London., July 18- July 23, 2013., pp. 46-48.

6. Ханзен-Леве, А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Ранний символизм., А. Ханзен-Леве. Пер. с нем. С. Бромерло, А.Ц. Масевича и А.Е. Бархазы. – СПб., Академический проект, 1999. – 512 с.

7. Шульга, К.В. Поэтико-философские аспекты воплощения «виртуальной реальности» в романе Generation 'P'» Виктора Пелевина: дис. ... канд. филол. наук. 10.01.01., Шульга Кирилл Валерьевич. – Тамбов., 2005. – 158 с.

Information about author:

Yuliana Pykhtina - Candidate Education, Associate Professor, Orenburg State University; address: Russia, Orenburg shen; e-mail: pyhtina-2008@mail.ru

The AICAC Secretariat

Tel: + 12 024700848

Tel: + 44 2088168055

e-mail: secretariat@court-inter.us

skype: court-inter

A I C A C

AMERICAN INTERNATIONAL
COMMERCIAL
ARBITRATION COURT

The American International Commercial Arbitration Court LLC – international non-government independent permanent arbitration institution, which organizes and executes the arbitral and other alternative methods of resolution of international commercial civil legal disputes, and other disputes arising from agreements and contracts.

The Arbitration Court has the right to consider disputes arising from arbitration clauses included into economic and commercial agreements signed between states.

Upon request of interested parties, the Arbitration Court assists in the organization of ad hoc arbitration. The Arbitration Court can carry out the mediation procedure.

For additional information
please visit:
court-inter.us

ACTIVE PROCESSES OF THE MODERN RUSSIAN

M. Balasanian, Candidate of Philology, Associated Professor, Head of the "Russian Philology" direction of the Faculty of Education, Humanitarian and Social sciences
Samtskhe-Javakheti State University, Georgia

We chose active processes occurring in the modern Russian language for consideration in the report. As it is generally known, the Russian language has undergone through considerable changes during the last centuries. A language is a living organism reflecting changes, which are taking place in modern rushing life. Russian is presented as the system, the norm and the style. Exactly from these three points of view we have been investigating it. The modern state of the language shows that the system is changing, the style of speech has changed and the norm of text has been replaced.

Keywords: active processes, word-formation, abbreviation, internationalization of language.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА

Баласаниян М.А., канд. филол. наук, ассоциированный проф., руководитель направления «Русская филология» факультета Просвещения, гуманитарных и социальных наук
Самцхе-Джавахетский государственный университет, Грузия

В данной статье исследуются активные процессы, возникающие в современном русском языке. Как известно, в течение последних столетий русский язык понес значительные изменения. Язык представляет собой живой организм, который отражает изменения, происходящие в современном быстротечном мире. Русский язык представлен как система, норма и стиль. Именно эти три формы и послужили основой для исследования. Современное состояние языка показывает, что система меняется, и заменяются стиль речи и норма текста.

Ключевые слова: активные процессы, словообразование, аббревиатура, интернационализация языка.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap:ps.v0i10.1284>

Русский язык еще не установился, – и дай Бог, чтоб он еще как можно долее не устанавливался, потому что, чем больше будет он устанавливаться, тем лучше и богаче установится он...

В. Г. Белинский

Состояние современного русского языка с конца XX столетия, изменения, которые в нем активно происходят, нуждаются во внимательном изучении и освещении с целью выработки оценок и рекомендаций с позиций объективности и исторической целесообразности. Динамика языкового развития столь ощутима, что не оставляет равнодушных ни в кругу лингвистической общественности, ни в среде журналистов и публицистов, ни среди обычных граждан, не связанных профессионально с языком.

За последние столетия русский язык претерпел значительные изменения. Развитие языка нельзя считать благом, так как язык – живой организм, который отражает изменения, происходящие в быстротекущей жизни. Однако русский язык как язык народа – вечен.

Русский язык представлен как система, норма и стиль. Именно с этих трёх точек зрения и следует его исследовать. Современное состояние языка показывает, что система – изменяется, стиль речи – сменяется, норма текста – заменяется. Русский язык остается литературным русским языком, но уже более приспособлен к новым условиям и новому поколению. Создаются благоприятные возможности для коммуникативной целесообразности,

что в свою очередь может влиять на языковую норму.

Однако норма – свод конкретных правил, устанавливаемых людьми. Динамика языка обусловлена тем, что норма не запрет, а выбор подходящего варианта. Отсюда роль вариативности в функционировании и в самом развитии языка. Речь – это то, что живо, многогранно. Норма же – идеал, который нужно достичь. В основе нормы (идеала) лежит реальная языковая структура (код), который ее регулирует. Норма актуализирует то, что заложено в языковом коде. Поэтому новшества должны иметь предел, который устанавливается языковой структурой.

Грамматический строй любого языка считается самой стабильной частью языкового уровня. Собственно грамматический строй и является основой языковой структуры, что и различает один язык от другого. Тем не менее динамическим процессам подвергается и морфологическая и синтаксическая структура. Причем развитие идет по двум направлениям:

- 1) Эволюция
- 2) Экология

Факты эволюционного развития считаем вполне положительным явлением, которое также свидетельствует в пользу того, что язык – живой

организм. Однако в грамматической системе изменения менее желательны и свидетельствуют они в основном о фактах экологии языка, т.е. о тех явлениях, которые следует рассмотреть, проанализировать и четко решить – нужны ли они языку тогда, как структура его сформировалась исторически – традиционно и является его основой.

Среди активных процессов отмечаем: изменения в словообразовании, изменения в морфологическом и синтаксическом строе.

Для словообразовательного периода 1945-2013 г.г. наиболее характерны такие процессы: демократизация, интернационализация, рост аналитизма и агглютинативности в структуре производного слова, рост личностного начала и экспрессивности. Эти процессы охватывают всю область словообразования, но есть и такие, которые распространяются не на все словообразование, а лишь на словообразование отдельных частей речи.

Демократизация. Под этим термином понимают более широкое, чем ранее, функционирование в литературном языке, включая его книжные сферы языковых средств, в том числе словообразования и производных слов, имеющих своей „родиной“, некодифицированные сферы языка.

Наиболее резкий контраст наблюдается между 1950-ми гг. и первым десятилетием XXI в. Распад тоталитарного государства, приведший к уничтожению многих политических и экономических запретов, способствует изменению условий функционирования языка. Процесс демократизации в словообразовании существительных обнаруживается в функционировании разряда производных слов, с суффиксом – *к(а)*, образованных способом универбации, т.е. сокращение в одно слово сочетаний прилагательное + существительное.

В качестве базовой используется основа прилагательного. Этот способ словообразования присущ разным славянским языкам, например, чешскому и словацкому, в последние десятилетия активизируются в польском. В русском языке он специфичен для разговорного языка. Всплеск активности слов этого разряда отмечен в 1960-1970 гг.

Для последнего десятилетия XX в. характерно новое явление – широкое проникновение подобных слов в язык периодической печати и устных средств массовой информации. Универбаты именуют явления самых разных сфер жизни – *междугородка* (международная телефонная станция), *малогабаритка* (малогабаритная квартира), *нулёвка* (нулевой первый класс), *Рублевка* (Рублевское шоссе).

Журналисты помещают такие слова не только в текст своих сообщений, но и в заголовки газетных статей, что придает им особую весомость – „*Оборонка*„ ищет выход, „*Пугачевка*„ и т.д.

Среди универбатов, образованных в последнее десятилетие, выделяется группа слов особой структуры – производные от страдательных причастий – *неучтенка*, *незавершенка* (неучтенные деньги, товары).

В словообразовании глаголов префиксации используется нередко как средства стилистической маркировки. В этом случае префикс не придает глаголу особого значения, но указывает на принадлежность его к той или иной сфере языка. Для современного языка особенно характерно производство глаголов, употребительных в нестройной профессиональной речи. Чаще всего при этом используется

приставка *за-*, например – засолить и посолить.

В нестройной речи медиков продуктивны префиксальные глаголы с приставкой *про-*, обозначающие завершение действия, обычно с указанием временного предела или уточнителя. *Вам надо две бутылочки прокапать. Необходимо пролечивать раз в полгода.* Процесс демократизации еще более резко обнаруживается в таком явлении как введение в литературный язык элементов *жаргона* и *просторечия*.

В литературном языке используются целые серии слов несущих заряд резкой экспрессивности, оценочности, например: существительные с суффиксами *-ух(а)*, *-аг(а)*, *-уг(а)* типа *порнуха*, *чернуха*, *бытовуха*, *тюряга*, *журналиюга*.

В литературных текстах экономической проблематики используются жаргонизмы профессионального характера *нал* и *безнал* (усечения сочетаний *наличные деньги*, *безналичный расчет*), универбат *наличка*: «...коллектив, не получающий налички несколько месяцев подряд, готов был объявить забастовку», глагол *обналичить*. В основе этого многообразия лежит тюремно-лагерный жаргон. Он сформировался в социально пёстрой среде советских лагерей и тюрем на протяжении ряда десятилетий. Восприняв многое из лексико-фразеологического арсенала дореволюционного воровского арга, тюремно-лагерный жаргон значительно расширил не только набор выразительных средств, но и социальный состав тех, кто им активно пользовался: с ним были знакомы, его активно употребляли как «воры в законе», «домушники», «медвежатники», «скокари», «щипачи» и прочие представители уголовного мира, так и недавние инженеры, совпартслужашие, военные, крестьяне, врачи, поэты, журналисты, студенты, рабочие – словом, все те, кто составлял многомиллионное население сталинских лагерей.

Тюремно-лагерный жаргон нашел отражение и в литературе, особенно в начале 60-х и в 80-е гг., – в прозе А.И. Солженицына, В.Т. Шаламова, В.П. Гроссмана, А.Н. Рыбакова, А.В. Жигулина, О.В. Волкова, А. Мар-

ченко, в поэзии В. Высоцкого, А. Галича и других.

Рассмотренные факты свидетельствуют об интенсивном взаимодействии различных сфер языка, вследствие чего происходит проникновение в центр системы литературного языка ее периферийных элементов.

Интернационализация способствует возникновению или активизации способов порождения книжной лексики. Широкое проникновение в язык большого массива иноязычных слов интенсифицирует процесс интернационализации системы словообразования. Интернационализация в словообразовании выражается в явлениях трех видов :

1) активизации иноязычных по происхождению аффиксальных морфем, приобретающих способность сочетаться не только с иноязычными, но и с русскими словами;

2) приобретение рядом иноязычных элементов статуса аффиксов в словообразовании русского языка;

3) использование заимствований в качестве базовых основ в русском словообразовании. При этом словообразование выполняет интегрирующую функцию, т.е. включает иноязычные элементы в систему русского языка.

1. Для первого процесса наиболее характерен рост именной префиксации. Если свойственный русскому языку ранее контраст имя – глагол сохранил такую характеристику: типичный способ словообразования имен – суффиксация, глаголов – префиксация, то теперь это положение требует уточнения. Глагольная префиксация особенно широко использует русские по происхождению приставки, а имена вовлекают в свое словообразование заимствованные префиксы: *анти-*, *супер-*, *гипер-*, *де-*, *псевдо-*, *квази-*, *ре-*, *про-*, *контр-* и другие. Так, многие новые течения и направления искусства имеют не словами новых корней, но префиксальными производными. Ср.: *сентиментализм*, *романтизм*, *реализм*, *символизм*, *футуризм*, *импрессионизм-постимпрессионизм*, *модернизм-постмодернизм*, *соцреализм-постсоцреализм*.

В конце 1980-х и в 1990-е гг. становится продуктивной заимствованная приставка *пост-*, синонимичная

русской *после-*. Большой академический словарь не дает этой приставки как отдельного аффикса, помещая лишь заимствования *постскрипtum* и *постфактум*, а также слова *постпозиция* и *постэмбриональный*.

В 1990-е г.г. становится особенно актуальным обозначение явлений, происходящих после чего-то исторически значимого - каких-либо важных социальных, политических и/или экономических событий: *постперестройка* и *посттоталитаризм*. Создается серия прилагательных, не имеющих терминологического характера, как от русских, так и от иноязычных основ: *постсоветский*, *постсоциалистический*, *посткоммунистический*, *постсоветский*.

Все они называют по существу один и тот же временной период, но обозначают его словами с разными основами и внутренней формой.

Приставка *пост-* используется и в лексике гуманитарных наук: *постмодернизм*, *постмодернистский*, и в сферах, не имеющих отношения к экономике, политике, искусству: *постинтернатная адаптация*. Однако в последних сферах ее побеждает русская приставка *после-* (*послевузовский*, *послешкольный*).

Существительные с приставкой *де-* имеют процессы уничтожения того, что обозначает базовая основа (*милитаризация-демилитаризация*).

В словаре Ушакова зафиксировано около десяти хорошо членимых существительных, имеющих структуру: *де-(дез)-+ иноязычное существительное на -изация*. Например: *дезорганизация*, *дезориентация*, *деморализация*, *децентрализация*; специальные термины *демонетизация*, *деноминация*, *денатурализация*, *денационализация* и *демуниципализация*.

Наиболее ярким показателем вхождения приставки *де-* в систему русского словообразования является ее способность давать производные от русских основ. В 1990-е г.г. отмечены слова *деленинизация*, *десталинизация*, *дебольшевизация*, *дерублевизация*.

Приставка *псевдо-* в 1950-1960-е г.г. функционирует преимущественно в составе терминов. Большой академический словарь включает значительное число терминов- существи-

тельных и прилагательных с этой приставкой (*псевдоартроз*, *псевдоготика*, *псевдокристалл*, *псевдоэпиграфы*) а также ряд слов с псевдо- не имеющих терминологического характера, относящихся преимущественно к лексике, содержащей отрицательную оценку явлений искусства, науки или идеологии (*псевдоисторизм*, *псевдореволюционный*, *псевдонародный*). „Новое в русской лексике – 70,, дает четыре производных, которые имеют ярко выраженный оценочный характер (*псевдоинтеллигент*, *псевдокультура*, *псевдолитература*, *псевдокрасивость*).

Слова с приставкой латинского происхождения *ре-* со значением повтора („вновь,, „еще раз,, „повторно,, в середине хх в. входили в ряд книжных слов с процессуальным значением; многие из них относились к терминологической лексике: *редупликация* и другие. Словарь Ушакова помещает подобные слова с пометами, указывающими сферу их применения. Незначительная часть слов с *ре-* имела членимость первой степени: *ремилитаризация*, *реорганизация*, *резкспорт*, *резмигрант*. В 1990-е годы обнаруживается повышение продуктивности этой приставки. Она используется преимущественно для создания лексики из финансовой и торговой областей. Слова подобного рода употребляются в языке газет: *Президент готовится дать бой резкспорту; Россия и Парижский клуб договорились о реструктуризации долга*.

2. Появление новых строительных элементов в словообразовании - относительно редкое явление. В последние десятилетия оно обнаруживается у ряда сегментов иноязычного происхождения. Так, в 1960-1970-е г.г. в число строительных элементов словообразования входят вычленившиеся из состава заимствованных слов элементы *-дром*, *-тека*, *-визор*, *-мобиль*, *-бус*, *-трон*. Первоначально они выступают только в составе терминологической лексики, а расширение возможностей их сочетаемости, соединение не только с заимствованными, но и с русскими основами повышает степень их членимости. В 1970-1980-е г.г. происходит их превращение в словообразовательные аффиксы русского языка, действующие

не только в сфере терминологии.

В 1980-е г.г. сегмент *-гейт* превращается в строительный элемент русского словообразования. Этот сегмент вычленился из названия нью-йоркского отеля *Watergeйт* (*Watergate*) связанного с нашумевшим политическим скандалом по поводу подслушивания телефонных разговоров, и постепенно превратился в аффикс, имеющий специфическое значение „скандал,,. По-видимому, первым словом включающим *-гейт* в качестве конструктивного элемента, было существительное *Ирангейт*, которым именовали политический скандал в США и за их пределами: „Ирангейт” - афганский след,, „Ирангейт не случайность,,. Создается и прилагательное *ирангейтский*: „Ирангейтская история,,. Первое время слово «ирангейт» писали в кавычках и с прописной буквы; постепенно кавычки ушли, прописная буква заменилась строчкой.

Сегмент *-гейт* в качестве конструктивного элемента 1980-е г.г. проникает и в русский язык: *Рейгангейт*, *Цюрихгейт*, *Юаргейт*. 1990-е г.г. *-гейт* продолжает обнаруживать активность: *Сеулгейт набирает обороты. В Южной Корее раскрыта крупнейшая за последние 40 лет шпионская сеть*. Таким образом, элемент *-гейт* формирует слова, обозначающие скандалы, причем основа слова может обозначать место действия, причину или объект скандала, лицо, связанное со скандалом: *Кремльгейт*, *Моникагейт*.

3. Процесс включения в словообразовательную систему русского языка в качестве базовых основ иноязычных заимствований протекает по-разному у слов различных частей речи. Наиболее актуальные в какое-то время иноязычные существительные порождают семьи производных. Например: *ваучер-ваучеризация*, *ваучерный*, *антиваучерный*, *поставучерный*; заимствование *PR* (пиар) порождает существительное *пиарщик*, прилагательное - *пиаровский*.

Использование иноязычного слова в качестве базовой основы служит дополнительным показателем его вхождения в систему русского языка. Чаше всего возникают прилагательные и глаголы от основ существительных;

имена лиц и другие производные от основ существительных; префиксальные и реже суффиксальные производные от основ глаголов.

От основ новых иноязычных заимствований разной семантики и структуры образуются имена прилагательные с помощью суффиксов *-н-*, *-ов-*, *-ск-* с разными интерфиксами: *офисный*, *офиорный*, *фьючерсный*, *таймшерный*; *китчевый*, *факсовый*, *имейловый*, *тинейджерский* и другие. В особую группу выделяются новообразования от основ на *-нг* с помощью суффикса *-ов-*.

Если в 1950-1960-е гг. словари дают всего 14 подобных слов, то в 1990-х гг. фиксируется еще немало количество новых слов: *маркетинговый*, *консалтинговый*, *рейтинговый*, *допинговый* и т.п. Это преимущественно экономические и социологические термины.

Глаголы от заимствованных основ производятся и в книжном языке, и в разговорном. В книжном при этом чаще всего создаются глаголы на *-овать* (типа *демпинговать*), *-ировать* и *-изировать* (типа *лоббировать*, *зомбировать*, *компьютеризировать*).

В разговорном языке активен глагольный суффикс *-и(ть)*. Так, развитие техники повышает употребительность существительных *ксерокс* и *факс*, от которых в 1990-е гг. легко образовывались бесприставочные и префиксальные глаголы, обозначающие „произвести действие, для которого предназначен аппарат, названный базовой основой (*ксерить*, *отксерить статью*, *отфаксить*). Отмечена и модификация с суффиксом *-ану-*, обозначающая однократное, резкое, быстро производимое действие (*факсануть*).

Сочетаемость глаголов, имеющих заимствованные основы, с русскими приставками свидетельствуют об их включении в систему русского словообразования. Наиболее активно ведут себя приставки *с-*, *про-*, *от-*, выражающие значение результативности, завершения действия: *сориентировать*, *скорректировать*, *спрогнозировать*, *скоординировать*, *прокомментировать*, *простимулировать*, *принструктировать*, *профинансировать*, *приндексировать*, *отрецензировать*, *отреставрировать*, *отрекламиро-*

вать, *отсканировать*.

Подчеркнем, что все рассмотренные выше глаголы – принадлежность книжного языка. В тех случаях, когда они сочетаются с приставками, обозначающими количественно-временные модификации действия, соответствующие производные приобретают дополнительную экспрессивную окраску, лишаящую их строгой книжности:

Apple Computer CIS намерена немного поддемпинговать.

Усиление черт аналитизма и агглютинативности. Общеизвестно, что русский язык относится к числу синтетических. Однако в его структуре на протяжении исторического развития, особенно к началу XXI в., усиливаются черты аналитизма и агглютинативности. Не следует думать, конечно, что русский язык перестает при это быть синтетическим.

Усилению черт аналитизма, обнаруживаемого на определенных участках системы языка, способствует увеличение количества неизменяемых слов-лексических единиц, которые выражают грамматические отношения не формой слова, а средствами, находящимся вне слова (предлогами); оно обусловлено потребностями в новых составных номинациях, что ведет к изменению количественных соотношений между различными способами словообразования. Развитие техники и науки, изменения в общественной жизни диктуют необходимость в новых составных наименованиях, вследствие чего возрастает активность таких способов словообразования, как аббревиация, словосложение, сложносокращенный способ, сращение.

Явления аналитизма и агглютинативности часто наблюдается в одних и тех же языковых единицах. Рост агглютинативности обнаруживается прежде всего в том, что увеличивается количество многоморфемных структур, которые складываются без каких-либо явлений приспособления на морфемном шве. Морфемный шов чист и прозрачен. Кроме того, ослабление синтетичности можно видеть в устранении некоторых видов чередований на границе морфем. Рассмотрим некоторые из таких процессов.

1. Активизация производства буквенных и звуковых аббревиатур, основной массив которых относится к несклоняемым словам. Аббревиация – способ словообразования, развитие которого связано с революцией 1917 г. На протяжении второй половины XX в. этот способ функционирует в разных сферах языка, особенно активно в терминологии, деловой речи, публицистике.

Для 1960-х гг. была характерна тенденция „подделывания“, звуковых аббревиатур под обычные слова – звучные, многосонорные, имеющие необходимое число гласных. В начале 1970-х гг. в среде математиков – специалистов по машинному переводу возникло стремление создавать аббревиатуры ононимичные обычным словам: *АИСТ- анализ и синтез текста*, *ЭТАП – лектро - технический автоматический перевод*, *АРАП- англо-русский автоматический перевод*.

Аббревиатуры, ононимичные обычным словам, в 1980-1990-е гг. относятся к разным областям жизни, например к сфере радио и телевидения: *Программа ИКС* (информационная кинослужба), *НИКА* (ночной информационный канал), *РЕПА* (рекламно-производственная академия), *ОКНО* (очень краткие новости), *БИС* (музыкальная радиопрограмма: „*беседуем, играем, слушаем,*“).

Расцвет аббревиации наблюдается с середины 1980-х гг., когда возникают аббревиатуры всех видов, а особенно широко – буквенные и звуковые, лишь небольшая часть их „подделывается“, под обычные слова, например названия партий: *Яблоко – Явлинский*, *Болдырев*, *Лукин*.

Появление партий и организаций различных функций и масштабов, правительственных структур, группировок и т.п. требует огромного количества многословных наименований, которые почти сразу же подвергаются сокращению, преобразуясь в аббревиатуры буквенного или слогового типа: *Совет Безопасности – СБ* и *Совбез, средства массовой информации – СМИ*, *Общественное Российское телевидение – ОРТ*, *Российская Федерация – РФ*, *Российский государственный гуманитарный университет – РГГУ*.

Буквенные аббревиатуры никогда не склоняются, звуковые, похожие хоть отчасти на слова, могут склоняться, но преимущественно в разговорном языке.

Однако более типичен иной способ подачи малоизвестных аббревиатур: в начале текста дается словосочетание или сложносокращенное слово и лишь затем буквенное или звуковое сокращение: *Председатель Внешэкономбанка Андрей Костин*.

Далее в тексте статьи используется аббревиатура ВЭБ, причем в одном случае журналист склоняет ее: «Концепция реформирования ВЭБа может быть утверждена в ближайшие недели».

2. Появление класса слов, характеризующегося агглютинативностью, -сложно-сокращенных из двух, трех, четырех (редко более) частей, каждая из которых оканчивается на согласный и «прилепляется» к соседу без каких-либо явлений приспособления на морфемном шве. Такие слова (их можно было бы назвать «слова кубики») возникла в 1920-е гг. и позже (типа *колхоз, совнарком*). В 1980-1990-е гг. этот способ словопроизводства резко активизируется – он очень удобен для создания многокомпонентных новых номинаций: *Роскомдрагмет* (Российский комитет драгоценных металлов), *Монтажспецбанк, Межрегионбанк, Внешэкономбанк, Госналогслужба*. Особенно многочисленны двучленные слова типа *Минатом, Минуголь, Роснефть, Росгаз, Газпром*. Подобные слова склоняются как обычные существительные, причем нередко каждая часть имеет свое ударение.

3. Активизация в 1980-1990-у гг. многих сокращений, представляющих собой начальные части слов и функционирующих как аналитические прилагательные (аналиты). Особенно частотны *гос-* (государственный), *дем-* (демократический), *нац-* (национальный), *на-* (народный), а так же *рос-* (российский), *мос-* (московский) и др. Например: *Госдума, госзаказ, гособлигации, гостайна; демблок, демфракция, демруководство, демвыбор* (название партии); *нардеп* (народный депутат); *нацбез* (национальная безопасность). Вторые части подобных сочетаний склоняются, пишутся они

как одно слово, однако аналитические прилагательные несут побочные ударения, могут отделяться от последующего слова легкой паузой, гласный звук не подвергается редукции (*госзаказ, госдума*), т.е. первые части выступают как неизменяемые единицы, что и позволяет называть их аналитическими прилагательными.

Сочетания с подобными элементами часто содержат отрицательную оценку, выраженную в контексте: *Нет таких госдач, которые бы не могли сдать большевики; С нардепов-то спросу никакого; Былые товарищи передрались из-за президентской гумпомощи*.

Отметим, что сочетания, включающие аналиты, неодинаковы с точки зрения оценочности. Сочетание *госдача* может выступать как нейтральное. Еще не стало обычным, узуальным сочетание *гумпомощь*; *нардеп*, как правило, звучит насмешливо, иронически.

4. Появление в конце 1990-х гг. начале 2000-х гг. нового разряда сочетаний с аналитами, чаще всего иноязычного происхождения. Они могут оканчиваться как на согласный (*шоп, тур*), так и на гласный (*шоу*), располагаться в пре- и (реже) в постпозиции (*пластинка-миньон, педагогика-пресс, жигули - комби*). Подобные элементы могут соотноситься с заимствованиями, вошедшими в русский язык (*тур - туристический*), и не иметь таких соответствий (*шоп, топ* и др.). Сочетания с рассматриваемыми элементами (иногда их называют словами) пишутся и через дефис, и слитно: *шоугруппа, шоу-программа, шоу-бизнесмен, шоу-парад; секс-группа, секс - туризм, брейк-танец, брейк-дискотека; топ-звезда, топ-фильм, топ-десятка*.

Некоторые единицы выступают и в пре-, и в постпозиции: *экспресс-опрос, экспресс-информация, экспресс-костюм, кофеварка-экспресс*.

Очевидно, что эти единицы носят аналитический характер. Какие из них уцелеют в русском языке, покажет время. Пока лишь можно сказать, что препозитивные единицы многочисленнее и употребительнее, чем постпозитивные. Некоторые из них высокоактивны и легко форми-

руют словосочетания (*шоу, топ, хит, бизнес* и др.), иные же малочастотны (*ню-художник*, изображающий голое тело). Несомненно, что к основным причинам высокой активности таких единиц относятся их семантика и мода на иноязычность. Идущий от социальной действительности заказ вызывает создание необходимых, важных для эпохи или лишь для данного момента составных номинаций. Легкость порождения – еще одна причина активности рассматриваемых сочетаний.

5. Развитие агглютинативности в структуре имен существительных и прилагательных с заимствованными префиксами: *псевдо-, квази-, пост-, контр-, супер-* и др. и русскими *лже-, после-, небо-, сверх-*.

Указанные приставки не столь тесно спаяны с базовым словом, как исконно русские глагольные префиксы *в-, вз-, о-, за-* и др. Они несут побочные ударения, не подвергаются редукции, могут отделяться паузой. Для 1980-2000-х гг. характерен рост именной префиксации.

6. Свободное – вне сочетания с определяемым словом – использование аналитов. Например, препозитивный элемент *вице* (от лат. *vice* – взамен, вместо) все чаще функционирует без второй части в значении «заместитель, помощник» (*вице-премьер, вице-президент*) и часто пишется в кавычках: «*Как судья, так и вице предпочитают каяться и грешить; говорят, президент оказывал новому «вице» определенные знаки внимания*».

7. Ослабление чередований на морфемных швах, так же способствующее росту агглютинативности. Не затрагивает этот процесс лишь один тип чередований: чередование согласных, парных по твердости/мягкости. Происходит ослабление многих традиционных чередований, например заднеязычных с шипящими (г/ж, к/г, х/ш): *Устюг-устюжский, Рига-рижский*, и новые: *Владивосток – владивостокский, Чикаго – чикагский, Нью-Йорк – нью-йоркский*.

Во многих случаях обнаруживается вариативность: таганрогский и таганрожский, кондопогский и кондопожский и т.п. (ср. новое: пылесосить – пылесосу и пылесосу и традиционное: косить – кошу). Как правило, по-

беждает вариант с чередованием твердая / мягкая, так как при этом сохраняется большая близость производной основы к базовой, чему способствует наличие в письменной форме одной и той же буквы.

8. Рост агглютинативности поддерживает интерфиксация – использование асемантических сегментов, способствующих соединению морфем в составе слова, устраняющих чередования, зияния, усечение финалей базовой основы.

Интерфиксация – своеобразный вид обнаружения агглютинативности. Приведем несколько новообразований (интерфикс заключен в скобки): СНГ – *эсэнгэ(в)ский* и *эсэнгэ(ш)ный*, *совбез(ов)ец* – *яблок(ов)ский*, *взлэк(ов)цы*, «Яблоко» (название партии) – *яблок(ов)ский* (ср.: обычное *яблочный* от названия фрукта *яблоко*).

Модели с интерфиксами вытесняют некоторые безинтерфиксные модели с чередованиями на границе морфем: *плотник-плотник(ов)ский* и *плотник* – *плотницкий*; *десятник-десятник(ов)ский* и *десятницкий*.

Производные с интерфиксом -ш- в 1960-1970-е гг. встречались преимущественно в разговорном языке. В 1990-е гг. они проникают в язык газет: *Рудинштейн на сей раз пригласил для вручения призов президентов почти всех эсэнгешных фестивалей*; «Когдатошние» посетители фабрики.

Производные от буквенных аббревиатур в газетах не редко пишутся так: аббревиатура прописными буквами, интерфикс + суффикс + флексия – строчными, что подчеркивает границу между основой и последующей частью, «приклеенность» интерфикса: *МВДшники*, *ГАИшник*, *ЛДПРовцы*.

9. Отметим еще одно явление: активизацию существительных – названий лиц – с нулевыми суффиксами, образуемых от прилагательных на -льный (типа *провинциаль*, *универсал*). Такие существительные активно создавались в 1960-1970-е гг. В 1980-1990-у гг. их количество возрастает: *федерал* (служащий федеральных войск), *нелегал*, *регионал* и др. Например: *представители федералов в коммандатских силах*.

Итак, в русском языке по-прежнему самыми продуктивными и мно-

гочисленными способами словообразования остаются суффиксация и префиксация, но распространение аббревиации и других способов производства составных номинации – важная примета языка конца XX – начала XXI в.

Рост личностного начала и экспрессивности. В последние годы усиливается тенденция, которую называют «рост личностного начала». Она свойственна русскому языку в целом, но в словообразовании проявляется особенно отчетливо. Сюда относят два рода фактов: активизацию окказионального, индивидуального словообразования, что ведет к отказу от безличности, стандартности, к разнообразию средств выражения, и широкое использование в качестве базовых основ личностных имен, т.е. «персонализация» словообразования.

Русское словообразование издавна допускало производство индивидуальных (неузуальных) слов, особенно широко в языке художественной литературы. Однако до середины XX в. индивидуальное словообразование было преимущественно привилегией поэтической и детской речи. В газетах окказиональные слова встречались в основном в фельетонах, их активно создавали писатели-юмористы.

В 1960-1970-е гг. окказиональное словообразование присутствует во многих жанрах городского фольклора (анекдоты, частушки и т.п.) и в обычном разговорном языке.

Среди каламбурных номинаций последнего десятилетия особенно частотны слова *прихватизация* (каламбурное скрещение приватизации с глаголом *прихватить*) и *прихватизатор*, различные преобразования, слова *демократы* – *дерьмократы*.

Конец XX в. начало XX в. иногда называют веком окказионализмов. Человек играет словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, остроумии, оригинальности.

Приведем несколько иллюстраций. Выразителен глагол «*рехнуться*» – наложение фамилии художника Рех на глагол *рехнуться*. В ряд с терминами «*соцреализм*» и «*сюрреализм*» включен окказионализм - сер-реализм (от серый).

В качестве особого приема, удобного для печатного слова и поэтому используемого в прессе, выступает шрифтовое выделение части слова, создающее его псевдочленимость и каламбурное сопоставление со словом, семантически важным для данного текста. Например, интервью о любимых запахах озаглавлено – *НОСтальгия*.

Каламбурные расшифровки общеизвестных аббревиатур – одна из любимых современным человеком языковых игр, которая живет в разных сферах языка – в обычной разговорной речи, в художественных произведениях, в языке газет. Этот вид языковой игры отмечают исследователи, фиксируют словари:

ВУЗ – *выйти удачно замуж*;

ЭКСТРА – *Эх, Как Трудно Стало Русскому Алкоголику*, а при чтении с конца: *А Разве Так Строят Коммунистическую Экономику?* (появилось в связи с подорожанием водки в 1970-х гг.). Многие материалы отражают иронические, злые, насмешливые оценки разных этапов нашей недавней истории:

КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза – *Коммунисты пришли! Сухари суши!*

СНГ – Содружество Независимых Государств – *«сбылись надежды Гитлера»*

КУБА – *Коммунизм У Берегов Америки*;

ВОДКА – *Вот Он Добрый Какой*, Андропов (*о подешевевшей водке*); или *Всесоюзное Одобрение 24 Деятельности Коммуниста Андропова*

ГОРБАЧЕВ – *Граждане, Обождите Радоваться, Брежнева, Андропова, Черненко Ещѐ Вспомните*.

ЧЕЛСИ – *Чукотский Еврей Лихо Скупающий Игроков*.

МИФ – *Московский инвестиционный фонд*.

ЛИАП – Ленинградский институт авиационного приборостроения – *«летели инженера – алкоголик получил»*.

ГИБДД – Государственная инспекция безопасности дорожного движения – *«Гони Инспектору бабки и давай дальше»*.

СНГ – Содружество Независимых Государств – *«сбылись надежды*

Гитлера».

МВД – Министерство Внутренних Дел – «Министерство высоких доходов».

Используется и такой способ осмеяния какого-либо явления, именуемого аббревиатурой, как порождение псевдо аббревиатуры, превосходящей длиной подлинную и несущей в себе создаваемую каламбурным столкновением издательскую семантику: Давайте сравним нефтяника, который ... заработал 50 тысяч за всю жизнь, и дельца из БАМ-ТАМ-СЯМСтроя, имеющего эти же 50 тысяч за год. Псевдо-аббревиатура БАМ-ТАМ-СЯМСтрой включает реальную аббревиатуру БАМ, каламбурно сталкиваемую с глагольным междометием бам и разговорным сочетанием «там-сям»: конечное - строй удачно завершает подделку под аббревиатуру.

References:

1. Murashov A.A. Kul'tura rechi [Culture of speech]. – Moskva-Voronezh, 2003
2. Palevskaja M.F. O nekotorykh faktorah razvitiya semanticheskoy struktury glagola [About some factors of development of semantic structure

of a verb]. V kn. «Osnovnye problemy jevoljucii jazyka» [In the book “The main problems of the language evolution”]. - Samarkand, 1996.

3. Tolkovij slovar' russkogo jazyka [Russian Explanatory dictionary] – Issue 4, S.I. Ozhegov, N.Ju. Shvedova. – Moskva., 2003

4. Chohonelidze N.S. «Aktivnye processy v sovremennom russkom jazyke» (Kurs lekcij dlja studentov gumanitarnogo fakul'teta) [“Active processes in modern Russian” (Course of lectures for students of the humanitarian faculty)]. – Tbilisi., 2007

5. Shmel'jov D.N. Problemy semanticheskogo analiza leksiki (na materiale russkogo glagola) [Problems of the semantic analysis of lexicon (on materials of the Russian verb)]. - Moskva., 1969.

6. Ferm L. Osobennosti razvitiya russkoj leksiki v novejšij (na materiale gazet) [Peculiarities of development of the Russian lexicon in the latest (on materials of newspapers)]. - Moskva., 1994. <http://dx.doi.org/10.2307/308271>

Литература:

1. Мурашов А.А. Культура речи. – Москва-Воронеж, 2003

2. Палевская М.Ф. О некоторых факторах развития семантической структуры глагола. В кн. «Основные проблемы эволюции языка». - Самарканд, 1996.

3. Толковый словарь русского языка -4 издание, С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Москва., 2003

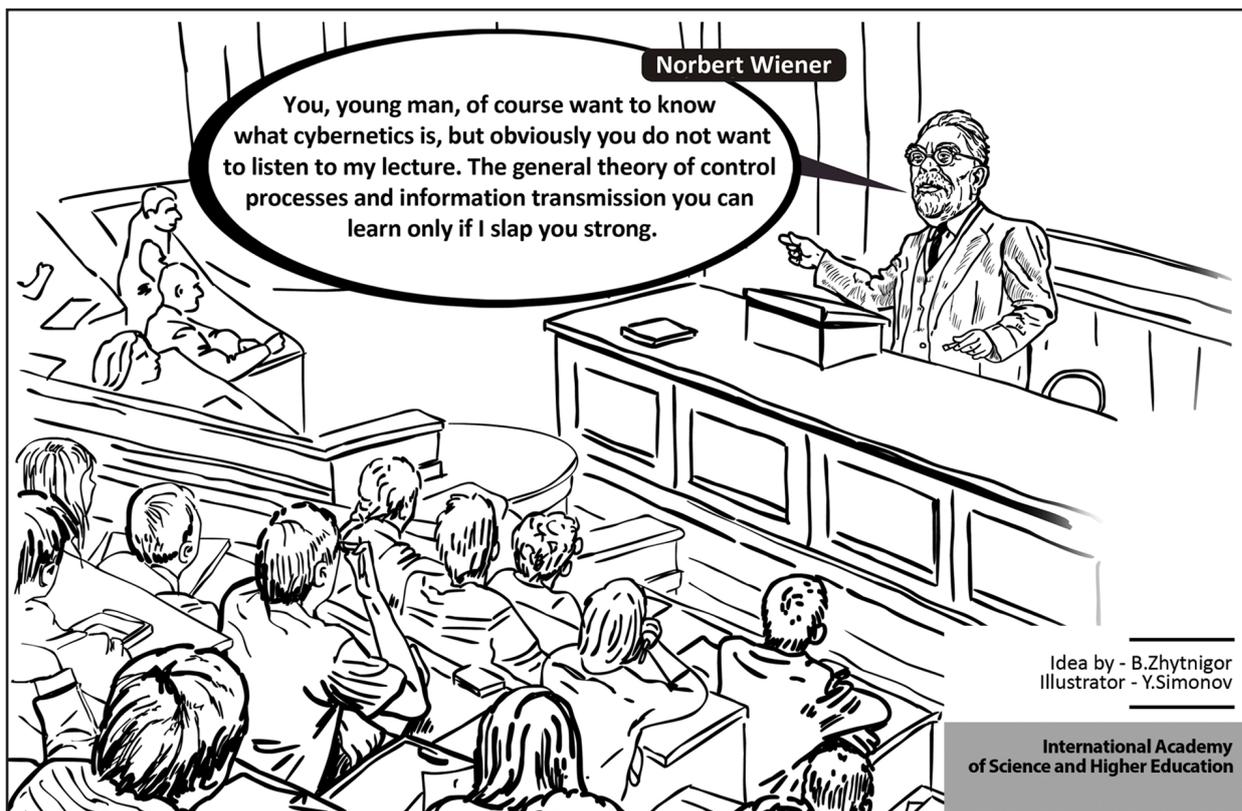
4. Чохонелидзе Н.С. «Активные процессы в современном русском языке» (Курс лекций для студентов гуманитарного факультета). – Тбилиси., 2007

5. Шмелёв Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского глагола). - Москва., 1969.

6. Ферм Л. Особенности развития русской лексики в новейший (на материале газет). - Москва., 1994. <http://dx.doi.org/10.2307/308271>

Information about author:

Mariana Balasarian - Candidate of Philology, Associate Professor, Head of the “Russian Philology” direction of the Faculty of Education, Humanitarian and Social sciences, Samtskhe-Javakheti State University; address: Georgia, Akhaltsikhe city; e-mail: amadan1@rambler.ru

NOMINALIZATION AS THE
CATEGORY OF THE LITERARY AND
WRITTEN LANGUAGE
(TO THE QUESTION OF NATIONAL AND
CULTURAL SPECIFICITY
OF CONCEPTUALIZATION OF REALITY
IN RUSSIAN)

V. Lee, Doctor of Philology, Full Professor
Al-Farabi Kazakh National University,
Kazakhstan

In the report the author considers issues of the semantic and syntactic organization of the literary and written language. Nominalization is usually considered as a kind of common-language process of elimination of the subject-agent by means of transformation of a predicative design into the nominal one; it serves as a mechanism of updating of a fact-forming component in the discursive activity of the speaker. The author substantiates the statement that it isn't linguistically reasonable to see the manifestation of any special Russian mentality in elimination of the subject-agent.

Keywords: literary and written language, nominalization, discourse, agent, pro-position, impersonality, event.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

НОМИНАЛИЗАЦИЯ КАК КАТЕГОРИЯ
КНИЖНО-ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ
(К ВОПРОСУ О НАЦИОНАЛЬНО-
КУЛЬТУРНОЙ СПЕЦИФИКЕ
КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ
ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ)

Ли В.С., д-р филол. наук, проф.
Казакский национальный университет им. аль-Фараби,
Казakhstan

В статье рассматриваются вопросы семантико-синтаксической организации книжно-письменной речи. Номинализация, рассматриваемая обычно как разновидность общеязыкового процесса устранения субъекта-агенса с помощью преобразования предикативной конструкции в именную, служит средством актуализации фактообразующего компонента в дискурсивной деятельности говорящего. Обосновывается положение о том, что видеть в устранении субъекта-агенса проявление особой русской ментальности нет собственно лингвистических оснований.

Ключевые слова: книжно-письменная речь, номинализация, дискурс, агенс, пропозиция, безличность, событие.

Участник конференции,
Национального первенства по научной аналитике,
Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике

Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1282>

В лингвистических исследованиях, посвященных проблеме языковой концептуализации действительности, особое внимание уделяется идиоэтническому характеру организации языковой картины мира и проявлению в ней особенностей духовной культуры того или иного народа. В частности, по отношению к русскому языку отмечается такая характерная для его синтаксического строя черта, как устранение субъекта в безличных предложениях разных типов, вытеснение личных предложений безличными, активизация процесса редуцирования или элиминирования субъекта-агенса с помощью номинализации личной (активной) синтаксической конструкции. Кроме того, из этого явления как сугубо русского языкового феномена делались выводы о конституирующих признаках определенного дискурса. Так, Ю.С. Степанов вслед за П. Серно [12] считает наиболее яркой особенностью так называемого советского политического дискурса стремление к устранению субъекта с помощью номинализации, вследствие чего использование различных типов безличных предложений приобретает гипертрофированные формы: «Семантическим итогом таких бесчисленных

номинализаций, т.е. замены личных форм глаголов их производными на *-ание, -ение, -ация* и т.п. является и с ч е з н о в е н и е с у б ъ е к т а, а г е н с а т о г о, о ч е м г о в о р и т с я. Все процессы приобретают безличный облик, хотя и не схожий с тем, который имеет «классическая» безличность в русском языке (например, *Меня так и осенило; Его будто бы ударило* и т.п.). А после того как субъект устранен, возможны дальнейшие, уже чисто идеологические манипуляции с именованными сущностями» [9: 40] (см. также работу [10]).

Анна Вежбицкая, не связывая устранение субъекта с определенным типом дискурса, считает его идиоэтнической чертой русского языка и русской ментальности в целом: «Из европейских языков русский, по-видимому, дальше других продвинулся по феноменологическому пути. Синтаксически это проявляется в колоссальной (и все возрастающей) роли, которую играют в этом языке так называемые безличные предложения разных типов. Это бессубъектные (или, по крайней мере, не содержащие субъекта в именительном падеже) предложения, главный глагол которых принимает «безличную»

форму среднего рода. Как указывал Яринцов, «безличная форма глаголов сквозной линией проходит через весь язык и составляет одну из наиболее характерных особенностей русского способа мышления» [3: 73]/ И далее: «...Это дает все основания думать, что неуклонный рост и распространение в русском языке безличных конструкций отвечали особой ориентации русского семантического универсума и, в конечном счете, русской культуры» [2: 75] (см. также работу [3])

Однако эти два приведенных подхода к определению роли безличности и номинализации как его разновидности, а также и к самому процессу устранения субъекта (точнее, агенса) в дискурсивной деятельности и в речевом мышлении носителей русского языка без уточнения исходных понятий и фундаментальных концептуальных положений, прежде всего лингвистических основ теории дискурса и анализа дискурса (см., в частности, работы [5], [6], [8], [11]), не могут быть признаны абсолютно бесспорными и претендовать на единственно возможное толкование рассматриваемого явления русского дискурса. В первую очередь необходимо установить статус номинализаций как особых еди-

ниц, природу и место их в общей системе русского языка.

Номинализация в лингвистической литературе обычно рассматривается и как процесс внутриязыкового преобразования предложения-высказывания в имя или в именную группу, и как результат этого процесса. В последнем случае имя-номинализация выступает в качестве одного из средств репрезентации пропозиции или пропозитивного значения как особого типа языковой семантики, а именно, событийной семантики. Номинализация как слово входит, следовательно, в разряд пропозитивной лексики вместе с глагольным (предикатным) словом. Природа пропозитивного слова (и номинализаций в том числе) связана с его событийной семантикой, и она принципиально отлична от природы слов предметных и признаковых, поскольку все эти виды слов передают разные типы концептов (понятий) и связанные с ними разные типы лексических значений.

Номинализации, как и любое пропозитивное имя, в структурно-смысловой организации предложения и дискурса выполняют и нетипичные для канонических существительных функции, на что обращалось внимание многими лингвистами (см., в частности. [2: 246]. Существительные-номинализации, у которых категориальный статус определяется не семантически, а синтаксически (по выражению А. Вежбицкой, «синтаксическая существительность»), употребляются в книжно-письменном дискурсе русского языка как имена пропозиций, а не как имена предметов в лингвистическом смысле. Об этом свидетельствует типичная для номинализаций сочетаемость со словами, обозначаемыми фазовость и стадильность процесса, а также динамические изменения в происходящих событиях, например: *Кошачье пение между тем шло crescendo. К певцам присоединились, по-видимому, новые певцы, новые силы, и новый шорох внизу под окном постепенно обращался в шум, гвалт, возню...* (А. Чехов). См. также: *переговоры начались, по окончании разговора, во время полета, стрельба на время затихла и т.п.* (ср.: **Стол начался, *По оконча-*

*нии ручки, *Во время лампы и т.п.*). Подобная валентность номинализаций и всех пропозитивных слов обусловлена системонаследованными от предиката (в частности, от глагола) свойствами.

О том, что номинализации являются предикатными именами, свидетельствует также использование их в составе так называемых аналитических (описательных) предикатов: *оказать помощь, произвести обыск, сделать замечание, вынести приговор, проводить расследование* и др. В большинстве случаев они имеют синонимичный глагол: *принимать участие - участвовать, проводить анализ - анализировать, вынести приговор - приговорить* и др. Не случайно, в традиционной (нормативной) грамматике сказуемые, выраженные аналитическим предикатом, относят к разновидности простого глагольного сказуемого. Номинализации в составе аналитического предиката, давая имя пропозиции, создают возможность для использования их в качестве фактообразующего компонента книжного дискурса, в результате чего пропозитивное имя начинает выполнять синтаксическую функцию, свойственную существительному вообще, в частности, функцию подлежащего, дополнения: *Они оказали помощь - Всего лучше, однако ж, если бы всякая помощь производилась чрез руки опытных и умных священников* (Н.В. Гоголь). *После этого они часто и продолжительно обсуждали в телефонных разговорах будущее мероприятие и занимались его подготовкой в своих странах* (из газет). Однако во всех синтаксических позициях номинализации сами по себе не устраняют субъекта действия из дискурса, более того, они расширяют сферу синтаксических и лексических средств репрезентации субъекта-агенса с помощью генетивной конструкции, дательного субъекта и других падежных форм, а также собственно лексических средств, как можно заметить в следующем примере: *Скажем, есть сведения, что приволжский полпред активно продвигает своих людей в федеральные структуры, готовя почву для собственного ухода с регионального уровня, который ему явно тесен* (из га-

зет). Номинализация, таким образом, - это не процесс устранения субъекта («исчезновения субъекта, агенса»), а способ и средство модификации событийного содержания и его актуализации в дискурсивной деятельности с целью реализации интенции говорящего и соблюдения требований жанрово-стилистической однородности текста. Тексты книжно-письменного дискурса отличаются тем, что событийный ряд в них выстраивается не по принципу простого суммирования предложений-пропозиций в порядке их естественного (объективизированного) течения и развертывания, т.е. не по принципу синтаксической иконичности, а по схеме включения одного события в состав другого (принцип телескопичности). Такой характер соединения пропозиций является наиболее яркой особенностью книжно-письменного дискурса русского языка (и не только русского, но и всех языков, близких к нему не столько в генетическом отношении, сколько в историко-культурном становлении и развитии). Нанизывание (телескопирование) номинализаций наблюдается в книжно-письменных текстах любых жанрово-тематических разновидностей, и оно характеризует не только сегодняшний политический дискурс, но и дискурс всего периода, который принято обозначать термином «современный русский литературный язык»: *Замечание, будто власть церкви оттого у нас слаба, что наше духовенство мало имеет светскости и ловкости обращения в обществе, есть такая нелепость, как и утверждение, будто духовенство у нас вовсе отстранено от всякого прикосновения с жизнью уставами нашей церкви и связано в своих действиях правительством. Духовенству нашему указаны законные и точные границы в его соприкосновениях со светом и людьми* (Н.В. Гоголь. Несколько слов о нашей церкви и духовенстве). *У нас в России в эпоху преобразования, т.е. при переходе народа из своей древней истории в новую, экономическое движение оставалось на первом месте. По указанным выше неблагоприятным условиям у нас экономическое развитие было задержано; но движение государственной и народной жизни не ос-*

танавливалось, ибо все яснее и яснее становилось сознание необходимости вывести страну на новый путь, все яснее и яснее становилось сознание средств этого вывода (С.М. Соловьев. Публичные чтения о Петре Великом). Решение об отмене большого международного турне президент принял в первые часы после известия о захвате заложников... По соображениям безопасности информацию о том, что на саммит в Мексику вместо главы государства вылетает премьер-министр, выдали в последний момент. В Лос-Кабосе понижению статуса российского представительства отнеслись с пониманием (из газет).

Эти и им подобные примеры использования номинализаций говорят о том, что широкое употребление их в книжно-письменной речи не является отличительной чертой политического дискурса и тем более особой русской ментальности. Более того, видимо, возможно говорить о номинализации как общезыковом явлении, которое присуще дискурсивной деятельности в целом. По наблюдениям историков русского языка, процесс устранения субъекта с помощью номинализации был свойствен и для древнерусского языка, и в период становления русского национального языка. Так, Ф.И. Буслаев, говоря о “сокращении предложения в форме существительного имени” (т.е. по сути дела о номинализации), считал, что образование отглагольного существительного, с помощью которого сокращается предложение, является одной из важнейших особенностей русского языка “как древнего, народного, так и позднейшего, письменного” [1: 317]. Этот процесс “сокращения предложения в существительное” происходил и в последующие периоды истории русского языка, и он широко использовался в литературном книжно-письменном языке: «Существительные, происшедшие от сказуемого, весьма часто используются писателями для сокращения придаточного предложения; например, у Пушкина “под предлогом разлития рек” (= что разлились реки); “чувствуя бесполезность заступления” (= что заступление бесполезно). Это сочетание слов, весьма

удобное для выражения отвлеченных понятий в современном языке, не чуждо и древнему...: потому что состоит в теснейшей связи с переходом сказуемого в народные формы...» [1: 318]. По Ф.И. Буслаеву, таким образом, номинализация как процесс устранения подлежащего (“сокращение предложения в форме существительного”) предполагает историческую первичность глагольных предложений, из которых произошли номинализации-существительные.

Номинализацию можно трактовать как изменение взгляда на субъект-агенса действия в процессе исторического развития мышления и языка как проявления духа народа. В данном случае происходит изменение статуса агенса и его актуализация в разных коммуникативно-прагматических условиях. В именах действия, т.е. в номинализациях, выступающих в функции подлежащего, актуализируется именно “мифический” (по выражению А.А. Потебни [7:347]) агенса, в конструкциях с глаголом или прилагательным агенсом выступает сам основной “действитель” того или иного события (пример А.А. Потебни: *я согрешил, я грешен, грех мой*). Однако ни в первом, ни во втором случае нельзя говорить о “бессубъектности” или “безличности”, и, следовательно, нет оснований номинализацию считать процессом устранения субъекта-агенса. В разных типах синтаксических конструкций лишь изменяется его ранг в зависимости от коммуникативных задач.

Номинализация присуща книжно-письменному дискурсу русского языка в целом. Эта особенность проявляется также в случаях нарушения норм дискурсивной адекватности, когда, к примеру, в устно-разговорной речи неоправданно употребляются книжно-письменные номинализации. Так, комендант общежития в беседе с радиожурналистом говорит: *В связи с отсутствием финансирования проведение работ по ремонту отопительной системы не было доведено до завершения*. Вместе с тем здесь необходимо видеть не только нарушение стилистических норм, но и стремление говорящего соблюсти правила кажущегося ему грамотной

речи. Подобная гиперкнижность устной речи может быть объяснена также желанием говорящего придать своим высказываниям черты, присущие наиболее “престижному” типу дискурса, каковым иногда представляется именно книжно-письменный дискурс. Все это можно отнести к проявлению того явления, которое принято называть «порча языка», «падение речевой культуры». К этому явлению следует относить не только такие процессы, как вульгаризация, криминализация, жаргонизация русского языка наших дней, но и влияние книжно-письменной речи на разговорную речь. Этот процесс можно объяснить интенсификацией в современном мире оборота информации под влиянием новых средств коммуникации (Интернет-общение, использование компьютеров и разного рода гаджетов и т.п.), которые привели к обратному процессу влияния книжно-письменной речи на устную, разговорную.

Как массовое проявление «нелитературности» речи рассматривает Г.А. Золотова явления, которые иногда называют порчей языка: «Сниженных слов и неправильных форм в высказывании может не быть, но нарушенные структурно-смысловые связи между его частями делают речь «недолитературной». За несколько десятилетий сформировались поколения людей, получивших среднее и высшее образование и потому не игнорирующих явно грамматические правила, но говорящих обедненным языком, автоматически соединяя, иногда и невольно, клише и штампы среды обитания и притяжения; для одних – это разные молодежные группировки, для других – партийно-общественные круги, для третьих – профессионально-деловые, военные, спортивные. Не различая коммуникативно-обязательные и стилистически значимые элементы языка, такие люди охотнее пользуются чужими стереотипами образчиков как единственно возможными средствами выражения. Вот несколько образчиков такой речи публично говорящих и пишущих людей (телевидение, газеты): ...Применение этого мероприятия...; Мы обговариваем вопрос организации работ по разработке...» [4: 17-18]. Как можно заметить, эти речевые

«стереотипы» базируются на использовании номинализаций.

Номинализация как семанто-синтаксический процесс - явление, обусловленное не стремлением к устранению субъекта-агенса в высказывании, а законами организации дискурса определенного типа, в частности, книжно-письменного. В коммуникативно-прагматическом отношении номинализации дают возможность говорящему актуализировать само событие как факт. Возведение события в ранг факта как категории сознания и когниции создает впечатление об устранении субъекта, хотя на самом деле все участники события, ставшего фактом, в дискурсе не устраняются, например: *Решение суда в Калькутте, приговорившего к пожизненному заключению пятерых летчиков латвийской авиакомпании и одного британского гражданина, было довольно бурно встречено в Риге и Лондоне (из газет) = 'То (тот факт), что суд решил заключить пятерых летчиков, было бурно встречено в...'*. Подобная неполная номинализация (*то, что суд решил заключить летчиков*), служащая своего рода семантической записью по отношению к полной номинализации (*решение*), в принципе может быть применена к любому имени-номинализации. И это имя служит средством актуализации фактообразующего компонента в дискурсивной деятельности говорящего. Такая цель - фактообразование - ставится преимущественно в книжно-письменном дискурсе в отличие от других типов дискурса, в частности от разговорно-бытового, в котором преимущественно решаются задачи сугубо коммуникативного характера. Книжно-письменный дискурс, как известно, наиболее последовательно представлен в официально-деловых, газетных и научных текстах.

Таким образом, номинализация, представляемая в ряде лингвистических описаний как процесс «устранения лица (агенса)» и как разновидность безличной трансформации, в действительности подчиняется закономерностям, присущим вообще книжно-письменному дискурсу русского языка. В то же время номинализация не устраняет лицо (агенса), а акту-

ализирует событие (ситуацию), сами же участники события, в том числе и агенс, репрезентируются в дискурсе не на основе предикативной связи, а благодаря реализации валентностей существительного-номинализации. Следовательно, видеть в номинализациях и в целом в так называемых безличных предложениях русского языка свойственную, якобы, ему особую ментальность в виде склонности к пассивности и фатализму, иррациональности и неконтролируемости чувств нет глубоких собственно лингвистических оснований.

References:

1. Buslaev F.I. Istoricheskaja grammatika russkogo jazyka: Sintaksis [Historical grammar of Russian: Syntax]. Issue 5. - Moskva., Editorial URSS, 2009. - 344 p.
2. Vezhbickaja A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie [Language. Culture. Knowledge]. - Moskva., Pucskie slovari [Russian languages], 1996. - 416 p.
3. Vezhbickaja A. Ponimanie kul'tur cherez posredstvo kljuchevyh slov [Understanding cultures through keywords]. - Moskva., Jazyki slavjanskoj kul'tury [Languages of Slavic culture], 2001. - 288 p.
4. Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Ju. Kommunikativnaja grammatika russkogo jazyka [Communicative grammar of Russian]. - Moskva., Institut russkogo jazyka im. V.V. Vinogradova RAN [The V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences], 2004. - 544 p.
5. Makarov M.L. Osnovy teorii diskursa [Bases of the theory of discourse]. - Moskva, ITDGG "Gnozis", 2003. - 280 p.
6. Marianne V., Jorgensen, Luiza Dzh. Fillips. Diskurs-analiz. Teorija i metod [Discourse analysis. Theory and method]., Translated from English. - Har'kov., Izd-vo "Gumanitarnyj Centr" ["Humanitarian Center" Publishing house], 2008. - 352 p.
7. Potebnja A.A. Iz zapisok po russkoj grammatike [From notes on the Russian grammar]. Vol. 3., Ob izmenenii znachenija i zamenah sushhestvitel'nogo [About changes in meaning and replacements of a noun]. - Moskva., Prosveshhenie, 198. - 550 p.
8. Prohorov Ju.E. Dejstvitel'nos'. Tekst. Diskurs [Reality. Text. Discourse]. - Moskva., Flinta: Nauka [Science], 2009. - 224 p.
9. Stepanov Ju.S. Al'ternativnyj mir, Diskurs, Fakt i princip Prichinnosti.,

Jazyk i nauka konca 20 veka [Alternative world, Discourse, Fact and the Causality principle., Language and science of the end of the 20th century]. - Moskva., Nauka [Science], 1995. - Pp. 35-73.

10. Stepanov Ju.S. Francuzskaja stilistika v sravnenii s russkoj [French stylistics in comparison with the Russian one]. - Moskva., URSS, 2009.

11. Chernjavskaja V.E. Lingvistika teksta [Text linguistics]. Lingvistika diskursa [The discourse linguistics]. - Moskva., Nauka [Science], Flinta, 2012. - 208 p.

Литература:

1. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. Изд. 5-ое. - Москва., Едиториал УРСС, 2009. - 344 с.
2. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. - Москва., Русские словари, 1996. - 416 с.
3. Вежицкая А. Понимание культуры через посредство ключевых слов. - Москва., Языки славянской культуры, 2001. - 288 с.
4. Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. - Москва., Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004. - 544 с.
5. Макаров М.Л. Основы теории дискурса. - М.:ИТДГК «Гнозис», 2003. - 280 с.
6. Марианне В., Йоргенсен, Луиза Дж. Филлипс. Дискурс-анализ. Теория и метод., Пер. с англ. - Харьков., Изд-во «Гуманитарный Центр», 2008. - 352 с.
7. Потеня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. 3., Об изменении значения и заменах существительного. - Москва., Просвещение, 198. - 550 с
8. Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. - Москва., Фланта: Наука, 2009. - 224 с.
9. Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности., Язык и наука конца 20 века. - Москва., Наука, 1995., С. 35-73.
10. Степанов Ю.С. Французская стилистика в сравнении с русской. - Москва., URSS, 2009.
11. Чернявская В.Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса. - Москва., Наука, Фланта, 2012. - 208 с.

Information about author:

Valentin Lee - Doctor of Philology, Full Professor, Al-Farabi Kazakh National University; address: Kazakhstan, Almaty city; e-mail: li-vs@mail.ru

**PSYCHO-ENERGETIC MECHANISM OF SUBLIMINAL INFLUENCE
OF A FAIRY TALE ON A CHILD**

L. Taranenko, Ph.D., Associate Professor
National Technical University of Ukraine “Kyiv Polytechnic Institute”, Ukraine

In the paper the author suggests a synergistic model of a psycho-energetic mechanism representing a subliminal influence of a fairy tale on a child. The model advances two typical self-developing attractor structures of questions generated by a fairy tale in a child’s consciousness in the process of his/her socialization.

Keywords: subliminal influence, fairy tale, synergetics, communicative experience of a child, micro-society, pragmatic intentions.

Conference participant,
National championship in scientific analytics,
Open European and Asian research analytics championship

 Digital Object Identification: <http://dx.doi.org/10.18007/gisap.ps.v0i10.1283>

The fairy tale as an epic work, which accumulates the ancestral centuries-old folk wisdom, is traditionally viewed as one of the most powerful means forming the child’s communicative experience. Within various issues dedicated to the study of a fairy tale the explanation of its cognitive subliminal effect, which provides the comprehension of the fairy tale’s didactic value and leads to the child’s positive feedback, seems to be both urgent and interesting. Considering this, the aim of our work is to substantiate the cognitive synergetic model representing the mechanism of the fairy tale’s subliminal influence on the child.

As a methodological basis for the formation of this model we used the conceptual ideas related to the functioning of a psycho-energetic mechanism of the utterance of emotional-and-pragmatic potential actualization [1; 2], considered from the perspective of the famous philosophical concept of an individual’s spiritual life [3, pp. 208-213].

While forming this synergetic model, we also relied on the philosophical paradigm suggested by A. Klimenyuk. According to him, the process of thinking in its cognitive manifestation is carried out in the individual’s multi-leveled psychic sphere within several stages separated in time and of different directions. Being generated in the emotional form at the level of the individual’s existential unconscious, the process of thinking at its first stage has a purely stochastic nature and while unfolding according to polylectic laws it leads to the creation of emotional concepts, the content-bearing potential of which is partially transferred into the person’s mental sphere. The direction of emotional thinking is based on the

stochastic processing of perceptual and logical information that is suppressed by the consciousness [3, p. 223]. These mechanisms allow us offer the idea about the synergetic nature of the subliminal power inherent to the plot and content of the fairy tale, which is perceived by the child’s emotional sphere.

Considering the mentioned regularities of the person’s psycho-energetic mechanisms we have formed the basic theoretical model representing the self-developing processes of the fairy tale’s subliminal influence occurring in a child’s psychic sphere (see Fig. 1).

As we can see, the model has the form of a complex four-leveled topological system comprising different spheres of a child’s spiritual life, i.e. existential, mental and transcendent subsystems, the functioning of which is guided by the consciousness (marked on the model with the letter C). The frame of this system is formed by three components: communicative culture of the micro-

society (the side CB), the child’s personal communicative experience (AC) and pragmatic intentions (AB).

Within the designated system representing the spheres of a child’s spiritual life (emotional, emo-rational, rational and logical) there takes place the self-development of all synergetic processes and acts of his/her thinking generation when perceiving a fairy tale. Due to this a synergetic picture of the origin, self-development and actualization of the reaction in the child’s mind is shown on the model in the form of an attractor-structures trajectory (trajectories I, II of the attractor-structure 1-C), which reflects the peculiarities of complex effects, that the subliminal energy inherent in the fairy tale plot, has on a child.

The model shows that the verbal information, which conveys the meaning of the tale, reaching the sphere of the child’s unconscious (see the vector **W** and the arrows going along

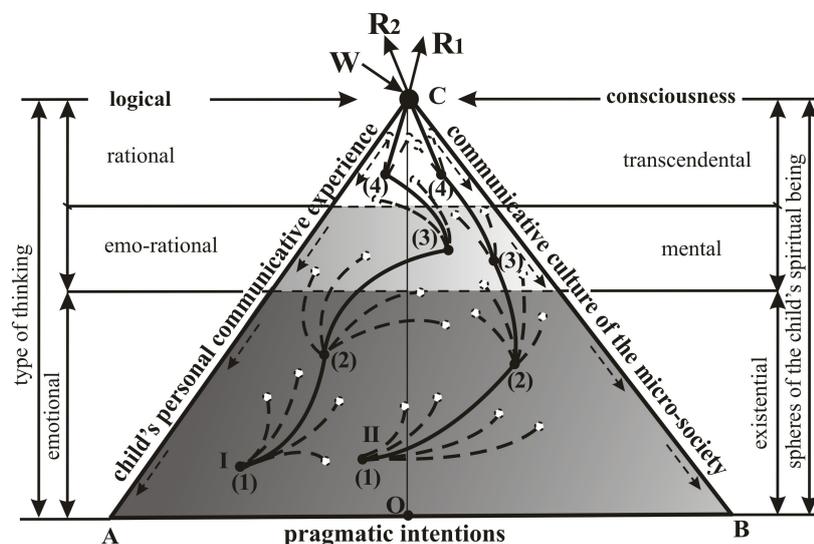

Fig. 1. Synergetic model of the psycho-energetic mechanism of the fairy tale’s self-developing subliminal influence in the child’s spiritual sphere

the sides of the triangle) triggers the psycho-physiological energy of certain archetypes of an instinctive nature. The archetype, therefore excited of being in the resonant interaction with the archetype-analogue formed as a result of the child's pragmatic life experience, generates a powerful subliminal effect which "fascinates consciousness, captivates it as if hypnotizing" [4, p. 178], and stimulates certain queries. But before reaching the sphere of consciousness, the energy of thus excited queries as a natural reaction to the fairy tale's subliminal influence, consistently goes through the mental and transcendental spheres, increasing or suppressing the energy of the corresponding archetype-analogues; the energy is being activated by the simultaneous input of the mentioned verbal information to these areas. If in these areas the archetype-analogues are excited, there occur the so-called bifurcations, i.e. the points at which the trajectory of queries emerges and further develops until it reaches the child's consciousness. Considering this, as well as following the method of logical analysis of sustainable patterns, as described in synergetics, we found out only two possible ways of the queries' emergence in the child's unconscious sphere (see trajectories I, II on Fig. 1) and their reaching his/her consciousness.

With the help of the model it was shown that, provided a child gets a satisfactory answer to a reaction-query generated by his/her consciousness in the process of socialization, in all spheres of a child's spiritual existence (existential, mental, transcendental and consciousness) there will be formed different corresponding concepts (emotional, emo-rational, rational and logical). Due to this, in the sphere of a child's spiritual existence a stable psycho-energetic complex will appear – the one that ensures his/her comfortable existence within the norms of a micro-society. We offer to view this complex, that arises from the genetically-determined emotional archetypes of the child's subconscious, as a source of creation (in the child's consciousness) of steadfast clichés in his/her communicative and behavioral performance. The experience thus gained is directed into the child's long-

term memory of the spheres of his/her spiritual existence as a personality.

The offered synergetic model embraces two scales of possible consideration: (1) the mechanism of subliminal influence of the fairy tale on a child, and (2) the emergence and fixing of certain archetype-analogues in the child's consciousness during the process of his/her socialization.

The first scale of the analysis of the child's reaction is limited by the analysis of partial attractors' development. Such an analysis requires cooperation with psychologists and carrying out special tests. In contrast, the consideration of effects of the fairy tale's subliminal influence on the child's mental and speech activities within the scale of a full attractor structure of the query generation or generation of a definite archetype-analogue is quite justified and convenient for linguists, since for its experimental realization it is enough to resort to semantic analysis of questions posed by a child when perceiving and comprehending the fairy tale. In favor of this there is the fact that in addition to conscious actions or positions of a child the content of the unconscious can quite arbitrarily interfere in his/her mind [4, p. 35], for as long as the guidance, perceived as a result of his/her socialization, will not take the weight of certain taboos.

Considering the child's psyche, age and personal communicative experience accumulated within the culture of the micro-society, the methodological potential of the model allows us to decode certain, mainly image-bearing and partly verbal concepts, which form the simplified pictures of the world in

the child's consciousness and generate queries as a reaction to the subliminal influence of the fairy tale.

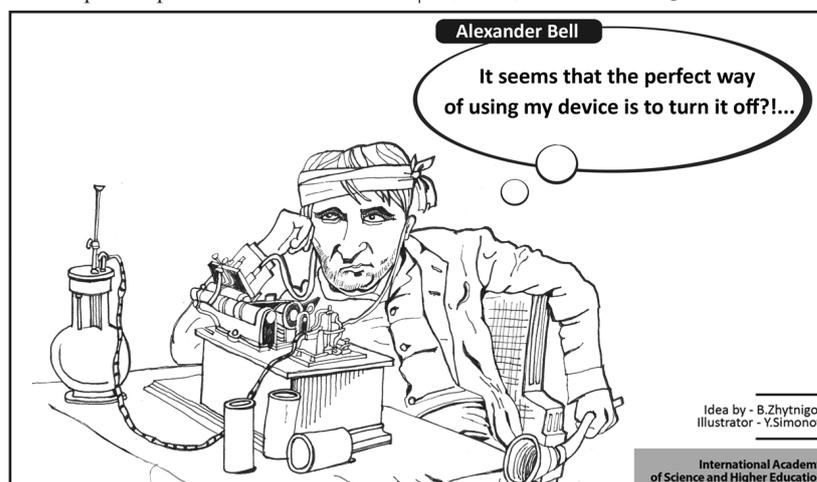
We hope that the offered model can serve as a basis for deepening the scientific view on possibilities and consequences of the subliminal influence of different utterances, that generate queries in the listener's consciousness in general and while using a fairy tale as a material in the process of teaching a foreign language, in particular.

References:

1. Kalyta A. *Phonetic Studies from the Perspective of an Energetic Approach*, A. Kalyta., *Within Language, Beyond Theories* (Volume I): *Studies in Theoretical Linguistics: Monograph*, ed. by Anna Bondaruk, Anna Prażmowska. – Cambridge., Cambridge Scholars Publishing. – 2015. – pp. 322-336.
 2. Kalita A., Taranenko L. *Synergetics of the phonoconcept generation and actualization*, Alla Kalita and Larisa Taranenko., *Naukovi zapisky*, No. 96 (2), Seria: *Philologichni nauky (Movoznavstvo)*. – Kirovograd., RVV KDPU imeni V. Vynnychenka. – 2011. – pp. 213-219. (in Ukrainian)
 3. Klimenyuk A. *Knowledge, Intellection, Cognition: Manuscript*. – Ternopol', *Pidruchniki I posibninki*, 2010. – 304 p. (in Russian)
 4. Jung C.G. *Selected works*, Carl Gustav Jung., Translated from German. – Minsk., LTD «Poppuri», 1998. – 448 p. (in Russian)
- <http://dx.doi.org/10.1515/9781400855575.201>

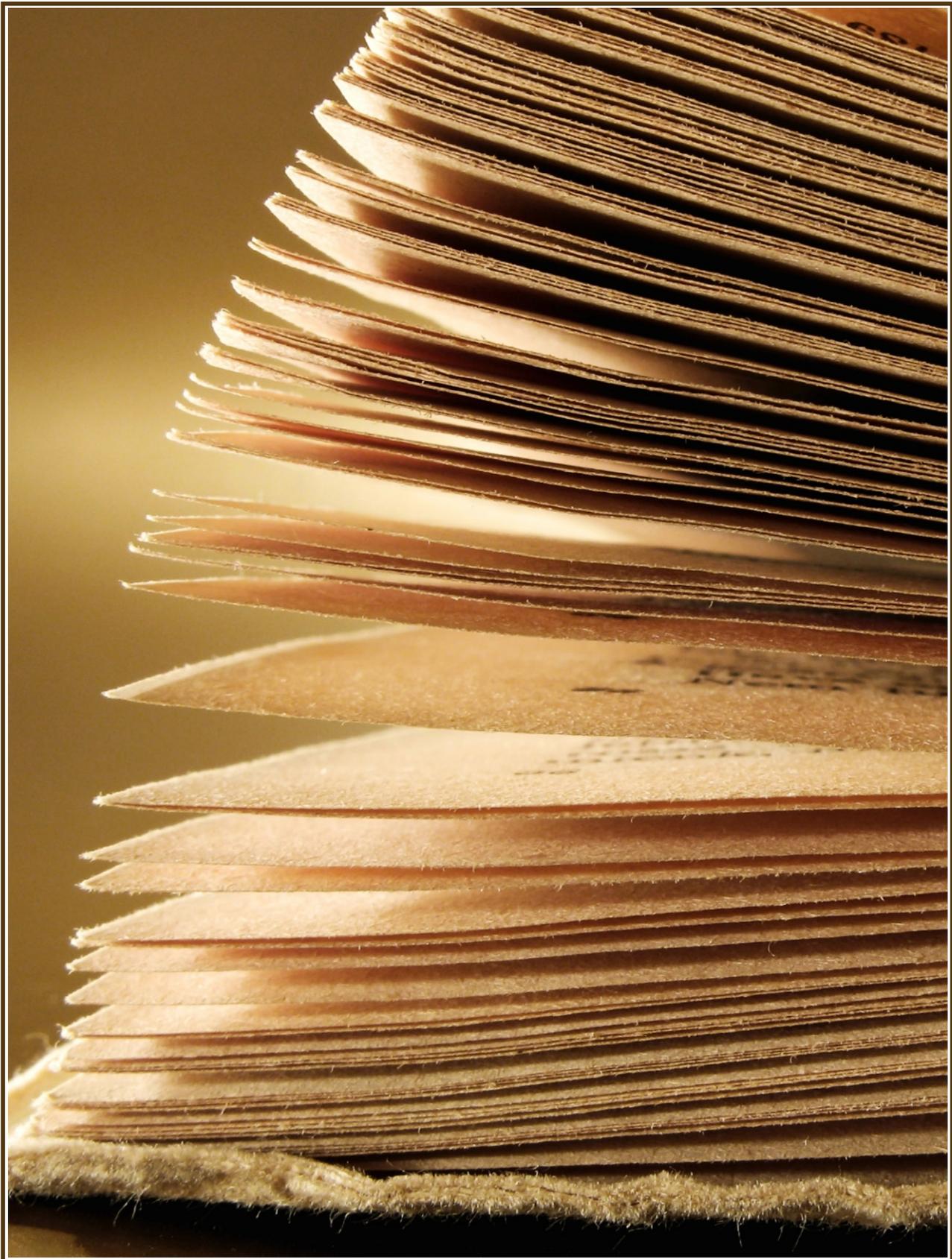
Information about author:

Larisa Taranenko – Candidate of Philology, Associate Professor, National Technical University of Ukraine "Kiev Polytechnic Institute"; address: Ukraine, Kyiv city; e-mail: litera@i.ua

GISAP Championships and Conferences 2016

Branch of science	Dates	Stage	Event name
MAY			
Educational sciences and Psychology	12.05-17.05	II	Influence of knowledge and public practice on the development of creative potential and personal success in life
JUNE			
Philology	08.06-13.06	II	Issues of preservation of originality and interference of national languages in conditions of globalized international life
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	08.06-13.06	II	Human creativity phenomenon in ups and downs of the historical process
JULY			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	06.07-12.07	II	Innovative approaches in diagnostics and treatment of human and animal diseases caused by injuries, genetic and pathogenic factors
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	06.07-12.07	II	Value of the personality and collective interactions in the social progress ensuring process
AUGUST			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	04.08-10.08	II	Modern methods of studying matter and interaction of substances, as well as the subject-based relations modeling
Technical Science, Architecture and Construction	04.08-10.08	II	Solving problems of optimal combination of standards of quality, innovative technical solutions and comfort of operation when developing and producing devices and construction objects
SEPTEMBER			
Educational sciences and Psychology	13.09-19.09	III	Harmonious personal development problem in relation to specificity of modern education and socialization processes
OCTOBER			
Philology	05.10-10.10	III	Trends of language cultures development through the prism of correlation between their communicative functions and cultural-historical significance
Culturology, Physical culture and Sports, Art History, History and Philosophy	05.10-10.10.10	III	Significance of personal self-expression and creative work in the course of formation of the society's cultural potential
NOVEMBER			
Medicine, Pharmaceutics, Biology, Veterinary Medicine and Agricultural sciences	10.11-15.11	III	Modern methods of ensuring health and quality of human life through the prism of development of medicine and biological sciences
Economics, Jurisprudence and Management, Sociology, Political and Military Sciences	10.11-15.11	III	Correlation between humanity and pragmatism in target reference points of modern methods of public relations regulation
DECEMBER			
Physics, Mathematics and Chemistry, Earth and Space Sciences	07.12-13.12	III	Object-related and abstract techniques of studying spatio-temporal and structural characteristics of matter
Technical Science, Architecture and Construction	07.12-13.12	III	Current trends in development of innovations and implementation of them into the process of technical and construction objects production

International Academy of Science and Higher Education (IASHE)
1 Kings Avenue, Winchmore Hill, London, N21 3NA, United Kingdom
Phone: +442071939499
E-mail: office@gisap.eu
Web: <http://gisap.eu>